

<i>Симонова И.В.</i> Структурно-семантические трансформации фразем и паремий (на материале русских газетных текстов).....	140
<i>Соболевская Л.С.</i> Семантическая структура текста газетного интервью на белорусском и английском языках	143
<i>Чуханова А.В.</i> Структурно-семантические особенности современных антипословиц	146

СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

<i>Андреев А.Н.</i> Каверзы терминологии	149
<i>Вострыкава А.У.</i> Асаблівасці сімвалізму чэшскага паэта Отакара Бржэзіны ...	152
<i>Гончарова-Грабовская С.Я.</i> Герой «переходной эпохи» в русской драматургии XX в.	155
<i>Горбачев А.Ю.</i> Национальный компонент в структуре отношений и его отражение в литературе.....	159
<i>Касюк Н.С.</i> Языковые средства репрезентации вещественного пространства в поэтической картине мира акмеистов	162
<i>Клименко А.Н., Лучковская Е.В.</i> Лакуны как способ отражения национального и социального в языке	165
<i>Крикливец Е.В.</i> Специфика художественного пространства-времени в повествовании в рассказах В. Астафьева «Царь-рыба» и повести В. Козько «Цвіце на Палессі груша».....	168
<i>Кураш Т.М.</i> Фразеолога-трапеічныя комплексы як сродак выражэння сацыякультурнай семантыкі ў сучасным паэтычным дыскурсе	171
<i>Кураш С.Б., Хакамы О.Н.</i> Контрастивные оппозиции метафор в поэтическом интертексте (лингвопоэтический и социокультурный аспекты)	174
<i>Лявонава Е.А.</i> Канцэпт у мастацкай сістэме Алеся Разанава	177
<i>Михайлова Е.В., Ли Эр Юн</i> Концептуализация вокального искусства в китайской классической поэзии.....	180
<i>Плеханова Т.Ф.</i> Художественный текст как открытая система	183
<i>Пристром Е.С.</i> Восприятие смысла художественного текста	186
<i>Рамза Т.Р.</i> Смещение кодов как стилистический приём	189
<i>Тихомирова Е.А.</i> Функции конструкций с инфинитивом в русском литературном языке и лирике Беллы Ахмадулиной	192
<i>Точилина Е.М.</i> Человек и социум в пьесах А. Дударева «Вечер» и А. Галина «Библиотекарь».....	195
<i>Шамякіна Т.І.</i> Моўныя сродкі пачатку мастацкага твора як элемент аўтарскага стылю (на матэрыяле творчасці Івана Шамякіна)	198
<i>Шпаковский И.И.</i> Социальное и национальное в современной русской лирико-публицистической прозе.....	202

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
МЕЖДУНАРОДНАЯ АССОЦИАЦИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
БЕЛОРУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ
РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК И СОЦИУМ

МАТЕРИАЛЫ VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Минск, 5–6 декабря 2008 г.

Под общей редакцией доктора филологических наук,
профессора Л. Н. Чумак

В двух частях

Часть I

Минск
РИВШ
2009

УДК 81'27(043.2)
ББК 81
Я 41

Редакционная коллегия:

доктор филологических наук, профессор *И. С. Ровдо* (пред.);
доктор филологических наук, профессор *Л. Н. Чумак* (отв. ред.);
доктор филологических наук, профессор *Д. Г. Богусевич*;
доктор филологических наук, профессор *Н. Б. Мечковская*;
доктор филологических наук, профессор *И. Ф. Ухванова-Шмыгова*

Язык и социум: материалы VIII Междунар. науч. конф., г. Минск,
Я41 5–6 дек. 2008 г. В 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Л. Н. Чумак. – Минск:
РИВШ, 2009. – 212 с.
ISBN 978-985-500-250-6.

Сборник содержит материалы Международной научной конференции,
посвященной различным аспектам взаимодействия языка и социума.

В первой части сборника представлены пленарные доклады, а также работы,
касающиеся исследований языковой политики, языковой ситуации и проблем
билингвизма, социокультурных аспектов структуры языка, методологии дискурс-
исследований, языка СМИ, социального и национального в аспекте
художественного восприятия.

Для филологов, культурологов, социологов, философов.

УДК 81'27 (043.2)
ББК 81

ISBN 978-985-500-250-6 (Ч. 1)
ISBN 978-985-500-249-0

© Оформление. ГУО «Республиканский
институт высшей школы», 2009

<i>Красковская И.Г.</i> Множественное «генерализующее» имен собственных: сочетаемость и семантика форм	80
<i>Михалевич М.М.</i> О посессивности и ее месте в ономаσιологической структуре русских и английских композитов	83
<i>Свиридович М.В.</i> Специфика семантической структуры и фразеологического употребления русских и немецких зоонимов.....	86
<i>Соловьева Н.В.</i> Фразеологизированные наименования пищи и напитков с опорным компонентом медь в русском языке XI – XVII вв.	89
<i>Тихоненко Е.В.</i> Наименование предприятий торговли г. Минска: основные тематические группы и мотивы номинации	92
<i>Трофимович Т.Г.</i> Фразеология в старорусском и старобелорусском деловом дискурсе (к проблеме номинативных функций).....	94
<i>Трофимович Т.Г., Полещук Н.В.</i> Названия московских приказов и старорусская правовая фразеология	97

МЕТОДОЛОГИЯ ДИСКУРС-ИССЛЕДОВАНИЙ

<i>Ждановская Н.А.</i> Философско-методологические подходы к анализу идеологического дискурса в социально-критической традиции	101
<i>Зинченко Я.Р.</i> Особенности адресации в дискурсах ведущего и дуэлянтов ток-шоу «К барьеру» (на материале скрипта 168-го выпуска).....	103
<i>Курчак Л.В.</i> Деловые переговоры как особый жанр и формат общения.....	106
<i>Лазарева О.Ю.</i> Нетипичные онимы в системе наименований белорусских продуктов питания	108
<i>Савич Е.В.</i> Дискурс-категории «жанр» и «формат»: обоснование и операционализация	111
<i>Ухванова-Шмыгова И.Ф.</i> Дихотомия «жанр-формат» в контексте каузально-генетического моделирования содержания дискурса.....	115

ЯЗЫК СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

<i>Вольнец Т.Н.</i> Конфликтотенные зоны и специфика их языкового оформления в газетном тексте (исследование выполнено в рамках совместного гранта – БРФФИ – РГНФ № Г07Р-006).....	117
<i>Долбик Е.Е., Бегун А.В.</i> Синтаксические особенности рекламного текста (на материале печатной рекламы женских товаров)	121
<i>Долбик Е.Е.</i> Экспрессивные ресурсы графики в публицистическом тексте (на материале «Российской газеты»).....	124
<i>Ларина Т.И.</i> О национально-культурной специфике ономастических тропов (на материале англо-, русско- и польскоязычной публицистики).....	127
<i>Кунец С. В.</i> Языковая игра на страницах белорусских газет.....	130
<i>Леценко В.Л., Сокол Е.В.</i> Синтаксические особенности журнальных заголовков.....	133
<i>Мацюшэнка М. В.</i> Наватворы ў лексіцы спорту (на матэрыяле сучаснай беларускай публіцыстыкі).....	135
<i>Пальянова Г.В.</i> Глагольные аналитические конструкции: правильность использования в газетных текстах.....	138

СОДЕРЖАНИЕ

К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Чумак Л.Н. Кафедре прикладной лингвистики – 20 лет 3

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

<i>Бразаускаене Е.М.</i> Формирование социокультурной компетенции в процессе обучения русскому языку	6
<i>Буренина Л. М., Носович Я.Ф.</i> Язык и процесс коммуникации в современном обществе.....	10
<i>Голованова Е.И.</i> Языковая личность ученого лингвиста.....	14
<i>Жаналина Л.К.</i> Номинативная деятельность и синхронная динамика русского языка.....	22
<i>Килевая Л.Т.</i> Русский литературный язык в едином славянском пространстве: становление и развитие	27
<i>Литвинникова О. И.</i> Неофициальные номинации первых лиц государства в СМИ современной Украины.....	31
<i>Лукашанец А.А.</i> Сацьяльная стратыфікацыя беларускай мовы.....	36
<i>Макаров В.В.</i> Об эмоциональности в языке (социолингвистический аспект).....	40
<i>Мечковская Н.Б.</i> Белорусская трасянка и украинский суржик: о культуре речи и лингвистической толерантности у восточных славян в постсоветское время.....	43
<i>Харченкова Л.И.</i> Национально-культурный компонент рекламных текстов	48

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

<i>Глуценко О.А.</i> Этноязыковая ситуация на Камчатке в исторической ретроспективе	53
<i>Григоренко М.Ю.</i> К вопросу о функционально-семантическом статусе категории эвиденциальности	56
<i>Дубовик Е.И.</i> Прагматическая ситуация в предложениях с модальным значением целесообразности.....	59
<i>Мельникова Л.А.</i> Восприятие устной информации билингвами	62
<i>Раткевич М.А.</i> Языковая политика в БССР в 20-30 гг. XX века (на примере польского национального меньшинства).....	64

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

<i>Белая А.С.</i> Социокультурный компонент в наименованиях реалий современного социума.....	68
<i>Величко Ю.Е.</i> Трансформация конструкций как явление динамики синтаксиса современного русского языка	69
<i>Головня А.И.</i> Системность метафоры в терминологии	71
<i>Дерунова А.А.</i> Названия документов в русском деловом языке XI – XVII вв.: ономазиологический аспект.....	74
<i>Зуева О.В.</i> К проблеме регистровой стратификации древнерусских эпистолярных текстов.....	77

К ЮБИЛЕЮ КАФЕДРЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Л.Н. Чумак (Минск)

КАФЕДРЕ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ – 20 лет

2008 г. в жизни кафедры прикладной лингвистики особенный: 20 лет назад на филологическом факультете БГУ появилось новое подразделение – кафедра русского языка как иностранного (РКИ). Она возникла в недрах кафедры русского языка, где функционировала секция преподавателей РКИ. Кафедра была основана с целью совершенствования подготовки специалистов по РКИ в связи со значительным расширением контингента обучаемых иностранных студентов-филологов и стажеров.

В 1994 г., с присоединением к кафедре НИЛ теоретической и прикладной лингвистики, она стала называться кафедрой прикладной лингвистики. Это был трудный период становления, осознания своего места в системе факультета, определения генеральной линии развития кафедры при минимальном количестве обучающихся иностранных студентов. Усилиями коллектива кафедры были разработаны новые учебные планы и программы, новые учебно-методические пособия.

Первым заведующим кафедрой был проф. В.В. Макаров, затем заведование кафедрой осуществляли доц. В.И. Дублянский, доц. Я.И. Вильтовская, с 1994 г. – проф. Л.Н.Чумак, а с 2008 г. – доц. Л.Ф. Гербик.

Большинство сотрудников кафедры являются выпускниками филологического факультета БГУ (С.М. Прохорова, А.И. Глухотко, Л.Ф. Гербик, Н.А. Кузнецова, А.В. Лаврененко, А.И. Головня, О.И. Ровдо, М.Н. Громыко, Т.П. Шуба, Т.О. Верховцова, А.А. Баркович, М.В. Свиридович, А.А. Матюнова, Е.А. Воронцова).

Основные направления научной и педагогической деятельности кафедры лежат в области современного русского языка, русского языка как иностранного, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, системологии, компьютерной лингвистики, теории языкознания.

Кафедра участвует в подготовке специалистов высокой квалификации: были защищены диссертации в области лексикологии, ареологии, лингвокультурологии, теории языкознания, когнитивной лингвистики. На кафедре сложились серьезные научные школы: системологии (проф. В.А. Карпов, 1940-2006 гг.), русского языка как иностранного (проф. Л.Н. Чумак), когнитивной лингвистики (проф. С.М. Прохорова).

Кафедрой осуществляется подготовка иностранных учащихся – филологов в зависимости от их профессиональных интересов, потребностей и продолжительности обучения (полное и включенное

обучение, стажировка, магистратура, аспирантура). С 1988 г. на кафедре прошли обучение более тысячи иностранных студентов-филологов. Специалистами высокой квалификации стали наши выпускники из Кореи, Финляндии, Ганы, Мадагаскара, Буркина Фасо, Афганистана, Вьетнама, Индии, Перу, Монголии, Голландии, Франции, Польши, Болгарии.

В настоящее время на кафедре обучается 148 студентов на полном обучении и 20 магистрантов из Китая, Ирана, Вьетнама, Турции, Камеруна, 5 аспирантов из Китая и США, а также стажеры из Германии, Польши, Сербии, Болгарии, Словакии, Чехии, Финляндии, Южной Кореи. Кафедра прикладной лингвистики является базовой в республике по подготовке русистов зарубежных стран.

С 1996 г. в рамках программ специализаций “русский язык как иностранный” и “компьютерная лингвистика” на кафедре осуществляется подготовка преподавателей русского языка как иностранного для вузов РБ и специалистов по компьютерной лингвистике. Реализации данных специализаций призваны способствовать предлагаемые ведущими сотрудниками кафедры спецкурсы и спецсеминары, направленные на организацию научно-исследовательской работы, проводимой как со студентами нашего факультета, так и с иностранными учащимися, обучающимися по специальности “русский язык и литература”.

На кафедре подготовлены учебные пособия для иностранных студентов: В.Г. Будая «Русский с алфавита» (2003 г., с грифом Минобразования РБ); Л.Н. Чумак «Курс лекций. Синтаксис» (2003 г.), Л.Н. Чумак «Современный русский язык. Синтаксис» (2007 г., с грифом Минобразования РБ); А.И. Головни «Фонетика. Фонология. Курс лекций» (2007 г.), «Беларусь. Лингвокультурологический комплекс» (2008 г.), Л.Н. Чумак «Методика преподавания русского языка как иностранного» (2009 г., с грифом Минобразования РБ).

Вышел из печати сборник материалов студенческих научных работ «Лингвокультурная общность русского и белорусского языков» (2008 г.).

На кафедре прикладной лингвистики проводятся следующие спецсеминары: “Теоретические основы РКИ” (проф. Л.Н. Чумак); «Когнитивная лингвистика» (проф. С.М. Прохорова); «Лингвокультурологический аспект в преподавании РКИ» (доц. Л.Ф. Гербик); «Компьютерная лингвистика» (доц. А.В. Лаврененко); «Язык как система» (доц. А.И. Головня); «Функционально-коммуникативное описание РКИ» (к.ф.н. А.А. Матюнова).

Важным аспектом научной работы кафедры является исследование отношений языка и социума. На базе кафедры с 1996 г. проходят международные научные конференции “Язык и социум”, издаются сборники материалов. Эти конференции имеют широкий научный резонанс, в них принимают участие исследователи из разных стран мира. С 2004 г. данная конференция входит в план научных мероприятий МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и

венных объемов – от «ландшафтного», панорамного, «втягивающего» описываемое в общенациональные измерения, до предельно суженного, сфокусированного на конкретных явлениях социальной действительности. Различные формы пространственно-временных конструкций драматизируют «сюжет» социально-психологического анализа, наделяют его особой идейно-смысловой масштабностью.

Такое лирическое освоение мира, которое включает в себе художественно-публицистический анализ документально засвидетельствованной жизни, «дополнение» сугубо художественного иными перекрещивающимися потоками информации, отвлеченных размышлений биографическим материалом, позволяет, в определенном смысле, преодолеть противоречие между «единичностью» субъективно-индивидуального и «тотальностью» универсальной всеобщности социума и национального бытия.

неличных форм глагола, замену «я» обобщенным «мы». Такая эстетическая доминанта организации художественно-публицистического целого создает эпичность особого качества: сама логика переживаний-размышлений, мыслечувственных «жестов» субъекта повествования направлена не столько на раскрытие микрокосма индивида, в котором лишь косвенно фокусируется социальное, сколько на умонастроения-чувства целых социальных групп, создание многослойной временной панорамы. Б. Ахмадулина в «Нечаянии», например, берет на себя миссию летописца нескольких поколений, причем основной «формулой» исследования умом и сердцем эпохи у нее становится не столько «человек в истории», сколько «история в человеке». «Прозрачный образ тети Дюни» раскрывается в единстве главных измерений человеческого мира – социальном, психологическом и философско-этическом, представляется по «вертикали», словно прорастает из глубины «благого, древнего крестьянского рода», предстает как «зримо выпуклый образ родной земли». Резко экспрессивное выражение социально-психологического «содержания» образа, лирическая «пристрастность» делает наглядно зримой «биографию века» с его расстроеной, катастрофически непредсказуемой социодинамикой.

Такое же эмоционально насыщенное сочленение истории и современности в размышлениях о судьбах России, о самых существенных, самых острых вопросах социально-исторического ее развития определяет особенности художественной структуры лирико-публицистических рассказов В.Лихоносова последних лет. При всей разномасштабности отражений в лирической дали воспоминаний объективной данности явлений и характеров, они все обладают большим зарядом центростремительной силы, направленной на создание поэтически обобщенного и, одновременно, эпического образа Времени. Как непосредственный участник исторических процессов, повествующий герой В. Лихоносова обладает нервно-обнаженной чуткостью, прежде всего, к «неготовой современности» (М. М. Бахтин), но активность его памяти, ассоциативность мышления позволяет «преодолеть» время, подняться над ним. Конечно, временная протяженность при этом не столько реальность, воплощенная в последовательной длительности событий, сколько ощущение ее. Особенно это заметно, когда стремление к постижению принципиальной сложности национального бытия в прошлом и настоящем логическим завершением своим имеет появление «прогнозируемого» будущего, перспективы исторического движения. Подобное социально-нравственное видение будущего мы видим и в «Голубом поле под голубыми небесами» В. Астафьева, правда, уже дополненное эсхатологическим, «бытийным» оттенком. Тягостные картины предполагаемого будущего как бы «подготовлены» наблюдаемым в настоящем, выразительно «оттенены» элементами прошлого, а так же размышлениями о вечном, о «неразделимости» всего сущего, о «заблудившемся в мироздании» человеке. Выходу на более высокий уровень познания национального бытия способствует и комбинирование пространст-

литературы). В документах XI Конгресса МАПРЯЛ, проводимого в 2007 г. в Варне (Болгария), было отмечено, что конференция “Язык и социум” входит в список десяти наиболее престижных конференций МАПРЯЛ, проводимых среди русистов мира.

С 2007 г. проводятся чтения, посвященные памяти профессора В.А. Карпова: вышло из печати 2 сборника материалов.

Преподаватели кафедры выступали с докладами на международных научных форумах, конгрессах, конференциях в известных научных центрах и университетах мира (Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Вильнюсе, Риге, Братиславе, Варне, Белграде, Регенсбурге, Йене, Познани и др.).

Сегодня кафедра в составе 17 человек – это высокопрофессиональный коллектив профессоров, доцентов и преподавателей, способный решать актуальные задачи в области РКИ и компьютерной лингвистики.

МАТЕРИАЛЫ ПЛЕНАРНЫХ ЗАСЕДАНИЙ

Е.М. Бразаускаене (Вильнюс)

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

В соответствии с современным компетентным подходом к обучению языку и изучению языка основной целью этого процесса считаем достижение ряда компетенций.

Под компетенцией понимается совокупность знаний, умений и навыков, которые формируются в процессе обучения предмету и обеспечивают овладение им и в то же время служат развитию личности, её интеллектуальных и творческих способностей, ценностных ориентиров.

При обучении русскому языку как иностранному в школе выделяем несколько общих и специальных, или предметных, компетенций.

Среди общих компетенций, которые создают основу школьного образования и формируются на всех предметах, назовём: когнитивную (от лат. *cognitio* – познание) – способность исследовать, думать, уметь учиться; коммуникативную – умение общаться, получать информацию и обмениваться ею; социальную – уметь сотрудничать, работать в коллективе; деятельностную – уметь создавать что-либо, включаться в деятельность и приспосабливаться к изменяющимся условиям; стратегическую – уметь себе помочь, находить наиболее оптимальные решения, научиться справляться со своими эмоциями, знать, как выйти из сложного положения, как достичь успешности в изучении. Безусловно, эти компетенции при обучении языку могут быть одновременно и специальными, предметными, особенно коммуникативная и стратегическая.

Коммуникативная компетенция – это основная компетенция при обучении языку самым распространённым в современной методике коммуникативным методом. Не менее важной является и стратегическая компетенция, т. е. умение применить компенсаторные стратегии при речевой деятельности – говорении, слушании, чтении и письме. Среди предметных компетенций назовём также: языковую – понимание системы языка, его грамматического строя и арсенала языковых средств; речевую – владение речевыми моделями, умение строить высказывания и продуцировать речь; прагматическую – умение общаться в определённых ситуациях, имея определённые мотивы и намерения; социокультурную – обладание определённым комплексом неких экстралингвистических знаний о традициях, обычаях, культуре, истории, географии страны, язык которой изучается, обеспечивающих адекватное общение с представителями этой страны и культуры. Согласно «Словарю методи-

и грусти» [«Нечаяние» Б. Ахмадулиной]. Такая субъективная проекция объективной действительности представляет не «биографию» эпохи, но «переживание» её, не событие как таковое, но поэтический аспект события.

На первый план в повествовании выходят не столько вспоминаемые события, сколько образ вспоминающего автора, однако его самовыражение включает не только индивидуально-сокровенное («о себе»), но всегда и социально-историческое («о времени») – непосредственный отклик современника-гражданина, который претендует на значимость серьёзного исследования жизни. Поэтому пластические образы эпико-событийного ряда не только лирически одухотворены, но и содержат в себе как неотъемлемый компонент «рассуждающие конструкции» аналитико-публицистических комментариев – это проза «переживаемых мыслей» и «умных эмоций», несущих в себе социальный смысл, отзывающихся народной мерой знания и понимания жизни. Явления социально-политической динамики современности вводятся в круг самых сокровенных переживаний лирической личности, и, одновременно, отдельные моменты сугубо приватно-автобиографического характера вписываются в контекст общих тенденций исторического процесса. Собственно, объединяет лирико-публицистическую прозу таких разных авторов, как В. Астафьев, Б. Ахмадулина, В. Кручин, В. Лихоносков, В. Распутин, А. Солженицын, Т. Толстая, их обостренная «неиностранность», общий предмет рефлексии – историческая судьба России, социальное бытие и национальное сознание, духовный потенциал наших современников в условиях жестких идейных ристалищ, создания нового идеологического декораума. Осмысливая историю и современность в планах социально-историческом и национально-психологическом, эти писатели, как правило, открыто концептуально, прямо и непосредственно ставят проблемы и решают их для себя на жизненном примере своих героев. Привлекаемый биографический материал, попадая в сферу авторской рефлексии, окружается таким ореолом эстетического и идеологического смысла, что в личности единственного в своем роде человека «угадывается» общенациональное, обнаруживаются черты, которые подымают его образ до масштабно осмысленного социального типа.

Многие портреты-характеры в лирико-публицистической прозе современных русских писателей как раз и интересны тем, что вписываются в эпическую панораму путей и изломов народной жизни, становятся своего рода мерой времени, концентрированным выражением истории. Да и сам, заметим, повествующий герой при всей индивидуальной неповторимости черт характера, темперамента, языка предстает фигурой в значительной степени социально значимой, поскольку он активен в «идеологическом» мирозерцании и его «самосвидетельство» идет в рамках «переживания» и осмысления «созидающей» его личность социально-исторической действительности, несет в себе оценку сегодняшнего дня с высоты «вечных ценностей» национального бытия. Его стремление максимально приблизиться к этической «субстанции народа» объясняет частое использование в его рассуждениях

адчужанасць людзей. Пры гэтым заўважым яшчэ адну асаблівасць позніх твораў Шамякіна: у пачатковых фразах ён вельмі часта выкарыстоўвае інверсію, нязвыклы парадак слоў. І гэтым таксама падкрэслівае перавернутасць быцця.

У адной з апошніх аповесцей “Пошукі прытулку” пачатак твора памяшчае героя – старога чалавека – ужо на мяжы свету рэальнага і іншасвету, аналагам якога з’яўляецца сон: “*Прачнуўся Ігнат Андрэевіч як пасля глыбокага наркозу. Не адразу выходзіў з небыцця*”.

Такім чынам, пачаткі твораў І. Шамякіна сведчаць пра значную эвалюцыю, якую прайшоў пісьменнік. Насычаныя дзеяннем, энергетыкай змагання і перамогі, вельмі часта хранатопнага характару, пачаткі твораў паступова набываюць усё большы прыхаваны драматызм, сімвалізм і нават некаторую метафізічнасць.

И.И. Шпаковский (Минск)

СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИРИКО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ

Стремление современных русских прозаиков ничего не упустить из лавинообразно усложняющегося социально-нравственного бытия человека, перешагнувшего в новое тысячелетие, дать художественную модель мира на разных уровнях обуславливает особый динамизм жанрово-родовых смещений, причудливое сочетание методик и техник письма. В частности, стремясь «выговориться» о самом наболевшем, полемически заострить постановку общественно значимых проблем, писатели прибегают к средствам и способам отражения действительности, больше свойственным «чистой» публицистике. Аналитико-публицистическое начало проникает даже в лирическую прозу, которая по самой своей природе феноменологична. «Жизнь души», как сюжетобразующее и структуроопределяющее начало, при этом вовсе не отодвигается на второй план, однако наряду с частной, сокровенно-интимной «моделью личности» в повествовании начинает равноправно сосуществовать как объёмлющая широкие социально-исторические горизонты «модель действительности», так и развернутая до прадавних времен «модель национального бытия». Такая специфика «строительного материала» и творческого к нему подхода определяет «драматическую траекторию» развития сюжета лирико-публицистических произведений: мир социальных явлений и явлений национального бытия в их объективных пространственно-временных и каузальных характеристиках, как правило, воссоздается со зримой рельефностью, «пространственно», однако каждый эпико-повествовательный момент «откликается» лирическим, уравнивается поэтическим мироощущением. Собственно, реалии объективного мира важны для субъекта повествования не только и не столько «содержательной» своей стороной, но, прежде всего, как «хранители» пережитых ощущений и чувств, того, что «расширяет все поры души» [«Les peg rets» В. Лихоносова], «наводит на многие мечтания

ческих терминов» Э. Г. Азимова и А. Н. Щукина, «социокультурная компетенция подразумевает знакомство учащегося с национально-культурной спецификой речевого поведения и способностью пользоваться теми элементами социокультурного контекста, которые релевантны для порождения и восприятия речи с точки зрения носителей языка...» [Азимов, Щукин 1999, с.333]

Как видим, социокультурная компетенция с одной стороны, близка страноведческой компетенции как «совокупности знаний о стране изучаемого языка, обеспечивающих определённый уровень навыков и умений использования в целях общения национально-культурного компонента языка, речевого этикета и невербальных средств общения» [там же, с.342] и лингвострановедческой компетенции, под которой обычно понимают систему извлечённых из языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики и усвоенных иностранными учащимися в процессе и благодаря изучению русского языка знаний о культуре страны, а также совокупность лингвострановедческих умений, позволяющих осуществить речевую деятельность на русском языке. С другой стороны, социокультурная компетенция связана с лингвокультурологией, которая изучает определённым образом отобранную и организованную совокупность культурных ценностей, исследует живые коммуникативные процессы порождения и восприятия речи, опыт языковой личности и национальный менталитет, даёт системное описание языковой картины мира и обеспечивает выполнение образовательных, воспитательных и интеллектуальных задач обучения и межкультурной компетенцией – способностью личности реализовать себя в рамках диалога культур, т. е. межкультурной коммуникации.

Таким образом, учитывая вышеуказанные связи, можно утверждать, что формирование и развитие социокультурной компетенции направлено на социокультурную адаптацию инофона и его социализацию – вхождение в среду носителей изучаемого языка, усвоение их общественного опыта и общественных отношений. Причём, познавая и усваивая чужую среду и общественный опыт, учащиеся должны развивать умения делиться своим общественным опытом – участвовать в диалоге. Как же достичь этого в процессе обучения русскому языку? Рассмотрим один из возможных вариантов, который входит в концепцию серии учебников «В добрый путь!» для обучения русскому языку как второму иностранному в школах Литвы.

Процесс формирования социокультурной компетенции – это длительный процесс, и распределяется он на протяжении всего курса русского языка, рассчитанного на 7 лет обучения с 6-ого по 12-ый класс общеобразовательной средней школы. Социокультурные знания, которые учащиеся должны приобрести в объёме курса, определены Общими программами для общеобразовательных школ Литвы, подготовленными Министерством образования и науки Литовской Республики. Это условия жизни, межличностные отношения, повседневная жизнь, социальные конвенции (например, подарки, одежда, пища и др.), жизненные ценности, взгляды, поведение, язык жестов и

телодвижений. Знания и умения по этим областям накапливаются и развиваются постепенно из года в год, выходя на новый уровень, расширяясь и усложняясь.

Уже на первом году обучения, что является вводной ступенью обучения, учащиеся получают определённый комплекс социокультурных знаний: русские имена (полное имя, короткое, ласкательное), отчества (обращение по имени и отчеству), фамилии; карта России, столица, крупные города; главная улица столицы, вывески магазинов; средства коммуникации (письмо, открытка, электронная почта, телефон), адрес, праздники, поздравление с праздником. За этот год обучения у учащихся должно сформироваться умение различать мужские и женские полные и короткие имена, умение обращаться по имени к сверстникам и по имени и отчеству к старшим, определять по имени собственному пол, возраст и статус субъектов ситуации. Также учащиеся должны представлять географическое положение России в сравнении со своей страной. Такое представление формирует введение в предмет, совместное целеполагание, выполнение коммуникативных заданий с использованием карт России и Литвы. Учащиеся овладевают умением написания адреса, структурой письма, через поздравительные открытки знакомятся с названиями праздников (Новый год, Рождество, Пасха, День рождения), узнают о жилище россиян, транспорте, школьных предметах и расписании уроков и находят в этом сходства и различия. Например, что в России есть трамвай, а в Литве их нет, что школьники в России изучают те же предметы, что и в Литве, но называют их по-другому: аббревиатура ИЗО соответствует литовскому названию учебного предмета Искусство.

Второй год обучения (начальная ступень) закрепляет умение употребления имён и обращения, написания адреса и письма, поздравления, подробнее знакомит с празднованием дня рождения, поведением в быту, школьной жизнью, что совпадает с образом жизни литовцев. Новая информация появляется о городском транспорте (метро) и пользовании городским транспортом, проводится заочная экскурсия по историческому центру Москвы.

Третий год обучения (средняя ступень) несёт особую нагрузку – за этот период изучения русского языка учащиеся овладевают умениями межкультурной коммуникации. Они учатся представить россиянину свою страну, рассказать о своей столице, пригласить в гости, применить в ситуации знания и представления о семейном укладе россиян, продемонстрировать владение речевым этикетом. Например, выполняют коммуникативные задания по составлению ситуативного разговора мам девочек из Литвы и из России, договаривающихся об организации поездки москвички к подруге в Вильнюс; пишут электронное письмо и рассказывают от лица подруги-россиянки её друзьям в Москве о Вильнюсе; готовят работу по типу проектного метода «Добро пожаловать!» – приглашение в гости друзей из России. Ученики пишут текст приглашения, готовят информацию о своём крае, составляют маршрут экскурсии, описывают местные достопримечательности. На протяже-

самага жорсткага ворага ў гісторыі. Ён і яго героі – Яраш, Карнач, Антанюк – верныя ідэалам юнацтва, ваеннага братэрства. Увогуле, Шамякін як, можа, ніхто з сучасных яму пісьменнікаў, верыў у ідэалы. Ён сам быў ідэалістам і утапістам – наіўны, непрактычны, неэгаістычны, ён і любіў такіх людзей, бачыў іх у жыцці, умеў іх паказаць, верыў, што менавіта дзякуючы ім народ выіграў вайну. Імклівае знікненне сваіх ідэальных герояў – у выніку фізічнай смерці, у выніку перараджэння – перажываў надзвычай балюча, востра. Адсюль – нарастанне драматызму ў стылі. Дамінантай яго робіцца антытэза.

У рамане “Вазьму твой боль” першая фраза: “*Канчалі жніво*”. Няпэўна-асабовы сказ, у якім канцэпт “канец” як бы заключаны ў квадрат. У прынцепах жніво – канец сельскагаспадарчага года – падзея радасная. Але пачатак твора неабходна суадносіць і з яго назвай ці эпіграфам. У сувязі з назвай першая фраза, якая пачынаецца са слова “канец”, – насцярожвае. Сапраўды, раман – адзін з самых драматычных ў Шамякіна не толькі па сваіх калізіях, звязаных зноў-такі з памяццю Вялікай айчыннай вайны, а і з светаадчуваннем героя. Справа ж не ў тым, што Іван Батрак жадае адпомсціць паліцаю за пагібель родных, а ў нераўнадушшы героя і ў той жа час раўнадушшы акружэння. Знешняя ўладкаванасць жыцця, камфорт замянілі сабою душэўную ўладкаванасць, а гэта, на думку Шамякіна, і абрынула краіну ў катастрофу. Грамадства, лічыў ён, у перыяд позняга Л. Брэжнева аказалася разбэшчаным хцівасцю, прагай матэрыяльнага дастатку. Гэта і прывяло да перабудовы з яе ўжо літаральна культурна нажывы, а затым і да дзікага, варварскага капіталізму. Шамякін як чуйны творца ўлавіў цяжкі крызіс ментальнасці савецкага грамадства, які і прывёў да геапалітычнай катастрофы – распаду СССР.

Знакам-прароцтвам катастрофы геапалітычнай была катастрофа цехнагенная – узрыў ЧАЭС. І Шамякін адным з першых стварыў пра страшную трагедыю раман “Злая зорка”. Пачынаецца ён кароткай фразай: “*Жаніўся Глеб*”. Канстатацыя радаснай падзеі. Але сказу папярэднічае эпіграф – радкі рускага паэта Г. Дзяржавіна: “*Где стол был яств, там гроб стоит*”. І падзея ў свядомасці чытача адразу набывае неадназначны характар, ён міжволі ловіць прыкметы будучай трагедыі ў тэксце твора.

Зрэдку ў творах новага перыяду – пачынаючы з 90-х – Шамякін астаецца верны сваёй творчай манеры: энергічна пачынаць твор. У рамане “Губернатар”: “*Дзве “Волгі” імчалі на вузкай шашы, што разразала густы лес*”. Але тут, як і ў рамане “Снежныя зімы”, прыхаванае супрацьпастаўленне ў адным сказе лексем, што азначаюць прыроду і тэхніку, вечнанерухомы лес і хуткія машыны, дапоўненае антытэзай “*вузкая*” – “*густы*”.

Праўда, раман “Губернатар”, хоць у значнай ступені сатырычны, але яшчэ дастаткова аптымістычны. А вось у адной з самых трагічных пра страшныя 90-я аповесцей “Сатанінскі тур” пачатак твора безнадзейны: “*Цягнулася бясконца студзеньская ноч, ніводнае акно яшчэ не свяцілася ў дамах насупраць*”. Так адчуваў тады сітуацыю І. Шамякін: грамадская цемра,

мікрасюжэт, што, натуральна, выклікала цікавасць чытачоў. Сапраўды, аповесць карысталася ў свой час велізарнай папулярнасцю.

У пачатках некаторых твораў Шамякін часам адступае ад дастаткова нейтральных (завершана-незавершана) лексічна-інтанацыйных сродкаў і выкарыстоўвае акцэнтны, лагічны націск, для чаго паўтарае, скажам, некаторыя словы. Адзін з найбольш вядомых раманаў “Сэрца на далоні” пачынаецца наступным чынам: “*Доктар Яраш стаяў на даху веранды і свістаў, залажыўшы пальцы ў рот. Свістаў так, што, здавалася, ў дубоў насыплецца лісце*”. Тут паўтараецца слова “свістаў”. Кантраст палажэння чалавека (доктар – заўсёды паважаны ў народзе) і яго паводзін – свішча, як хлапчук, відавочны. Чытач адразу адчувае неардынарнасць персанажа і ў гэтым плане не расчаруецца, прачытаўшы раман: Яраш як асоба захапляе шматграннасцю сваёй натуры і выклікае глыбокую павагу як прафесіянал. Шмат якія ўрачы гаварылі самому Шамякіну і аўтару дадзенага артыкула, што Яраш быў для іх прыкладам у працы і ў стаўленні да хворых людзей. Характэрна, што неардынарнасць, ідэальнасць героя падкрэслена і локусам яго знаходжання – на даху дома: ён прыўзняты над рэальнасцю, вышэй за іншых: з той сферы, дзе пануюць прастора, свабода, лёгкія і прыгожыя птушкі.

Раман “Снежныя зімы” пачынаецца з апісання зусім супрацьлеглага локуса. Персанаж таксама стаіць, але гэта – звер. “*Зубр стаяў над старымі елкамі, камлі якіх абраслі сівым мохам. У гэтым глухім кутку пушчы ўсё першабытна замізлае: елкі мелі такі выгляд, быццам прастаялі тысячу гадоў, старыя пні аплецены мохам, а над імі ўсё струхнела. Рэдкія вываратні нагадваюць дагістарычных жывёлін*”. Раман адразу пагружае ў стыхію прасторы, якая сфарміравала нацыянальны характар беларуса, – лесу: пушча, старыя елкі, мох, пні, вываратні. Нарэшце, зубр – сімвал нашай старажытнасці, неўміручасці і моцы, бо перажыў, паводле сведчанняў вучоных, Сусветны патоп. Аднак твор зусім не гістарычны, а, наадварот, выразна асучаснены (на момант напісання), і таму вобразы прыроды міжволі абуджалі ў чытачу падсвядомыя асацыяцыі з палітычна-сацыяльным палажэннем у краіне. Раман пісаўся ў 1967–1969 гг. Кіраўнікі СССР (Л. І. Брэжнеў), а тым больш БССР (П. М. Машэраў), у гэты час дастаткова маладыя і энергічныя. Але герой твора Антанюк – alter ego аўтара – ужо адчувае замшэласць, струхнеласць ладу, яго загнуванне.

Раман “Снежныя зімы” найбольш, так бы мовіць, сузіральніцкі ў Шамякіна. Таму і ў пачатку яго няма дзеяння. Але ў іншых раманах дзеясловы дзеяння вызначаюць стылістыку пачатку твора. Так, раман “Атланты і карыятыды” прысвечаны архітэктарам, і дзеяння яго пачынаецца на вуліцах горада: “*Вуліца сустрэла няўтульна. Паўночны вецер секануў па твары першым зарадам снежнай крупы – кароткім, як аўтаматная чарга*”. Дарэчы, параўнанне ветру з аўтаматнай чаргой – невыпадковае. Шамякін ніколі не забываўся на тое, што ён – з пакалення пераможцаў, якое адолела

нии трэцяга года обучения проходит первичное знакомство учащихся с русским театром, музыкой, кино, ТВ, газетами и журналами, наукой России. Они читают театральные афиши, анонсы фильмов, программу ТВ, учатся найти нужную информацию из энциклопедии, собирают из отдельных абзацев текст журнальной статьи, слушают и сами составляют ситуативные диалоги, делятся впечатлениями о «просмотренном» фильме (по тексту аннотации или реально просмотренном), узнают, как называются театры в России, и по этим моделям по-русски называют и представляют театры Литвы, находят аналоги телепередач в Литве и в России, представляют литовские газеты, рекомендуют что-либо почитать, посмотреть, послушать. Через сопоставление листов календаря на литовском и русском языках учащиеся узнают о праздниках в России, классифицируют их на государственные (День независимости), религиозные (Рождество), традиционные (День матери), профессиональные (День учителя). Закрепляют знания и получают новую информацию учащиеся, читая тексты о праздновании одинаковых для двух государств праздников (Рождество, День св. Валентина и День учителя). По датам и деталям определяют, праздник какой страны описывается, и пересказывают текст, рассказывая «друзьям из России» о каком-либо из этих праздников в Литве.

Четвёртый год обучения закрепляет полученные знания по культуре России, расширяет знания о России информацией о магазинах, службе быта, сувенирах и народных промыслах, климате, городах и даёт первичные знания по истории России как государства. Через работу по всем видам речевой деятельности формируются умения общения при организации досуга, выяснении времени работы и места расположения учреждений, поиска информации и обмена информацией.

На пятом году обучения учащиеся «путешествуют» по России, «едут» на экскурсию в Москву, «выбирают» из двух предложенных заинтересовавшую их пешую экскурсию, знакомятся с русской кухней, традициями и обычаями, музеями и такими феноменами русской культуры, как русский балет, русский романс. В работе используется аутентичный материал: билеты на посещение музеев, выставок, театров, буклеты и программки, чеки за покупки в магазинах, вывески, объявления об услугах, меню блинной. Строится работа так, что учащиеся узнают и репродуцируют информацию о России и продуцируют информацию о своей стране. Пятый год обучения – это 10 класс, завершающий обучение в основной школе, или высшая ступень обучения второму иностранному языку, поэтому чрезвычайно важно в основном сформировать социокультурную компетенцию и подготовить учащихся к самостоятельной межкультурной коммуникации. Далее обучение может быть продолжено в средней школе – 11 и 12 классах (6 и 7 годы обучения).

На последнем этапе обучения формирование социокультурной компетенции проходит в большей степени через развитие умений общаться и применение полученных ранее и накопленных знаний, а также умений переработки и применения новой информации. Так разрабатывается тема городского

го и деревенского образа жизни, экологии, жизненных ценностей, государственного устройства России, её географического положения.

Важную роль в формировании социокультурной компетенции в предлагаемом методе, помимо основной работы, развивающей коммуникативные умения учащихся, играет работа по чтению художественных текстов и знакомство с русской литературой. Согласно государственным Общим программам курса иностранного языка, литература не входит в его содержание как обязательная составляющая. Однако всем известно, как велика роль художественной литературы для познания народа, его характера, отношений и образа жизни, и отказаться от русской литературы при обучении языку просто невозможно. В подаче материалов по русской литературе нами используется прецедентный подход, определяющий цель обучения как знакомство с прецедентными именами, высказываниями, текстами, феноменами. Осуществляется он через предъявление прецедентного факта, решение проблемы (ученики сами при чтении или аудировании разбираются, почему этот факт имеет такое значение в русской культуре) и рефлексию на прочитанные художественные тексты. Учащимся не навязывается то или иное понимание литературного произведения, они сами читают и понимают тексты с позиции критического мышления на основе личного опыта и предлагаемого им опыта современников и предшественников.

Таким образом, в процессе обучения русскому языку по представленному методу социокультурная компетенция формируется не пассивным путём получения и накопления знаний о «чужой» стране и людях, а активным, деятельностным путём «добывания» знаний, их критической оценки, сравнением со знаниями о своей стране и о себе и применением этих знаний в ситуациях общения.

Л. М. Буренина (Вильнюс), Я.Ф. Носович (Варшава)

ЯЗЫК И ПРОЦЕСС КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Цель статьи – определить взаимовлияние языка и новых форм коммуникативного поведения современного общества.

Методы исследования – наблюдение над речью молодых людей и экспериментальной группы детей, использующих Интернет; анализ функционирования электронных средств коммуникации.

Характерной особенностью современного социума является наличие глобальной электронной коммуникации, определяющей социализацию и самореализацию личности. Вся сеть электронной коммуникации неразрывно связана с языком. В связи с этим хотелось бы высказать несколько соображений о взаимовлиянии языка и тех новых форм коммуникативного поведения, где практически отсутствуют территориальные, иерархические и административные границы.

Усеаюзную ж славу Иван Шамякін набыў дзякуючы раману “Глыбокая плынь”, за які атрымаў Сталінскую прэмію. Пачынаецца раман з кароткіх, энергічных сказаў, прычым першы сказ і тут, як і ў “Помсце”, уключае ў сябе дзеяпрыслоўны абарот: “*Пераправіўшыся цераз Дняпро, Таціяна з палёгкай уздыхнула. Цяпер яна лічыла сябе ўжо дома. Радасць аханіла яе*”. Магчыма, такая канструкцыя абумоўлена неабходнасцю паніжэння тону ў канцы фразы, які заўсёды азначае завершанасць выказвання [Логинова, 2002. с.322]. “Семантыка завершанасці... нейтральная стылістычна і не выклікае асацыяцый з папярэднім і наступным кантэкстамі” [Тамсама, с.323]. Папярэдняга кантэксту тут увогуле няма, а наступны выяўляе ўжо не локус і не пачуцці гераніі, звязаныя з ім, а ментальныя працэсы: “*Цяпер яна лічыла сябе ўжо дома*”. Аўтару важна было раздзяліць эмацыянальную і ментальную сферы, для чаго і спатрэбіўся сінтаксічны абарот, які вымагае інтанацыі завершанасці.

Такі прыём І. Шамякін у далейшым выкарыстоўвае не аднойчы. Раман “Крыніцы” пачынаецца з фразы лаканічнай, але для беларуса, які заўсёды з увагай і павагай ставіўся да атмасферных працэсаў, значнай і семантычна багатай: “*У поўдзень над вёскай прашумела навальніца*”. Калі ў ранейшых творах пачатак акцэнтаваў увагу на прасторы (*фіёрд, Дняпро*), то тут – на часе (“*у поўдзень*”), хоць локус і тут прысутнічае, але нейтральны (“*над вёскай*”). Шамякін любіў насычаныя моцнай энергетыкай дзеянні: “*Хмара праляцела за некалькі хвілін, шугануўшы касым дажджом*”. Не абышлося і тут без абароту, які неабходны якраз для інтанацыі завершанасці. У дадзеным выпадку гэта асабліва важна, бо падкрэсліваецца імкліvasць і незвычайная хуткасць працэсу. Тым больш нечаканыя негатыўныя вынікі кароткай, але разбуральнай з’явы: “*...маланка нарабіла бяды. На сядзібе МТС раскалола стары дуб, якому, як людзі казалі, было не менш за дзвесце гадоў, і кантузіла механіка Сяргея Касцянка*”. Апошняя фраза (яна ж – адна з першых у творы) аказалася надзвычай інфармацыйна насычанай. Яна паведамляе пра час, калі існавалі машынна-трактарныя станцыі, але захоўваліся яшчэ і дубы, якім па дзвесце гадоў (кантраст старога і новага, прыроды і тэхнікі), і адначасова падводзіць да аднаго з галоўных герояў твора – Сяргея Касцянка. Паміж прыродай і культурай аўтар уводзіць чалавека, прычым у сітуацыі драматычнай. Такім чынам, у пачатковых сказах выразна адчувальная семантыка супрацьпастаўлення і супастаўлення.

Дзеяпрыслоўны абарот у пачатку твора пісьменнік ужываў яшчэ не раз. Так, ён прысутнічае ў аповесці “Ах, Міхаліна, Міхаліна...”: “*Слухаючы яе першы раз у шумным кафэ пры абласной гасцініцы, я, як кажучы у нашым пісьменніцкім асяроддзі, “загарэўся тэмай” – падумаў: гэта ж гатовы сюжэт, у такім выглядзе жыццё рэдка дорыць яго нашаму брату*”. Такая доўгая фраза ў пачатку твора – у прынтцыпе нехарактэрная для Шамякіна, але яна нясе багатую інфармацыю, заключаючы ўнутры сябе ўласны

Т.І. Шамякіна (Мінск)

**МОЎНЫЯ СРОДКІ ПАЧАТКУ МАСТАЦКАГА ТВОРА ЯК
ЭЛЕМЕНТ АЎТАРСКАГА СТЫЛЮ (НА МАТЭРЫЯЛЕ
ТВОРЧАСЦІ ІВАНА ШАМЯКІНА)**

Ва Уступе да кнігі “Логический анализ языка. Семантика начала и конца” вядомы расійскі лінгвіст Н. Д. Аруцонава піша: “Магчыма, такі агульны накірунак развіцця нашай навукі, у ходзе якога чуйнасць да цэлага з яго пачаткам замяняецца ўвагай да канцоў і канчаткаў, якія завяршаюць цэлае і прарочаць новыя пачаткі” [Аруцонава Н.Д., 2002. с.3].

Сапраўды, у цэласнасці мастацкага твора надзвычай важнае значэнне набываюць яго прасторавыя межы, і асабліва пачатак, які адыгрывае галоўную ролю ў стратэгіі аўтара на зацікаўленасць да твора патэнцыяльнага чытача. Адзін з аўтарытэтных у Беларусі даследчыкаў тэорыі літаратуры А. М. Андрэеў лічыць, што цэласнасць мастацкага твора “неабходна вывучаць як сістэмнасць...” [Андреев А.Н., 1999. с.11]. Адным з элементаў гэтай сістэмы і з’яўляецца пачатак літаратурнага твора. Менавіта пачатак характарызуецца, як правіла, найвышэйшым узроўнем семіятычнасці. Часта ў пачатку твора выяўляе сябе той ці іншы яго матыў ці нават ідэя твора, аўтарская задума і, бясспрэчна, найбольш ярка – дамінанта стылю пісьменніка. Апошняе – на матэрыяле творчасці Івана Шамякіна – і з’яўляецца прадметам разгляду ў дадзеным артыкуле. Прычым неабходна мець на ўвазе, што метадалогія аналізу творчасці І. Шамякіна – літаратурнаразнаўчая, аднак у ёй улічана лінгвістычная кампанента.

Сваю літаратурную дзейнасць І. Шамякін пачынаў адразу пасля Вялікай айчыннай вайны апавяданнем “У снежнай пустыні” і аповесцю “Помста”. Апавяданне пачынаецца сказам, у якім для абазначэння месца дзеяння прысутнічае слова з экзатычнага пласта лексікі. Акрамя таго, дзеясловы ў фразе насычаюць яе сэнс актыўным дзеяннем: “Самалёт рабіў другі заход над вузкім фіёрдам Альта, дзе нямецкія ваенныя караблі хаваліся ад англійскай эскадры”. Другая фраза яшчэ больш энергічная: “Адзін варожы эсмінец ужо гарэў ад прамога пападання бомбаў”.

У першым буйным творы – аповесці “Помста” – першы абзац таксама ўводзіць чытача ў час і месца дзеяння, хоць і захоўвае элемент некаторай загадканасці, непраяўленасці: дзе быў узят горад, у якой частцы Еўропы, калі: “Яго батальён усю ноч вёў бой за горад. Цяжкі быў бой. Раніцой горад быў узят. На некалькі гадзін батальён спыніўся на заходняй ускраіне горада, у вялікім садзе”. Асабліва сцэно аўтарскага стылю з’яўляецца дзеяпрыслоўнае словазлучэнне ў самым пачатку першай фразы: “Адкінуўшыся на спінку крэсла, маёр Раманенка з асаладай выцягнуў ногі і заплюшчыў вочы”. А далей ужо прыведзеныя раней сказы тлумачаць прычыну стомленасці маёра Раманенкі – галоўнага героя твора – твора, які адразу вывеў аўтара ў першыя рады беларускіх пісьменнікаў.

Ф. де Соссюр яшчэ в начале XX столетия сформулировал тезис о разграничении понятий «язык» и «речь». «Язык существует в коллективе как совокупность впечатков, имеющихся у каждого в голове, наподобие словаря, экземпляры которого, вполне тождественные, находились бы в пользовании многих лиц» [Ф. де Соссюр 1977, с.57]. Иначе говоря, язык – это своего рода программа, закодированная в сознании человека, напоминающая любую программу, введенную в современный компьютер.

«Речь есть индивидуальный акт воли и разума; в этом акте подлежит различать: 1) комбинации, в которых говорящий использует код (code) языка с целью выражения своей мысли; 2) психофизический механизм, позволяющий ему объектировать эти комбинации» [там же, с.52]. Проще говоря, речь – это результат использования программы, закодированной в сознании человека. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что «язык – одновременно и орудие и продукт речи». Человек в состоянии выражать свои мысли с помощью языкового кода только в том случае, когда в его сознании это запрограммировано, когда в его мозгу заложено это «орудие». С другой стороны, сам процесс введения языкового кода в сознание человека происходит только в результате восприятия и анализа речи окружающих. «Наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка: наши языковые навыки изменяются от впечатлений, получаемых при слушании других» [там же, с.57].

Поскольку язык – это тот фактор, который выделяет человека из всех живых существ, то анализ языка будет наиболее полным в том случае, если он будет строиться с учетом исследований человека вообще, его мышления, сознания, культуры. Между явлениями культуры и фактами языка «несомненно существует общая зависимость, благодаря которой изменения в культуре могут находить косвенное, опосредованное отражение в языке. Возникновение конкретных фактов языковой структуры в конечном счете может быть стимулировано культурным развитием общества» [В. Звегинцев 1960, с.133].

При характеристике современного общества необходимо обратить внимание на некоторые процессы, наблюдаемые в окружающем мире. Рассмотрим некоторые из них.

Телевидение и Интернет делают человека участником событий, происходящих на большом расстоянии. Иногда у человека создается впечатление: «я свидетель того, что происходит на другом континенте или даже на противоположной половине земного шара». В современном мире все больше и больше людей пользуется Интернетом в домашних условиях. В течение последних пяти лет количество таких людей в Польше увеличилось почти в пять раз [см. «Gazeta Wyborcza» (13.07.2007)]. Даже дети уже бегло и свободно ведут себя в мультимедийной сфере. Основная коммуникация по информационной автостраде соединяет человеческое «я» ребенка с окружающим его миром.

В период с 1986 г. по 2002 г. нами было проведено наблюдение над экспериментальной группой 9 детей (с трехлетнего возраста до выпускников школы). Результаты данного исследования подтвердили влияние массмедийной и мультимедийной сферы на их речевую коммуникацию [Результаты исследований подробно описаны в книге: Nosowicz J.F., Korsakas J.: *Слово в учебном процессе. Słowo w procesie nauczania*, Wydawnictwo Wyższej Szkoły Finansów i Zarządzania w Białymstoku, ISBN-83-87256-97-8, Białystok 2006, s. 1-224].

Появляется потребность отбирать и по-новому группировать информацию, создавать видеокаталоги. Осознается необходимость овладения грамотностью нового типа и подхода к науке как к трансформации познания. Есть основание думать, что цифровое телевидение станет первой и, пожалуй, главной составной частью информационной автострады. В значительной мере будет расширяться объем информации. Правда, пока нет четкого представления, как это отразится на развитии интеллекта человека.

Собственники Интернета стали пользоваться не традиционной, а электронной почтой (хотя они понимают, что межличностные отношения таким образом нелегко передать). Популярным является и письменное общение по мобильному телефону. Прежде всего это относится к молодежи. Следует также отметить и тот факт, что люди общаются при помощи мобильного телефона во время заседаний, лекций, в кино и театрах, в больницах, в клубах, на улице, на спортивной площадке, т. е. во всех возможных ситуациях (причем, они не обращают внимания на то, что их слышат вокруг и понимают суть диалога и отношения между коммуникантами).

Для мужчин мобильный телефон стал таким же престижным, как легковая машина, а для молодежи он является предметом первой необходимости. Мечта иметь свой мобильный телефон превратилась в «мобилеманию» настолько, что в некоторых странах уже стали размышлять об ограничении или об отмене сигнала мобильных сетей в публичных местах (концертные залы, кинотеатры, театры, больницы): за это, например, по материалам газет, выступают 85% французов, 73% итальянцев. Этическим считается не скрывать свой номер мобильного телефона и не принимать закрытые номера.

В настоящее время все большую роль начинает играть зрительное восприятие мира: имеется в виду любое сообщение по электронной почте или SMS. Текст, составленный с помощью компьютера или мобильного телефона, как правило, характеризуется краткостью, лаконичностью, что обусловлено экономией средств языка. Причиной такой ситуации является прежде всего решение чисто практической проблемы – экономии денег. С целью достижения «сверхлаконичности» могут быть использованы самые разнообразные приемы: сокращения, пропуски, объединения слов и т.п. Иногда стремление к лаконичности становится даже причиной несоблюдения некоторых правил речевого этикета. Данное явление дает о себе знать и в процессе устного речевого общения среди молодежи.

смотрят...» [Дударев, 1989, с. 40]). Название пьесы метафорично: конечный этап жизненного пути, старость уподобляется вечеру, завершающему дневной цикл. Однако вечер связан не со страхом неизбежной смерти, но с подведением итогов пройденного пути, благодарным принятием жизни во всех ее проявлениях – горе и радости, тяготах и праздниках: «*Мультик: – ...Ни за одну, даже самую горькую слезинку, не нарекаем на жизнь! Спасибо за то, что жили, мучались, смеялись, плакали... Дай и нашим детям тепла и света...*» [Дударев, 1989, с.50].

Слепота жителей интерната в «Библиотекаре» понимается буквально и метафорически: «слепы» не только инвалиды, находящиеся на попечении Наташи, слепы сама Наташа и приезжие «столичные гости» (родственники Юрия), не желающие видеть изъяны социальной действительности.

Деструктивная сущность социума проявляется в авторитарной идеологии, диктующей определенную систему ценностей, парализующей критическое мышление личности. Гастрит в «Вечере», родственники Юрия и Наташа в «Библиотекаре» искренне верят, что поступают правильно, придерживаясь официально принятых норм нравственности и морали: пишут доносы, строят карьеру, следят за «неблагонадежными гражданами».

Истинная сущность человека определяется его экзистенциальным выбором: подчиниться внешним обстоятельствам (органам власти, болезням и т. д.) либо продолжать борьбу, отстаивать собственные нравственно-духовные идеалы. Экзистенциальный выбор связан с трансгрессивной ситуацией, «пограничным» состоянием человека. В «Вечере» это близкая смерть, обусловившая раскаяние Гастрита, укрепившая веру в собственные силы Мультика. В «Библиотекаре» – возможное освобождение, пересмотр дела Юрия, который он отвергает, написав письмо в защиту политического преступника. Таким образом, злободневная социальная проблематика затрагивает философский вопрос свободы выбора, смысла жизни.

Пьесы Дударева и Галина, отразившие проблему человека и социума, оказались очень актуальны в период заката советской эпохи, когда заметно возросло критическое самосознание общества и резко активизировались духовные искания: вопрос о судьбе личности начал восприниматься как вопрос о состоянии всего общества, на первый план выдвинулась проблема выбора, ответственности за собственную судьбу и окружающих.

душных, типичным представителем которых является Гастрит. В «Библиотекаре» Юрий, отстаивая идею «свободы слова», пишет письмо в защиту «голоса» – юноши, критиковавшего действительность «перестроечного» периода. Однако его попытка защитить политического преступника ценой собственной свободы вызывает резкое осуждение окружающих – любимой девушки Наташи, неожиданно приехавших в гости матери и сводного брата. Высказывания и поступки Мультика и Юрия расцениваются другими героями как доказательство их умственной ущербности, сумасшествия: «одетинился на старости» [Дударев, 1989, с. 11], «он болен, болен» [Галин, 1989, №3, с. 50].

«Отправной точкой» в развитии конфликта являются семейная и любовная коллизии, причины которых глубже, чем кажутся на первый взгляд. Сюжетно-композиционное единство «Вечера» усиливает мотив трепетного ожидания «весточки» от детей. Основные события пьесы Галина связаны с «любовным треугольником», образованным в результате борьбы сводных братьев Юрия и Валеры за благосклонность Наташи. Внешние события – забвение родителей, равнодушие в их судьбам, отказ Наташи строить взаимоотношения с Юрой – связаны с «завуалированными» противоречиями социума, суть которых выявляется в диалогах – спорах персонажей, составляющих основу «внутреннего» действия пьесы. В результате воспоминаний Мультика и Гастрита о прошлом (войне, «раскулачивании») выясняются причины опустения деревни: «молодежь от земли отбил» Гастрит, который «сознательно проводил линию», обвинял хороших хозяев в «мироодежде, кулацестве», дети не пошли вместо родителей «хлебом людей кормить», потому что знали, что такие, как он, «не дадут им ни покоя, ни воли» [Дударев, 1989, с. 18]. Предпочтение, отданное Наташей Валере, обусловлено системой ценностей, культивируемой обществом: уважаемый социальный статус, материальное благополучие Валеры в глазах самой героини и практически всех персонажей пьесы оказываются важнее «сумасшедших» стремлений нищего помощника библиотекаря: «*Наташа: – Я рядовая, поймите и не обманывайте себя. Я хуже любой рядовой, хуже в миллион тысяч раз!*» [Галин, 1989, №3, с. 49].

В «Вечере» и «Библиотекаре» художественно воплощается действительность середины 1980–х гг. в ее политическом, нравственном, идеологическом аспектах. Социально-политический негатив оказывает влияние на нравственно-духовную деградацию социума: отсутствие сострадания к ближнему, душевную «черствость», прагматизм личных отношений.

Образ дисгармоничного социума выражается с помощью определенных художественных средств. К ним относятся: условно-символический хронотоп («неперспективная» деревня, интернат для слепых), насыщенная метафоричность, усиленное внимание к детали. Метафоричность художественного мира «Вечера» связана с анимистическим мировосприятием Мультика, обожествляющего Солнце, соотносящего окружающую действительность с природными явлениями («Холодно как-то живут, по-зимнему. Редко на солнце

Интернет как глобальная социально-коммуникативная компьютерная сеть оказался средством общения в самом широком смысле этого слова. Использование Интернета, как уже говорилось, приводит к появлению новых форм коммуникативного поведения в среде, где отсутствуют территориальные, иерархические и временные границы. Работа с компьютером, как правило, сопряжена с использованием английского языка, и, в особенности, с его терминологией. Данное обстоятельство оказывает положительное влияние на уровень владения английским языком, с другой стороны, возникают опасения, что такое обилие иноязычных слов может привести к засорению и снижению культуры родной речи.

Следует отметить, что во всем, что окружает человека и оказывает влияние на его развитие, произошли существенные изменения: человек стал пользоваться сложнейшими электронными средствами коммуникации, которые дают возможность получить огромное количество новой информации и заметно расширить рамки своего коммуникационного пространства. Однако в данной ситуации перед нами встает новый вопрос: какое воздействие на человека окажет такой большой поток информации и контакты такого масштаба? Будет ли это влияние исключительно благотворным или же его последствия могут оказаться и отрицательными? В настоящее время нередко наблюдаются попытки представить случаи негативного влияния факторов, порожденных указанной ситуацией. Например, обращается внимание на то, что такое широко использование электронной коммуникации становится причиной несоблюдения норм родного языка и правил этикета.

Европа – континент со многими языками, выражающими дух этнических групп и носящими тысячелетние традиции. Как преобразовать европейский мир культуры в глобальный без ассимиляции тысячелетней культуры, включая язык? Вследствие глобализации мира посредством мультимедийной информации человечество интенсивно стремится понять культурные и языковые феномены, какими являются проблемы соприкосновения языков, двуязычия и интерференции. Мероприятие «Европейский год 2001», которое было проведено в Лунде в сентябре 2000 г., снова обратило внимание на т. н. малые языки Европы, на опасность утраты собственной идентичности.

Известный американский писатель Джон Стейнбек в книге «Путешествие с Чарли в поисках Америки» пишет: «Язык радио и телевидения принимает стандартные формы, и мы уже не говорим так чисто и правильно. Наша речь скоро станет повсеместно одинаковой, как и наш хлеб... Исчезнет из языка идиоматичность и образность, которые так обогащают его и придают ему такую поэтичность. А взамен мы получим общенациональный язык, расфасованный и упакованный, стандартный и безвкусный».

Современная сеть электронной коммуникации является сложной и многофункциональной. Здесь можно говорить о комбинации различных дискурсов: передача личной почты (бытовой дискурс), официальный обмен информацией (деловой дискурс), обсуждение научных проблем на конференци-

ях (научный дискурс), рекламные сайты (рекламный дискурс) и т.д. [Галичина Е. 2001, с.45]. Разумеется, при недостаточно квалифицированном использовании такого множества столь сложных и разнообразных текстов почти неизбежно появление и некоторых негативных факторов. С использованием современных электронных средств передачи такого большого потока информации возникают и, видимо, будут возникать новые социальные и психологические феномены и, соответственно, новые возможности в области развития коммуникации.

Следует отметить, что современное общество должно научиться отбирать и оценивать информацию, использовать возможности электронной коммуникации так, чтобы это способствовало развитию интеллекта человека.

Е.И. Голованова (Челябинск)

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ УЧЕНОГО-ЛИНГВИСТА

Актуальность изучения языковой личности ученого-лингвиста обусловлена приоритетностью в современной научной парадигме антропоцентрического подхода и слабой изученностью языковой личности субъекта профессионального (в том числе научного) познания и деятельности.

Введение в научный обиход термина «профессиональная языковая личность» тесным образом связано с осмыслением таких сущностей, как «профессия», «профессиональная коммуникация», «профессиональный дискурс», «профессиональная среда», «профессиональная картина мира». Под профессиональной личностью мы понимаем совокупность интеллектуальных, социально-культурных и морально-волевых качеств человека, сформированных в особой профессионально-культурной среде и отраженных в свойствах его сознания, поведения и деятельности. За любыми действиями, поступками той или иной личности, ее отношением к другим людям стоит комплекс присущих личности (а значит, и соответствующей профессиональной субкультуре) идей, ценностей, взглядов, потребностей, интересов и моральных убеждений.

Каждый человек, вовлеченный в профессиональную деятельность, т.е. в активный процесс по преобразованию мира, включается в уникальный субкультурный контекст и в дальнейшем выстраивает собственную мыслительную деятельность и поведение в соответствии с ним. Профессиональная языковая личность раскрывается в особенностях производимых ею текстов, в своеобразии принадлежащего личности профессионального дискурса, подчиненного целям и задачам профессиональной коммуникации. Анализ профессиональной языковой личности можно вести по трем параметрам (уровням): 1) уровень профессионального сознания (концепты и домены как ментальные образования, отражающие структуру специального опыта); 2) вербальный уровень (коррелирующие со структурами сознания системы и микросистемы специальных наименований – терминов, профессионализмов, номенклатурных знаков); 3) мотивационно-прагматический уровень.

Легкость, с которой инфинитив занимает позицию предиката, позволяет точно передавать ментальные состояния автора текста. Изысканность высказываний с инфинитивами, характеризующими действия и фиксирующими их в будущем, создает своеобразие ахмадулинского идиолекта.

Е. М. Точилина (Минск)

ЧЕЛОВЕК И СОЦИУМ В ПЬЕСАХ А. ДУДАРЕВА «ВЕЧЕР» И А. ГАЛИНА «БИБЛИОТЕКАРЬ»

Со второй половины 80–х гг. XX в. центральное место в драматургии занимает проблема «человек и социум», «которая потребовала выработки новой аксиологии и тесно связанных с ней проблем смысла жизни, самосознания и самоопределения личности, ее самооценки» [Гончарова-Грабовская, 2006, с.21]. Наиболее ярко она проявилась в пьесах А. Дударева «Вечер» (1986) и А. Галина «Библиотекарь» (1989). Драматурги отразили негатив периода заката советской эпохи: «вымирание» деревни, запрет «свободы слова», заключение инакомыслящих в сумасшедший дом, что способствовало, с одной стороны, нравственно-духовной деградации общества, с другой – выбору жизненной позиции.

Действие пьес «Вечер» и «Библиотекарь» разворачивается в брошенной «неперспективной» деревне Вежках и интернате для слепых, размещенном в здании бывшего монастыря. Центральными персонажами пьес являются деревенский чудаки, носящий прозвище Мультик, и прошедший сумасшедший дом, заключенный под негласный надзор помощник библиотекаря Юрий. В «Вечере» и «Библиотекаре» превалирует внутренний конфликт, отражающий противоречия между нравственно-духовными идеалами личности и негативом социальной жизни.

Конфликт данных пьес имеет «субстанциальную» природу, выступает как черта самого миропорядка, доказательство его несовершенства и дисгармоничности. Безоговорочно признавая изъяны социально-политической жизни «перестроечного» периода (запрет расширять личное хозяйство, «вымирание» деревни, запрет «свободы слова» и т.д.), герои не вступают в открытую конфронтацию с представителями власти, однако их высказывания и поступки обусловлены собственным нравственным и моральным выбором, не совпадающим с аксиологическими ориентирами, принятыми в обществе середины 1980–х гг. Специфика конфликта «Вечера» и «Библиотекаря» заключается в том, что социально-политический негатив, вызывающий протест Мультика и Юрия, молчаливо «одобрен» другими персонажами (Гастритом, Валерой, Наташей и т.д.), их равнодушием к противоречиям окружающей действительности, боязнью ответственности, заинтересованностью собственным материальным благополучием и «престижным» социальным статусом. Наивные стремления Мультика жить по законам «добра» и «света» (трудиться на родной земле, заботиться о близких) не находят поддержки среди большинства односельчан, черствых к чужому горю, эгоистичных и равно-

Как и в литературном языке, в лирике Б. Ахмадулиной целевое предназначение передают сочетания инфинитива с глаголами движения, но в стихах Б. Ахмадулиной они, как правило, осложнены оценкой движения: *И жадно или твои стада* (партера – Е. Т.) // *напиться из моей печали*.

Конструкции с инфинитивом и безличным глаголом передают действие, реализующее интенциональную установку как стечение внешних обстоятельств, определивших осуществление действия: *пришлось бы мне, как на аэродроме, // глаза прикрыть и голову пригнуть*.

Инфинитивные высказывания с глаголами усилия – волевого, умственного, духовного, физического – также передают действие, реализующее интенциональную установку: *Я нынче глаз не отпускала спать // и как же я умна, что не заснула!*

В русском литературном языке высказывания с инфинитивом выражают и реальное действие. По отношению к этому реальному действию проявляется установка предрасположенности или непредрасположенности субъекта. Эта функция реализуется в сочетаниях инфинитива со словами, выражающими состояние лица, вызываемое осуществлением действия инфинитива.

В лирике Б. Ахмадулиной такие конструкции частотны, однако негативно оцениваемое состояние лирического героя обычно обусловлено невозможностью осуществления действия инфинитива. Иногда текст превращается в цепочку инфинитивов с частицей *не* и создает замкнутое пространство бездейственного инобытия:

*Их (цветы – Е. Т.) дарят празднично на память,
но мне – мне страшно их судьбы,
ведь никогда им так не пахнуть,
как это делают сады.
Им на губах не оставаться,
им не раскачивать шмеля,
им никогда не догадаться,
что значит мокрая земля.*

Инфинитивные конструкции свойственны не только поэтической речи Б. Ахмадулиной, но и ее прозе и устной речи. Философские понятия выражаются с помощью инфинитивов: *жизнь - это отчасти попытка отстоять суверенность души: не поддаться ни соблазнам, ни угрозам*. Благодаря за награду, она произнесла: "Я не лукаво, как умею, буду продолжать служить русскому слову, русской словесности. Если от этого не уклоняться, то тогда можно принять эту награду с чистой совестью».

Идиолект Б. Ахмадулиной раскрывает благоговение перед таинственностью природы и малость, незаметность бытия человека на земле: *Не время ль уступить зиме, // с ее деревьями и мглой, // чужое место на земле, // нестати занятое мною?*

В научной литературе предложено выделять следующие существенные характеристики профессиональной языковой личности: 1) деятельность в специальности сфере; 2) социальная полифункциональность, т.е. способность к актуализации нескольких социальных ролей, требующих разной степени освоения мира (большинство из которых предполагает обыденный уровень сознания, но в репертуаре социальных ролей обязательно присутствует профессиональная); 3) формирование профессиональной картины мира в процессе обучения [Алексеева, Мишланова, 2002, с. 102].

Профессиональная языковая личность представляет собой пока еще малоизученный лингвистический объект. В этом направлении делаются лишь первые шаги. На основе концепции языковой личности, предполагающей изучение языка в неразрывной связи с человеком, особенностями его сознания и деятельности, российскими учеными проведены исследования языковой личности государственного служащего (М.Н. Панова, Е.В. Харченко и др.), политика (И.О. Прохорова), врача (Н.В. Гончаренко), журналиста (Я.П. Полухина), спортсмена (А.А. Елистратов), экскурсовода (У.А. Жаркова), рабочего (Е.И. Голованова), музыканта (Е.Н. Азнамеева), архитектора (И.М. Волчкова, Э.А. Лазарева), сомелье (Т.М. Матвеева). Основным предметом изучения в большинстве работ – общие и специфические черты языковой личности субъекта профессиональной деятельности, соотношение универсальных, национально-культурных и индивидуальных характеристик в структуре языковой личности.

Методологическую базу исследований подобного характера наряду с теорией языковой личности Ю.Н. Караулова составляют ключевые теории и концепции современного языкознания: теория диалога (и диалогичности) культур М.М. Бахтина; теоретические положения когнитивной лингвистики, разработанные в трудах Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, А.В. Кравченко, Е.В. Рахилиной, Л.А. Манерко, М. Фоконье, Р. Лэнекера и др.), базовые положения лингвокультурологии (Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.Н. Телия, В.А. Токарев), стилистики (В.В. Виноградов, В.Г. Гак, И.А. Тарасова и др.), социолектологии (В.П. Коровушкин), общего терминоведения (В.М. Лейчик, С.В. Гринев, З.И. Комарова, В.Ф. Новодранова и др.).

Поскольку языковая личность выступает как «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), различающихся степенью структурно-языковой сложности, глубиной и точностью отражения действительности, а также определенной целевой направленностью» [Караулов, Красильникова, 1989, с. 3], в центре внимания исследователей находятся связанные тексты как продукты речевой деятельности личности, а также отдельные элементы этих текстов (в нашем случае – определяемые профессиональной деятельностью человека). На основе анализа разнообразных текстов профессиональной коммуникации возможно выявить набор составляющих языковой личности

профессионала, описать их структурную организацию, охарактеризовать различные способы репрезентации профессиональной личности в ее текстах.

Исследование профессиональной языковой необходимо включает в себя следующие этапы:

1. Лингвокогнитивное исследование текстов профессиональной коммуникации.

2. Выявление универсальных, национально-культурных и индивидуальных характеристик профессиональной языковой личности.

3. Построение иерархии составляющих языковой личности субъекта профессиональной деятельности.

4. Характеристика основных способов репрезентации личностного начала в текстах профессиональной коммуникации (на лексическом, грамматическом, стилистическом и др. уровнях).

5. Составление «словника» ключевых слов и выражений, характеризующих профессиональную языковую личность.

Целесообразно выделять различные типы профессиональной языковой личности, в соответствии с основным характером производимой человеком деятельности. Все виды деятельности условно можно разделить на три основных группы: творческие, исполнительские и управленческие (см. [Морозов, 1999, с. 19]). Данная классификация деятельности, представляющая ее в самом общем виде, совпадает с типологией основных человеческих действий, предложенной Ю.С. Степановым [6, с. 315-327]. Ученый выделяет три основных группы действий: добывающие, обрабатывающие и упорядочивающие. Как видим, и в том и в другом случае подчеркивается различие в отношениях между активным деятелем и производимым им продуктом: если в процессе творческой (добывающей) деятельности создаются уникальные, единичные результаты, а в процессе исполнительской (обрабатывающей) деятельности тиражируются одинаковые или сходные результаты, то специфика управленческой (упорядочивающей) деятельности состоит в том, что она не приносит материальной продукции, но способствует повышению эффективности труда.

В зависимости от сферы деятельности исследуемой профессиональной языковой личности будут различаться и подходы к ее изучению. Так, например, разными будут исследования личности ученого, осуществляющего научное познание, и промышленного рабочего (см. подробнее [Голованова, 2008]). В первом случае тип профессиональной личности исследуется на основе анализа опубликованных научных трудов. В центре внимания оказываются предпочтения в выборе прецедентных текстов, «авторская» терминология, стиль заголовков научных статей, типизированные речевые конструкции и проч. Привлекаются и «фоновые» сведения, в частности особенности проявления личностного начала в научном дискурсе: в текстах, в авторских предисловиях, во введении и заключении монографического исследования, в авторских комментариях, в текстах статей в юбилейных сборниках и т.п.

А.К. Жолковский полагает, что развитие русского инфинитивного письма началось еще в силлабический период, и объясняет это свойство поэтической речи ориентацией на иностранные – французские и античные – источники. Эволюцию инфинитивного письма в XX в. исследователь связывает с эстетизацией “иногo” – будь то “возвышенно творческого” или “низкого, аморального, декадентского” и т. п. Не отрицая мысль А.К. Жолковского, попробуем описать использование инфинитивов в лирике с позиций функциональной грамматики.

Интересно функционирование в лирике свободного инфинитива, не связанного с иными глаголами или именами.

В утвердительных инфинитивных предложениях говорящий выражает уверенность в осуществлении явления или действия, обозначенного инфинитивом, и эта возможность интерпретируется как неременная или даже неотвратимая, что обуславливает оттенок неизбежности, предопределенности: *Быть по сему: оставьте мне // закат вот этот закалужский...* В таких высказываниях основным становится их футуральная перспектива, направленность в будущее: *коротая век в райцентре, // быть с вечностью накоротке.*

В поздних интервью Белла Ахатовна утверждала, что не задумывалась о глобальности судьбы, однако частотность высказываний, в которых инфинитивным предикатом или его связочной частью является глагол «быть», свидетельствует о том, что это не совсем так. Ее лирической героине свойственно пребывать в вечности, поскольку она способна переживать мгновение как длящийся отрезок бытия, в который может произойти множество событий.

Реже свободный инфинитив встречается в вопросительных предложениях, например: *Что в бледной стыни мыкаться?*

Особо привлекательными случаями функционирования свободного инфинитива А.К. Жолковский считает “двухэтажные” инфинитивы – инфинитивы, управляемые инфинитивами. Таких строф в лирике Беллы Ахмадулиной много, например:

*Беспорядок грозы в небесах!
Не писать! Даровать ей свободу –
невоспетою быть, нависать
над землей, принимающей воду!*

Частотны в лирике и конструкции, в которых инфинитив обозначает футуральное действие в сочетаниях со словами, выражающими модальное отношение субъекта к действию: *...уж целый год не знаю, не умею // слагать стихи и только немоту // тяжелую в моих губах имею...*

Подобные предложения могут выражать и побуждение к совершению, а чаще несовершению действия: *любить не обяжуся.*

Направленность интенциональной установки в будущее ярко выражают сложноподчиненные предложения с придаточной частью цели: *Не осталась ни уст, ни причин, // чтобы нам затевать его снова.*

Е.А. Тихомирова (Минск)

ФУНКЦИИ КОНСТРУКЦИЙ С ИНФИНИТИВОМ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И ЛИРИКЕ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

Сравнив лирику Б. Ахмадулиной с розой, И. Бродский подразумевал «не благоухание, не цвет, но плотность лепестков и их закрученное, упругое распускание».

Одним из средств, создающих упругость ахмадулинского текста, на наш взгляд, являются инфинитивные конструкции. Установка на частое использование синтаксических единиц с инфинитивами в поэтическом тексте, то есть тексте с заданными ограничениями размера, ритма, длины строки предполагает высокую риторичность построения.

Благодаря отсутствию в инфинитиве морфологически выраженных категорий лица, времени, наклонения и показателей полупредикативного характера действия он способен обозначать как процесс вне связи с субъектом, так и основной предикат субъекта.

Функционально инфинитив отличается и от личных форм глагола, и от имен действия. Основная функция инфинитива в русском языке – объективация действия.

Установочное отношение говорящего к действию, выраженному инфинитивом, функциональная грамматика русского языка подразделяет на два типа – оценочное и интенциональное.

Оценочная установка отражает положительную или отрицательную позицию оценивающего лица. Эта установка прямолинейна и не допускает полутонов, недоговоренности, возможности домыслить, досказать позднее. Инфинитив в таких высказываниях, занимая позицию предиката, может называться как потенциальное, так и реальное действие. Подобные высказывания широко распространены в русской разговорной речи и в устной форме научной речи. В лирике Б. Ахмадулиной таких инфинитивных конструкций немного, и оценка обычно передается не собственно оценочными словами, а конкретизаторами действия и отношения: *Дрожать и зубом на зуб не понасть // мне как-то стало вдруг не интересно.*

Высказывания с интенциональной установкой передают модус состояния субъекта предложения или говорящего, и этот модус определяет положительную или отрицательную направленность их к действию:

*Между тем удается руке
детским жестом придвинуть тетрадку
и в любви, в беспокойстве, в тоске
всё, что есть, описать по порядку.*

По-видимому, именно эта функциональная возможность инфинитивных конструкций и обусловила их частое использование в русской лирике.

Настоящее исследование строится на основе анализа научных текстов двух ярких представителей российской лингвистики – Вячеслава Павлиновича Тимофеева и Владимира Федоровича Житникова.

В качестве отправной точки в понимании предложенной темы мы использовали монографию В.П. Тимофеева «Личность и языковая среда», изданную в 1971 г.у в Шадринске. В этом исследовании наиболее отчетливо проявились взгляды автора, удивительным образом созвучные проблематике российской науки конца XX – начала XXI в., с ее антропоцентризмом, нефункционализмом, экспансионизмом и экспланаторностью. Уже первые строки книги ставят принципиальную проблему всей работы: «По мере накопления объективных факторов общественного прогресса возрастает роль субъективных факторов и прежде всего роль самого человека» [Тимофеев, 1971, с. 5]. Автор далее констатирует: «Нет пока такой науки, которая бы считала своим предметом собственно человеческую личность в ее многомерной сущности и в многообразных связях через свои свойства с окружающей действительностью, то есть личность как социальный факт... [Тимофеев, 1971, с. 6]». Этой наукой, по мнению В.П. Тимофеева, должна стать развивающаяся социология. «Языкознание же пока в долгу перед социологией, – пишет Тимофеев, – особенно в деле изучения языка личности, и это несмотря на то что в реальности естественный язык существует только в устной и письменной речи индивидов» [Там же].

Примечательно, что автор четко отдает себе отчет в трудности изучения языковой личности. Трудность, по его мнению, заключается прежде всего в выборе объекта для исследования, так как искомая индивидуальная личность должна быть типом личности, в ее особенностях должны находить проявление общезначимые отношения и характеристики. Поскольку личность постоянно изменяется, умножая свои языковые ценности и совершенствуя речевые способности, полное изучение языка личности, отмечает Тимофеев, должно быть историческим. Затрудняет исследование языка личности и невозможность организовать сплошное наблюдение, за пределами внимания исследователя неизбежно оказываются отдельные проявления личности (разговор «про себя», саморефлексия) [Тимофеев, 1971, с. 7–8]. Сам выбор предмета исследования в работе – языковая личность – свидетельствует о научной смелости автора, он сознательно выбрал тему, не получившую теоретической разработки в науке, но представлявшуюся ему чрезвычайно актуальной и значимой для изучения.

Объектом наблюдения и лингвистического исследования В.П. Тимофеева стали две типовых личности: первая – неграмотная крестьянка, владеющая только устной формой русского языка, язык которой изучался методом соучастия и вторая – поэт С.А. Есенин, запечатлевший какую-то долю своего языка только письменно, в творческих художественных произведениях – в стихах, в прозе, в литературно-критических статьях, письмах, заявлениях и автографах; его язык исследовался методом биографического сопоставления.

Проследим за ходом рассуждений автора: «Определяющей социальной единицей любого общества является человек. В философском смысле это собирательное понятие концентрирует два других смежных – индивид и личность. Если эти понятия представить общо, то они получают следующее простое определение: человек – это биосоциальный продукт общества, индивид – «означает просто отдельный человек», личность – это человек в его социальных функциях. Однако на индивида и личность возможен еще и взгляд эволюционный, как на этапы общественного развития человека. <...> Процесс становления личности начинается с рождения человека и продолжается до его совершеннолетия, до участия человека в общественных сферах производства, когда он заявляет уже о своем праве на утверждение и развитие интегрированных в себе личностных качеств. Совокупность этих качеств составляет структуру личности, где концентрируются в диалектической взаимосвязи биологические признаки (темперамент, инстинкт) и особенности психики (формы отражения, характер), социальный опыт (направленность действий, моральные свойства, общественные отношения) и индивидуальная практика (способности, знания, умения, навыки, привычки, культура). Структура личности, таким образом, показывает, что личность – это социализированный индивид, и не просто единичный представитель данного рода, а особенный, то есть сочетающий в себе своеобразным способом общее, единичное и особенное. В связи с этим говорят об индивидуальности как неповторимой черте личности» [Тимофеев, 1971, с. 23–24].

В.П. Тимофеев и В.Ф. Житников – яркие индивидуальности. Они отличались по темпераменту, образу мыслей и чувств. Общим был выбор языка как главного объекта профессиональных интересов, общим было и отношение к этому объекту – он изучался глубоко, фундаментально, на обширном фактическом материале.

Языковая индивидуальность выделяет человека как личность, и чем ярче эта индивидуальность, тем ярче языковая личность, тем полнее она отражает языковые качества общества, отмечал В.П. Тимофеев. Яркой особенностью всех работ Вячеслава Павлиновича является обращение к **собственному речевому опыту, опыту семьи** – наиболее тесной (плотной) человеческой среды, в которой, как в капле воды, отражается все общество со всеми своими институтами. Социальная среда является активной силой, воздействующей на индивида. Особенно это касается самого ближайшего его окружения – семьи, производственного коллектива или школы, которые составляют микросреду и являются непосредственными проводниками воздействий на человека со стороны наиболее отдаленных общностей, со стороны макросреды. Среда – это естественное социальное условие жизни и деятельности человека, именно в среде он присваивает, формирует и отчуждает свою социальную сущность, в том числе и язык [Тимофеев, 1971].

Какой была среда, сформировавшая двух незаурядных ученых? Оба они родились в Зауралье, в Курганской области, село Мехонка – родина

Во всех этих случаях выразительными средствами, сигнализирующими об ироническом отношении к носителям трясянки, являются деминутивы *чорненькі, кароценькая, губкі*; экспрессивы *віславухі, кудлатая, падмоклая, прымчаў, падкаціўся*; образные сравнения *скочкаю скача, кудлатая, як ячменны снап*; эмоциональные эвфемизмы *рот не зачыняе, крывіла губкі ў трубку*; оценочные характеристики *з распушчанымі валасамі, шчасліва хіхікала*.

Несостоятельность попыток таких героев стать иными, нежели они есть, авторы нарочито маркируют через стиль их поведения, а также речь. И то и другое должно вызывать у читателя смех и неприемлемость. Такой вывод возможен потому, что в художественных произведениях наравне с трясянкой есть и иная смешанная речь, которая абсолютно нейтральна и никак не выделяется автором – натуральный местный говор, нередко изобилующий русскоязычными элементами, но не выходящий за рамки диалектного узуса. Трясянка же нарушает принятую конвенциализацию и устоявшуюся норму обоих языков, ср.: *А ўв нас урэмя ёсць?* (рус. *А у нас время есть?* бел. *А мы маем час?*); *ув чом дзела?* (рус. *В чем дело?* бел. *Што здарылася?*) и пад. И в данном случае речь идет не о фонетическом несоответствии нормам, а о грамматическом смешении.

Литературно-художественная трясянка конца XX в. отличается от смешанной речи персонажей Гилевича и Клебановича тем, что это чистая стилизация, т.е. тексты полностью написаны в «трясянковой» манере – нарочито подчеркнутая имитация особенностей белорусско-русской речи определенной социальной среды. Такая смешанная речь представлена прежде всего в песенных текстах современных молодых авторов, напр.: *Дваццаць трэць феўраля, паздраўленія прынімаю я, паздраўленія прынімаю я з дваццаць трэцім феўраля* (Крамбамбуля). Это своего рода кич, в них присутствует коллажность и прецедентность, что позволяет рассматривать их не только в качестве негативной реакции на натуральную смешанную речь белорусов, но и позитивно, как своего рода молодёжный прикол, стёб, игру.

На протяжении столетия в языке художественной литературы как в «одной их форм существования общенародного языка» [А.А. Гируцкий] (наравне с кодифицированной и диалектной формами) фонетические (через графику), морфологические и синтаксические особенности живой смешанной речи белорусов так или иначе получили свою типизацию, воспроизведение и языковую маркировку. И динамика литературно-художественной трясянки такова: от художественно-выразительного средства до стилизации через стилистический приём.

Через столетия проблема смешанной белорусско-русской речи еще более актуализировалась, так как в реальной жизни общества смешение кодов получило свое стремительное распространение, различную вариативность и даже определенную узуальность (в некоторых социальных группах), что, в свою очередь, нашло отражение в художественных произведениях 2-ой пол. XX в., напр., в текстах Н. Гилевича, М. Клебановича, М. Ракитного и т. д. Именно в этот период литературно-художественное смешение кодов оформилось как приём, так как аккумулярованные в художественных текстах характерные особенности натуральной смешанной речи белоруссов получили своё обобщение, «сгущение» и сознательную авторскую обработку.

В отличие от Купалы, эти авторы «озвучивали» своих героев, беря за основу белорусский язык, но используя при этом множество русских «абеларушанных» слов и сочетаний. В терминологии сегодняшнего дня речь купаловских персонажей можно дефинировать как *нациолект*, или белорусский национальный вариант русского языка, под которым понимается «социолингвистическая категория, которая помечает устойчивые черты в речи на чужом языке под влиянием этноязыка, национального языка» [А.Е. Михневич]. И это прежде всего те фонетические черты, которые являются специфическими именно для белорусского языка по сравнению с русским и которые однозначно оцениваются как *инонациональные* в русской речи. (Напр., у Купалы: *Очень кстаці, что вы, господзін белорус зьдзесь.*)

Начиная с 90-х гг., смешанную белорусско-русскую речь называют *трасянякой*, словом, которое имеет «вельмі доўгі побытавы шлейф, “сена-саламяны”, экспрэсіўны» [А.Е. Михневич]. Не оспаривая возможность или невозможность существования данного лингвонима, принимаем его в качестве названия стилистического приема в художественных текстах, т.е. относительно речи тех персонажей, которые являются своего рода пародией на «русскоговорящих» белорусов. На трасянке говорят те персонажи, городские жители (как правило, недавние деревенские), образы которых задуманы как отрицательные, поэтому их речь предваряют маркёры поведения – прямые и косвенные указания на авторское к ним отношение, ср. отрывки из повести М. Клебановича «Манька»: I. *Прымчаў неяк з машынаю нарыхтоўчык – чорненькі, віславухі – скочкаю па полі скача, рот не зачыняе:– Ёсць картопля? Ёсць. А ўв нас урэмя ёсць? Нету. Давай быстра.– Таварыш, таварыш, – падкаціўся нарыхтоўчык, – ув чом дзела? II. Кароценькая, кудлатая, як ячменны сноп, яна зачэпілася за высокага мужчыну, які, мусіць, заступіў ёй дарогу, і, адкідваючы голаў, зазіраючы ў вочы, ішчасліва хіхікала. – Я ўсё-такі жэнічына, – далятала адтуль. III. Потым падмокая, з распушчанымі валасамі маладзіца, а мо дзеўка яшчэ, крывіла губкі ў трубку, глядзячы ў залу: – С ума сайсці, скука, нікаво нету, сплашной капрамонт, лет сто і вышэ... – Гэта нам сто і вышай, – усміхнуўся белазабы мужчына.*

В.П. Тимофеева, село Житниково – родина В.Ф. Житникова. Оба росли в многодетных семьях: Владимир Федорович был старшим сыном в семье военнослужащего, Вячеслав Павлович – в крестьянской семье. Оба в определенный момент остались без помощи семьи и были вынуждены обеспечивать себя сами. Оба рано женились, обзавелись детьми. Учились в вузах в 50-е гг. Оба – большие труженики. Не случайно экслибрис В.П. Тимофеева представляет собой изображение пахаря, идущего за сохой на фоне заходящего (или восходящего) солнца. Дочь В.Ф. Житникова, Любовь Владимировна, вспоминает: «Работать Владимир Федорович никогда не переставал: лекции в университете, подготовка статей и выступлений занимали его постоянно. Работал всегда, когда мог, вечером и ночью. Даже на отдыхе, где бы мы ни были, сейчас же раскладывались книги, бумаги – и он уже сидел за столом и творил, писал» [Житникова, 2004, с. 4].

Широта интересов. В течение всей своей жизни В.Ф. Житников занимался языкознанием в широком смысле этого слова. Диалектная лексика и антропонимика, сравнительное изучение славянских языков – основные области его научных исследований. Но этим интересы В.Ф. Житникова не ограничивались: особенности арго, проблемы взаимодействия языков, лексические заимствования, проблемы этимологии и исторической лексикологии, генетические и территориальные связи диалектной, арготической лексики и антропонимики. Для полного и точного лингвистического анализа требовалось знание языков, их изучению Владимир Федорович посвящал все свое свободное время. Это были древние языки: санскрит, древнегреческий, латинский, готский, а также современные – польский, словацкий, литовский, калмыцкий, монгольский. Показательный пример: после одной небольшой статьи, посвященной общеславянским лексическим элементам в русских народных говорах, в списке сокращений представлено 46 наименований, из них 30 обозначений языков, остальное – диалекты. Кроме того, особенностью В.Ф. Житникова была любовь к античной и древнерусской литературе. Он с удовольствием цитировал на лекциях произведения художественной литературы, приводил афоризмы, обладал широчайшей эрудицией (к нему часто обращались за консультацией коллеги-литературоведы).

О широте интересов В.П. Тимофеева можно судить по его библиографическому указателю, где представлено более десяти научных разделов, в том числе социолингвистика, лексикология, лексикография, грамматика, диалектология, язык фольклора, литературоведение, педагогика и методика, краеведение, культура речи.

Научная смелость, тяга к новому, неизученному. Житников впервые сопоставил фамилии Урала и русского Севера, собрал и описал более 18 тысяч уральских фамилий, первым обратился к изучению калмыцких фамилий, вместе со студентами университета Элисты исследовал в количественном, словообразовательном и этимологическом аспектах около 15 тысяч местных фамилий. Родовые обозначения людей, особенно образованные от диалект-

ных корней, были для него материалом, ценным не только в историко-лингвистическом, но и в историко-культурном, этнографическом отношении. О научной смелости и неординарности В.П. Тимофеева говорят все его работы, выше уже был отмечен новаторский характер его монографии «Личность и языковая среда», новым и уникальным был и его «Диалектный словарь личности» (Шадринск, 1971).

Характерными чертами научных работ двух ученых были *диалогичность* и *эмоциональность*. В статьях В.Ф. Житникова читаем: «Что значит выяснить происхождение какого-либо слова? Что такое внутренняя форма слова? Отчего это происходит? Каковы ее факторы?»; «В Калмыкии иногда раздаются голоса: а не уготована ли калмыцкому языку роль субстрата, не растворится ли он в русском языке, оставив в нем лишь незначительный лексический локальный осадок? Нам представляется, что на обозримое будущее поводов для такой тревоги нет. Калмыцкий язык отнюдь не деградирует, он развивается, обогащается, совершенствуется. Заимствования не унижают язык, а делают его богаче и действеннее». Наряду с конкретностью анализируемых фактов (что подчеркивают строгие количественные подсчеты), в работах В.Ф. Житникова проявляется живое отношение к языку как гибкой, творческой материи, ср.: «Славянский словарь так же, как и грамматика, *не испытал потрясений*»; «Тем *удивительнее* выглядит на этом *колоссальном* историческом фоне сохранение древних лексических реликтов, подобных приведенным выше»; «Если бы за каждым предметом был закреплён, в силу существенной связи между предметом и его названием, лишь определенный комплекс звуков, в языке невозможна была бы синонимия. *Но она существует!* [выделено нами. – Е.Г.]»

Те же проявления диалогичности и эмоциональности находим в научных текстах В.П. Тимофеева: «Как проявиться качествам личности в деловых документах?..»; «А как учесть другие, которые и обусловят такой язык?» Обратимся к его статье с интригующим названием «Язык родины Ломоносова на Урале», опубликованной в Вестнике Челябинского университета. Статья начинается со слов: «Невероятная тема? Да. Но посмотрите подготовительные материалы к “Российской грамматике” М.В. Ломоносова в 7 томе академического издания 1952 года и вы с удивлением заметите, что наш уральский старожильческий говор в половине XVIII столетия как будто претендовал на приоритетную роль в первой грамматике русского языка, а этом был язык Холмогор – родины Ломоносова». Из вступительной статьи к сборнику частушек: «Удивляет глубокая старина [текстов]... иначе как объяснить смысл частушки «Погодите, не идите, Белые снежиночки, Дайте с Мурманя прийти Моему ягодиночке»...» В строках: «Пробилась, выжила, не затаилась во времени и эта частушка...» – чувствуется отношение к тексту частушки как живому явлению. И вообще для Тимофеева характерен не холодно-расчетливый анализ фактов, а их переживание.

СМЕШЕНИЕ КОДОВ КАК СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ

Смешение кодов понимается как «использование билингвами в одном речевом акте единиц, относящихся к разным языковым системам» [Русаков, 2004], соответственно *литературно-художественное смешение кодов* определяется нами как стилистический авторский прием преднамеренного неразличения белорусского и русского языков в речи персонажей с целью эмоционального воздействия на читателя. Под термином *смешанная белорусско-русская речь* в данном случае объединены и нациолект русского языка (как устойчивые белорусскоязычные черты в речи на русском языке – в понимании проф. А.Е. Михневича и проф. А.А. Гируцкого) и тряснянка (как хаотическое смешение белорусского и русского языков в речи – в понимании проф. Н.Б. Мечковской).

Стилистический приём представляет собой «способ организации высказывания (части текста или текста в целом) на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью определенного воздействия на адресата» [Г.А. Копнина, А.П. Сковородников]. Цель данной статьи – выявить, какие особенности устной речи получили свою типизацию в стилистическом приёме смешения двух языков и какие языковые маркеры используются автором для этого.

Смешение белорусского и русского языков в речи персонажей в целях определенного выразительного эффекта не является изобретением именно последних десятилетий, наоборот, на протяжении XX в. произошло как становление самого приёма, так и некоторое его «усовершенствование», «модификация». Подтверждением тому определенная динамика типизации выразительных средств.

Правомерно утверждать, что фундамент этому приёму (ещё в качестве выразительного средства) был заложен Янкой Купалой в пьесе «Тутэйшыя» (1922), в которой автор сознательно противопоставил местный деревенский говор местному городскому просторечию (как нормативно нерегулированной речи). Через транслитерацию специфических белорусских фонетических черт (дзеканье, цеканье, твёрдые *р, ж, ч*, ассимиляцию по мягкости *с* и *з*) он маркировал «истинно русский язык» тех персонажей, которые являются здешними, белорусами, но всячески стараются дистанцироваться и от своего родного языка, и от белорусских корней. Такая «русская» речь, с одной стороны, служила яркой авторской характеристикой самого персонажа, а с другой стороны, демонстрировала отношение автора пьесы к тогдашним социально-политическим переменам в белорусском обществе. (Предшествующие творчеству Купалы поэмы «Энеида навыварат» и «Тарас на Парнасе» не берутся в расчет, так как полностью написаны в бурлескно-пародийном стиле.)

ческий хронотоп описан более четко. Место – номер в гостинице, расположенной в одном из курортных городов Италия. Небольшая часть действий происходит также на площади перед гостиницей и в холле гостиницы. Действия развиваются в течение одного дня.

Если рассматривать психологические хронотопы, то описание их очень краткое, что является определяющим в этом рассказе. Героиня скучает – она рассматривает в мельчайших деталях вид из окна, вспоминает, как выглядит та же площадь, когда дождь не идет (*big palms, green benches,.. in the good weather an artists with his easel... monument glistened in the rain... gravel paths,, pools sea broke... motor cars... in the doorway a waiter ... a cat crouched under the dripping green table*). Героиня нашла недостающее ей внимание в чужом человеке, который предупредителен с ней в силу своей должности, как ей кажется (*she liked the way he felt about being a hotel-keeper*). Он ей симпатичен, поэтому она замечает все: его возраст, его руки, место, где он находится в тот или иной момент, его движения. В момент, когда она не нашла кошку, ее психологический хронотоп «прорывается наружу», и она произносит: *I want to eat at a table with my own silver and I want candles. And I want it to be spring and I want [long hair] and I want a kitty and I want some new clothes*. Психологический хронотоп мужа надежно спрятан за книгой, а сам он удобно расположился на кровати (*lying propped up with two pillows...shifted his position in the bed... said from the bed... was not listening... was reading*). И в ответ на обращение жены он лишь сказал: *Shut up and get something to read*.

Главное описание хронотопа жены Э. Хемингуэй дает, используя всего два имени прилагательных, а именно *small* и *tight*. Владелец гостиницы понял (*The padrone made her feel very small and at the same time really important*) эту женщину. Кошка, присланная владельцем гостиницы, становится последней точкой для читателя в восприятии смысла, заложенного автором. Но эта «точка» осталась не увиденной мужем героини.

В обоих рассказах мужья раздражаются, когда жены пытаются пройти пространство, разделяющее их, – физически толщиной в лист бумаги, а психологически являющийся пропастью. Но муж у Р. Брэдбери, помогая жене пересечь эту пропасть, обозначает их новые психологические хронотопы, предлагая новые имена Мегсу (сострадание, счастье) и Frank (искренний, открытый); вместе с тем они заново нашли смысл – ценность, важный для них обоих. У Э. Хемингуэя муж отгородился книгой, так и не разобравшись в том, что говорила ему жена. Он, выражая готовность помочь на словах, остается глух.

Как нам кажется, сравнение хронотопов этих рассказов наглядно демонстрирует их значение в восприятии смысла текста. Хронотопы помогают «удерживать информации текста не ниже некоего предела таким образом, чтобы сохранялся контакт между читателем, меняющимся во времени, и самим изменяющимся текстом» [А. В. Суворов, 2001. с. 193].

Своеобразие личности В.П. Тимофеева – любовь к народному слову, к фольклору. Он опубликовал несколько сборников фольклорных текстов: сказки, частушки, свадебные обрядовые песни. В них проявилось его глубоко индивидуальное, личностное начало. Так, в сборнике частушек «Пойте, девушки-припевушки» (составленном совместно с Верой Николаевной Бекетовой) оно обнаруживается в тексте посвящения: «Светлой памяти матерей наших Тимофеевой Евдокии Михайловны, Гребенщиковой Александры Михайловны». Инверсивный порядок слов подчеркивает ориентацию на народно-разговорное начало. Статьи в Вестнике Челябинского университета, строго теоретические, научные, содержат целый ряд «личностных» контекстов, ср.: «Я помню с детства досаду бабушки или матери на то, что сырые дрова модеют, то есть тлеют, не разгораются, а из-за них и печь модеет, не печет. Это слово есть и в материалах к «Российской грамматике» Ломоносова»; «Когда я говорю «наше произношение», то имею в виду конкретно диалектные особенности своего семейного гнезда – родителей и родных, «уроженцев» с. Сладчанки и д. Усольцевой Шатровского района Курганской области, прежде всего – матери – Тимофеевой Евдокии Михайловны и тети – Тимофеевой (Суковатицыной) Матрены Дмитриевны»; «Мне понравилось определение словосочетания, данное когда-то в 50-е годы на лекции профессором С.Е. Крючковым, моим научным руководителем... (теоретическая статья в Вестнике ЧелГУ «Язык как явление. Языковые единицы»); «Сравнение словников этих словарей с картотекой словаря языка моей мамы (архангелогородской «пермячки») убеждает в органической близости ее языка с говорами Перми – начальной родины уральского русского этноса». Даже в коллективной монографии, посвященной исследованию особенностей языка делового общения (куда уж суше, объективнее и строже?!), Тимофеев находит место для проявлений личностного начала. Прежде всего это сказалось в названии написанной им главы – «Язык деловой личности» (деловая, но – л и ч н о с т ь !). В качестве иллюстрации он использует материалы из домашнего архива – документы полувековой давности по продаже крестьянского дома (доверенность, договор, справка), которые для него являются историей рода, семьи, глубоко переживаемой автором. Нерасторжимая связь личного и профессионального проявилась и в названиях глав задуманной, но незавершенной книги: «Моя родословная, Мои дети, Мои друзья, Моя любовь, Моя Есениана, Мои ружье и охота, Мои письма, «Все берет откуда-то начало...».

Нравственные качества, гражданская позиция. В уже упомянутой коллективной монографии «Русский язык для делового общения» В.П. Тимофеев наряду с характеристикой отдельных жанров деловой документации и стиля деловых бумаг в целом (строгость, логичность содержания, краткость и исчерпанность текста), перечисляет нравственные качества деловой личности, которые, как нам представляется, ярко характеризуют и самого автора, и его коллегу, В.Ф. Житникова: вежливость, доброта, долг, нравственность, целеустремленность, честность, а также волевые качества: спокойствие, тру-

долюбие, убежденность, уверенность, энтузиазм; стойкость, терпение, преодоление; требование, требовательность, упорство. «Но в каких-то условиях, – пишет В.П. Тимофеев, – пригодны и такие качества: бесстрашие, борец, борьба, мужество, непримиримость, смелость, храбрость...» [Тимофеев. 1996, с. 174]. Как неуместные качества делового человека им названы колебание, неуверенность, раскаяние, сомнение. Думается, что Вячеславу Павлиновичу, много лет проработавшему проректором в Шадринском педагогическом институте, были хорошо известны особенности общения в деловой среде и значимость личной позиции человека.

Любовь к студентам, диалог с широкой аудиторией через публикации в прессе, глубокое уважение к слову и книжной культуре – эти черты объединяют двух ученых-лингвистов. Оба они олицетворяют тип сильной, самобытной, активной личности, руководствующейся в своей деятельности благом другим, а не своим личным. В постановке научных проблем каждый из них был **первым**, к их решению приходил **сам**, путем напряженных научных размышлений и поисков. Их творчество глубоко проникнуто связью с родной землей и близостью к народной культуре.

В целом исследование профессиональной языковой личности имеет теоретическую значимость для лингвистики, поскольку позволяет углубить представления об особенностях интерпретации действительности в рамках той или иной профессиональной деятельности, уточнить характеристики профессиональной картины мира, расширить представления о ее динамике. В связи с интенсивным развитием в лингвистике когнитивно-коммуникативного направления, изучением языков профессиональной коммуникации вопрос о специфических характеристиках профессиональной языковой личности и способах ее репрезентации становится чрезвычайно актуальным.

Л.К. Жаналина (Алматы)

НОМИНАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И СИНХРОННАЯ ДИНАМИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Цель доклада – охарактеризовать некоторые особенности развития современного русского языка, определяемые действием разных способов и средств номинативной деятельности, которая реализует номинативный потенциал языка, используя ресурсы грамматики номинации. Методы исследования: эмпирический, описательный и семантической реконструкции.

Развитие современного русского языка обусловлено в первую очередь номинативной деятельностью (НД) его носителей. Производство номинативных единиц (НЕ), среди которых есть единицы однословные и неословные наименования (от значений до текстов), мотивируется необходимостью зафиксировать процессы познания в стремительно и глобально меняющемся мире.

рое время читатель даже узнает точное время – 11 часов утра (... *old Sheila Tompkins married at eleven a.m. of a Saturday nine years ago this very hour*). Фактические действия развиваются буквально в течение десятка минут. В конце рассказа муж поизносит: *Today. An hour from now. Noon?*

Социальное пространство задано социальными ролями героев – муж и жена (*wife* и *husband*), т.е. социальная дистанция предельно сужена. Социальное время, в котором они живут, описано имплицитно. Герои живут в мире *telephone, TV, CD player*, а также во время, когда такие понятия, как *genechromosome factory, molecule, serum, follicle, epidermis, hyperventilate, midlife frenzy*, стали настолько привычными, что их вполне могут употреблять в бытовом разговоре люди, далекие от данной сферы деятельности. Героиня использует одну из «новых теорий», чтобы неосознанно, даже для себя самой, привлечь внимание своего мужа к тому, что любовь и взаимопонимание, которые были вначале их семейной жизни, исчезли (*That (incredible happy) was then, this is now.*)

Если же анализировать психологический хронотоп каждого героя, то надо, прежде всего, отметить, что наблюдается существенная разница в восприятии времени героиней и героем. Для Шейлы время шло медленно: *I could feel it happening all year. Every hour of every night and then all day, I could feel... психологическое время* пришло к своеобразному пределу – *the last day of the last month of the ninth year*. Для Томаса время пролетело быстро – *...my body has been changing along with yours all the last nine years... I never noticed*. В начале рассказа разделены и их психологические пространства: *Her husband glanced over the rampart of the Wall Street Journal, saw nothing to fasten his regard, and sank back in place*. Слово *rampart* (крепостной вал; бастион; защита, оплот) и название газеты *the Wall Street Journal* контекстуально связаны и приобретают новое значение – «стена» между мужем и женой. Но в ходе разговора за завтраком читатель видит, как меняется психологический хронотоп мужа. Автор использует различные средства, чтобы передать постепенность трансформации: незаинтересованность (*glanced over... nothing to fasten his regard... sank back... He grumbled, “The point, wife, the point!”*) → раздражение (*Come here! ... his lion tamer’s voice... jumped up... ran... banged it in front of her*) → ярость вместе с растерянностью (*stirred four sugars in his coffee ... a razor glare... holding his utensils with fists... Upstairs now!*) → осознание проблемы (*called quietly... tears running down his cheeks now... his hands were frantic, searching for something hidden... his eyes fixed on a solution ... we’re both brand-new*). Муж «услышал» ее, понял то «сообщение», которое его жена пыталась ему передать. Он включился в игру и спас свою семью.

Э. Хемингуэй описывает четырех персонажей, предлагая более объемный социальный хронотоп. В центре истории, как и у Р. Брэдли, – жена и муж (Э. Хемингуэй дает имя только мужу – *George*; читатель также знает, что они американцы). В рассказе также присутствуют и, на первый взгляд, играют второстепенную роль: владелец гостиницы и горничная. Топографи-

ВОСПРИЯТИЕ СМЫСЛА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Целью доклада является попытка объяснения механизма восприятия смысла художественного текста, опираясь на его хронотопическую структуру, а также подтверждение мысли о непреходящих смыслах-ценностях в истинно художественном произведении.

«Восприятие возникает в результате синтеза ощущений с помощью представлений и имеющегося опыта, т. е. это есть синтез объективного с помощью субъективного. Деятельность истолкования включается в каждое осмысленное человеческое восприятие» [Психологический словарь на azps.ru, <http://azps.ru/handbook/v/vosp228.html>].

«...Смысл целостного текста ... та информация, которая передается говорящим/пишущим и воспринимается слушающим/читающим на основе выражаемого языковыми средствами содержания, взаимодействующего с контекстом и речевой ситуацией, с существенными в данных условиях речи элементами опыта и знаний говорящего/пишущего и слушающего/читающего» [А. В. Бондарко, 2001. с.4]. Понимание текста представляет собой «вычитывание» личностных смыслов. Вместе с тем текст читателя и текст автора не могут быть абсолютно различными, так как любой текст содержит языковые сигналы, указывающие направление истолкования. Прежде всего, границы – область пересечения текста автора и текста читателя определяются пространственно-временными скрепами, т.е. хронотопами.

Хронотоп текста – единство существенных пространственно-временных связей данного текста. Хронотопы являются доминантами в терминологии А. А. Ухтомского (гештальтами (М. Вертгеймер) или концептами (С.А. Аскольдов-Алексеев)), которые находятся в сознании человека и являются необходимыми пресуппозициями и вместе с тем условиями приращення смысла при восприятии художественного текста.

Обратимся к рассказам Э. Хемингуэя «Кошка под дождем» (*Cat in the Rain*) и Р. Брэдли «В конце девятого года» (*At the End of the Ninth Year*). Главная идея этих рассказов – взаимоотношения между людьми, а точнее, любовь и взаимопонимание в семье. Если пересказывать в двух словах сюжет обоих рассказов, то он практически одинаков. Несмотря на то, что в семьях все вроде бы хорошо, жены находят причину, чтобы вывести мужей из себя. Первоначальная реакция обоих мужей одинакова: непонимание, переходящее в раздражение. Но здесь сюжет рассказов расходится – у Р. Брэдли муж находит общий язык с женой, а у Э. Хемингуэя – нет (по крайней мере, в тот момент, когда читатель покидает героев, т.е. рассказ заканчивается).

Рассмотрим языковые средства, благодаря которым воспринимается смысловое содержание каждого рассказа. Топографический хронотоп рассказа *At the End of the Ninth Year* предельно ограничен: действие происходит в кухне или столовой Шейлы и Томаса Томпкинса за завтраком. Через некото-

Если содержательная сторона НЕ питается мышлением, то их формальная сторона нуждается в языковых средствах, которые предоставляет грамматика номинации. Единицы грамматики номинации находятся в состоянии готовности обслуживать процессы производства наименований, поэтому она полностью включает только словообразовательный уровень языка, который полностью подчинен реализации номинативной функции и поэтому наиболее последовательно и активно участвует в порождении номинативных единиц по сравнению с другими уровнями языка.

Лексика, морфология и синтаксис входят в грамматику номинации с ограничениями, накладываемыми на них неполнотой их вовлечения в номинативную деятельность. Для них, в отличие от словообразования, предпочтительнее участие в коммуникативной деятельности. Этим функциональным неравноправием объясняется традиция разработки в языкознании только одной грамматики русского языка, которая фактически является грамматикой коммуникации. Но в недрах единой грамматики зрели антиномии, которые порождались игнорированием функциональной гетерогенности ее единиц. В качестве примера можно привести дискуссии, вызванные утверждением или отрицанием наличия в значениях временных форм глагола «момента речи», а также логические неувязки, возникающие при одновременном включении и исключении «момента речи» в значениях настоящего времени.

Таким образом, ресурсы, которыми располагает язык для осуществления номинативной деятельности, обуславливают дисциплинарную структуру его грамматики. Она включает лексику и фразеологию, словообразование, морфологию и синтаксис. Эти уровни снабжают НД материалом, необходимым для генерирования новых наименований, пополняющих разные уровни языка.

Функциональная заряженность единиц грамматики номинации становится условием их динамизации – включения в номинативные процессы. Их участие в синхронной номинации диктуется направленностью познания, которое устремляется, как показывает фактический материал, на наиболее значимые и наиболее сильно меняющиеся сферы действительности. Стремительность перемен в экономике, политике, в добывающей и перерабатывающей промышленности, в культурном строительстве, включая развитие науки, образования, права, предусматривает их осмысление и языковую фиксацию. Означивание перемен, происходящих в жизни, – это сфера номинативной деятельности. Кроме внеязыкового фактора действует и языковой фактор, направляющий лингвокреативную активность человека согласно языковой действительности.

На постоянство эволюционирования определенных областей жизни общества, явлений язык реагирует частотным употреблением отражающих их ключевых слов. В качестве примера можно привести слово *крутой*. В случае с ним снимается фактор снижения номинативного потенциала стилистическим ограничением. Несмотря на разговорный оттенок с налетом отри-

цательной оценки, оно с неослабевающим постоянством обрастает новообразованиями за счет регулярно повторяющегося участия в номинативных процессах, разворачивающихся по моделям разных способов. К семантической деривации, в которой было произведено новообразование *крутой* (1) 'человек, быстро добившийся очень значительных успехов в бизнесе и ставший очень богатым за счет использования законных и/или незаконных способов и приемов ведения дела', добавляется словообразование (*крутизна*, *круто* 'качество крутого, успешного делового человека'), фразообразование, создающее новые номинативные единицы в виде словосочетаний, предложений (*крутой бизнес*, *крутое решение*, *крутой поступок*, *круто раскрутиться* и др., *Крутой среди своих, свой среди крутых* – о Н. Михалкове).

Номинативную активность слова *крутой* обнаруживает продолжающееся семантическое развитие его нового значения (1), закрепляемое не только их употреблением в коммуникации, но и участием в номинации. Слово *крутой* используется в настоящее время и в других новых значениях (2) 'лишенный чувства страха, жалости и/или не считающийся с нормами, установками общества, какой-то ее группы', (3) 'очень дорогой, модный, доступный богатым людям'. Второе и третье новые значения, как и первое, подключаются в синхронное фразообразование: *крутые ребята*, *крутой мужик*, *крутой бокс*, *крутой прикид*, *крутая тачка* и др. В значениях (2, 3) разговорная стилистическая окраска усилена их сленговостью и дополняется положительной оценкой, особенно явно в именах-словосочетаниях (одобрение, восхищение), демонстрируя ломку мировоззренческих стереотипов, размывание границ между добром и злом. Причем степень нейтрализации данной нравственной антиномии не одинакова в разных слоях общества и возрастает у молодого поколения.

Грамматика номинации предоставляет для номинативной деятельности конституирующий материал, а также модели и правила осуществления действий и операций по конструированию новых номинативных единиц.

Лексика проявляет свою готовность к участию в синхронной НД «на глазах у поколения» своим структурированием в соответствии с картиной мира, выделением в ней фрагментов, отражающих разные сферы жизни общества. Направления развития этих сфер определяют выделение в них ключевых слов. Так как последние оказываются на переднем фронте перемен вместе со своими обозначаемыми, то вполне объяснимой оказывается их высокая номинативная продуктивность. Язык разворачивается вслед за разворачивающимися событиями. Обрастание ключевых понятий новыми вызывает генерирование все новых и новых наименований.

Подобное обрастание производными приобретает характер номинативных сессий, когда одно и то же слово неоднократно вовлекается в НД, реализуя или развивая свой номинативный потенциал. Частотность участия слов в номинации подготавливается высокой частотностью их употребления в коммуникации, также стимулируемой актуальностью обозначаемых ими реалий.

I take it that conscience is the guardian in the individual which the community has evolved for its own preservation. It is the policeman in all our hearts, set there to watch that we do not break its laws. It is the spy seated in the central stronghold of the ego. Man's desire for the approval of his fellows is so strong, his dread of their censure so violent, that himself has brought his enemy within his gates, and it keeps watch over him, vigilant always in the interests of its master to crush any half-formed desire to break away from the herd. It will force him to place the good of society before his own. It is the very strong link that attaches the individual to the whole. (Maugham, Moon, p. 68)

Данный авторский дискурс представляет собой размышление автора о совести. Автор представляет на суд читателей развернутый образ совести-стража у человека. Первые три предложения развивают этот образ по принципу нарастания негативной характеристики стража (*guardian – policeman – spy*). Далее дается объяснение, и страж открыто называется врагом (*enemy*), которого сам человек провел в свои владения (*within his gates*), чтобы быть у него постоянно в плену (*it keeps watch over him*), подчиняя свои интересы общественным (*to place the good of society before his own*). Эта развернутая метафора поддерживается перифразом (*central stronghold of the ego*), эпитетами (*strong, violent*), параллелизмом (*It is...* повторяется во втором, третьем и последнем предложениях). Общество (*community, society*) уподобляется стаду (*herd*), от которого человек боится отбиться (*to break away from the herd*). На этом страхе и держится связующее звено (т.е. совесть) между личностью и обществом.

Развернутая метафора скрепляет все высказывание – оно предстает как неразрывное образное единство, в котором лексико-семантические (повторы слов-синонимов) и грамматические скрепы (слова-субституты, временные формы) играют подчиненную роль.

Стилистическая конвергенция служит выдвиганию общего смысла. Данный философский дискурс приобщает читателя к миру авторских мыслей, затрагивающих мировоззренческие вопросы – на глазах у читателя производится «деконструкция» идеологии, направленной на воспитание стадного чувства. Однако пессимизм и скепсис автора вряд ли можно разделить, и не случайно автор берет читателя в союзники только когда говорит о законах и полиции (*It is the policeman in all our hearts, set there to watch that we do not break its laws*) – *we* включает и автора, и читателей. Это делает образ совести-полицейского в нашей душе, который смотрит за тем, чтобы не нарушались ее законы, разделенным смыслом как результатом смысловой конвергенции. В остальных предложениях *it* звучит отчуждающе: скрытый диалог становится монологом, интересубъективное пространство сужается, и весь дискурс воспринимается как структура с одним коммуникативным фокусом.

Подобная смысловая конвергенция наблюдается во всех случаях создания диалогической зоны.

на фоне исторических влияний, культурного диалога, связи с современным многоаспектным мировоззрением. Сегодня когнитивные исследования подтверждают необходимость «новой оптики» – расширения «теоретических линз», т.е. введение в фокус теоретического анализа речевой деятельности перспектив разных дисциплин, что позволяет интегрировать аспекты когнитивной науки с антропологическими и культурными традициями, объединить альтернативные подходы к изучению когнитивных структур как дискурсивных, социальных или воплощенных.

С этой точки зрения текст можно рассматривать, по крайней мере, в двух аспектах: в аспекте внутритекстовых диалогических отношений и в аспекте внетекстовых диалогических отношений. Внутритекстовой диалог создается автором как семантическая составляющая текста, включающая его обращенность, или адресованность. Эта составляющая может быть обозначена как дискурсивная стратегия. Внетекстовой диалог прослеживается в связях данного текста с обрамляющим контекстом, его выходе в интертекстуальное пространство. В этом отношении отмечается пограничный характер автора и читателя, что обнаруживается в диалектике их вневходимости и внутрисложенности: автор и предполагаемый адресат принадлежат одновременно и внешнему, и внутреннему миру.

Важным моментом в характеристике открытой системы является наличие в ней так называемых зон конвергентности, в которых неоднородные элементы, попадающие в систему в силу ее открытости, сталкиваются, а затем и начинают активно взаимодействовать с элементами данной системы, создавая хаос и нарушая равновесие системы. Однако процесс взаимодействия разнородных элементов не разрушает системы: под ее влиянием хаос вскоре упорядочивается: происходит конвергенция и появляются новые элементы (в результате ускоренного процесса взаимодействия, уплотнения связей и преобразования элементов). Именно о таких зонах в художественном тексте, которые традиционно называются «лакунами», «зонами неопределенности», «смысловыми скважинами», идет речь в нашем исследовании – как о зонах диалогического контакта, взаимодействия неоднородных высказываний.

Принцип открытого диалога реализован в анализе художественного текста, понимаемого как дискурс. Современная лингвопоэтика исходит из понимания художественного текста как «разноречия», «многоголосия», «полифонии», вписанной в определенный социокультурный контекст.

Так, в романе «Луна и грош» С. Моэм постоянно ведет диалог с читателем, создавая таким образом метадискурс о ценностях. Выделенность, «ударность» метадискурса связана, как отмечалось, с общим свойством открытых систем – в местах столкновения гетерогенных элементов начинается их активное взаимодействие, что ведет к образованию новых смыслов при взаимодействии гетерогенных высказываний, которое сопровождается уплотнением лексико-грамматических связей, конвергенцией стилистических приемов. Рассмотрим один из таких фрагментов:

Серии новообразований порождают слова, обозначающие значимые события, и подтверждают приоритетность новых социально-политических, культурных, экономических направлений развития государства, мира, представляют новые акценты в видении мира, связанные с процессами глобализации, с развитием высоких информационных технологий, с расслоением общества на богатых и бедных, акцентируют внимание на тревожных событиях и фактах, несущих реальные угрозы выживанию человечества. Слова с высокой номинативной активностью становятся материалом для создания большого массива неоднословных наименований, демонстрируя приближение фразообразования к словообразованию по степени продуктивности и устойчивое расширение сферы действия аналитизма в русском языке. Ср. словосочетания со словами *глобальный* (Г.), *евразийский* (Е.), в которых они или употребляются в коммуникации (1), или используются в номинации (2) в разных формах и которые представляют зависимость от частотности употребления слов (1) их номинативной продуктивности (2):

а) (1) Г. *ответственность / замысел / бардак / вопрос / проблема / окружающая среда / причина / распределение сил / экономический баланс / масштаб(ы) / военные задачи / охват* и (2) Г. *политика / конкуренция / пробуждение этничности / мир / система / кризис / интересы / потепление / угроза*;

б) (1) Е. *соблазн / искусство / перспективы / хроника / «соборность» / издание / народы* и (2) Е. *университет / идея / менталитет / страна(ы) / государство / континент / субконтинент / Союз / Экономический Союз / суперэтнос / дух / человек («потомок») / проект / культура / интеграционная политика / интеграция / инициатива / движение / учение / национальное достояние / доктрина / империя / рынок*.

Номинативные словосочетания (2) отличает от коммуникативных словосочетаний (1) большая устойчивость, обусловленная необходимостью их воспроизводства как наименований новых реалий, точнее знаний, которые обуславливают развитие, изменение семантики опорного слова (в приведенных примерах они представлены грамматически зависимыми прилагательными) как части новых значений, закрепленных за номинациями-словосочетаниями. В коммуникативных словосочетаниях, которые конструируются для воспроизводства известного содержания, компоненты употребляются в узальных значениях, в некоторых случаях окрашиваемых образностью, но без изменения основного понятийного содержания, при переносе.

Рассмотрим другие примеры номинативных единиц, в рождении которых участвуют слова, предоставленные лексикой как разделом грамматики номинации:

1) *чернильница* (Исаакиевский собор); *линейка* ('плохой нож'); *глухарь* ('нераскрытое дело'); *шпиономания* ('разоблачение, поощряемое высокими денежными вознаграждениями, сотрудников, посланных из конкурирующих компаний для выведывания коммерческих и иных тайн');

2) *узист* ('врач, делающий УЗИ'); *аудиовизиография*; *монитористы* ('те,

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОТКРЫТАЯ СИСТЕМА

Одним из основополагающих подходов к дискурсивному исследованию текста является металингвистика М. Бахтина. Выделяя два полюса текста – языковой и личностный, – М. Бахтин предложил его интегративный анализ. На языковом полюсе текст представляет собой системное образование, структуру, анализируемую как единство формы, содержания и функции. На личностном полюсе текст обретает автора и читателя, помещается в реальную ситуацию общения и анализируется как дискурсивный процесс его порождения, имеющего диалогическую природу.

Методологическое значение металингвистики М. Бахтина заключается в утверждении принципа отношения (диалога) в исследовании текста, что предполагает перенесение в фокус анализа явлений речевого взаимодействия (реальный поток высказываний), а также новую языковую стратегию (взаимодействие «голосов»). Дискурс Бахтина – это «открытая целостность», исследуется не конкретный объект, а процесс, переплетения отношений, в котором общий, знаковый смысл неотделим от коммуникативного контекста, социального взаимодействия и отношения к специфическим идеологическим ценностям и ориентациям. Рассматривается один и тот же объект во всей его сложности, но в разных аспектах, и в этом состоит основа метода Бахтина.

Металингвистическое понимание текста, предполагающее его рассмотрение в интерсубъективном контексте, получило развитие в теории интертекста. Ю. Кристева назвала интертекстуальностью ту диалогическую особенность текста, которая заключается в его связи с пре-текстами и послетекстами, в его разомкнутости, его помещенности в интерсубъективном пространстве, его «вписанности» в социокультурный контекст. Словом – в его принципиальной открытости. У. Эко, характеризуя «открытое произведение» в искусстве, подчеркивает бесконечность его аспектов, которые представляют собой не части или фрагменты произведения, а возможности иной перспективы его рассмотрения, т. е. каждый аспект включает не часть, а все произведение, раскрывает его с новой стороны. Поэтому каждое новое прочтение, исполнение, интерпретация заложено и в самом произведении, и в индивидуальности исполнителя, интерпретатора, читателя. Множественность интерпретаций, их практическая бесконечность поддерживается их взаимодействием, диалогом, который помогает прояснить подходы и точки зрения при условии, что каждая точка зрения раскрывает произведение в его целостности, т.е. текст воспринимается в его личностном аспекте. Аналогичным образом один аспект произведения может раскрыть все произведение в новом свете при условии допущения другой точки зрения, способной охватить его во всей его жизненности.

Так создается «открытая» ситуация в творчестве, искусстве – ситуация процесса, ситуация «в развитии», когда любое произведение рассматривается

кто сидит за мониторами'); *танатотерапия* ('лечение смертью'); *трансфер-агент*; *спамер* ('распространитель спама'); *шаурмен* ('тот, кто готовит восточное блюдо шаурму'); *неоевропейцы*; *заразоружение* ('бактереологическая война'); *остальгия* (от ностальгия – 'ностальгия по Восточной Германии'); *де-суверенизация*; *супервирус*; *киберпопрошайки*; *мегасобытие*; *фотоомоложение*, *фотостарение*; *нанореволюция*, *нанотехнологии*; *однополярный, полиполярный, однополюсный, многополюсный* (мир); *гей-венчанье, той-бизнес*;

3) *силат* ('вид единоборства на о. Суматра'); *свинг* ('актер, способный заменить любого занятого в спектакле артиста'); *маравути / мараути* ('австралийский орел'); голдигер ('девушка, которая охотится за богатыми иностранцами');

4) *мобильное общение, мобильная этика, правила мобильного этикета, мобильная хартия, зона мобильного покрытия; энергетическое поле человека, энергоинформационное поле, биологическое поле; электронный мозг, электромагнитный мозг, городской мозг, промышленный мозг; полимерные имплантаты, биологические имплантаты; фронт порядка, фронт здоровых сил* (о США), *освободительная война, профилактическая война, новый европейский театр, физический театр* ('театр, в котором актеры используют в качестве основного средства выразительности не язык, а движения, и главной его целью является обогатить зрителей не мыслями, а эмоциями').

Общий взгляд на подключение слов в синхронную динамику НД, в частности в весьма активизировавшееся фразообразование, показывает, что лексика участвует в номинации в качестве средств, а также со своими моделями пополнения номинативных ресурсов языка в семантической деривации (метафоризации, метонимизации), заимствовании.

Таким образом, лексика входит в грамматику номинации, предоставляя главным образом языковой материал, т.е. средства для НД. В меньшей степени она прописывает процессуальную сторону НД, снабжая ее моделями (способами).

Словообразование как раздел грамматики номинации содержит, кроме разных словообразовательных средств (морфемы, среди них аффиксы, морфонологические средства и др.), способы, типы (модели) словопроизводства, отличающиеся большим разнообразием и обеспечивающие активность словообразования как номинативного процесса. Производные слова как номинативные единицы имеют номинативные значения с ономаσιологической структурой, в которой как в кадре фиксируется акт образования. Словообразование обеспечивает номинацию и материально средствами и процессуально моделями деятельности.

Собственно грамматика номинации состоит из тех же разделов, что и грамматика коммуникации: это морфология и синтаксис. Они задают правила и грамматические модели оформления процессов синтаксического синтеза, для реализации которых требуется поддержка лексики, предоставляющей языковой материал.

щем. Это произведение объективирует примету китайской народной песни. При исполнении должно быть свободное дыхание, но в то же время надо уметь управлять тем, чтобы звук мог быть и сильным, и слабым.

Рассмотрим стихотворение Бо Цзюйи «Цветок не цветок» [Здесь и далее с указанием номера страницы: «Китайская классическая поэзия» 2005, с. 26].

Бо Цзюйи – поэт династии Тан, которого часто называют *Сянишань цзюйиши*. Он родился в городе Чжэнчжоу (провинция Хэнань). Его стихотворения отличаются простыми словами, доступным смыслом.

Это стихотворение начинается со слов «Цветок не цветок, // Туман не туман...» [с. 26], что вызывает смутное чувство, перечисляются отрицательные предложения, придающие неопределенность стихотворению. Но при помощи этих двух метафор приобретает очевидный смысл. Ведь на самом деле это цветок, и это туман.

«В полночь пришла, // Исчезла с рассветом» [с.26] – так поэт говорит о сне. Сон – это метафора. Слова *пришла* и *исчезла* имеют связь с чувствами и звуками.

Названное стихотворение состоит из цикла метафор. Они объединяются в одну метафору, что превращает произведение в сложную загадку. Смысл стихотворения заключается в туманном образе цветка. Поэт пишет о своих воспоминаниях о прекрасном, которое пришло и, к сожалению, ушло.

В рассматриваемом стихотворении используется форма народной песни, но в то же время выражается красота разного ритма. Когда поешь эту песню, надо обращать внимание на неосознанные чувства в душе, мысленно надо представлять картины. Нужно обратить внимание на чувство линейности и одновременный перешаг мелодии. Дыхание у исполнителя должно быть свободным, но в то же время надо уметь управлять силой звука. И тогда мы сможем насладиться чудной поэзией Бо Цзюйи.

На примере двух проанализированных произведений известных китайских поэтов можно проследить концептуализацию вокального искусства, поскольку эти произведения соотносятся с темой пения и содержательно – на глубинном семантическом уровне, и функционально – они предназначены для исполнения на сцене. Это искусство предстает перед реципиентами как тесно взаимосвязанное с поэзией, как выражающее этнокультурные традиции. С точки зрения формы, китайское вокальное искусство характеризуется лаконизмом, иносказательностью, часто проявляющейся в обилии метафор, а с точки зрения содержания – объективацией своеобразными средствами богатого внутреннего мира поэта, констатацией имплицитной связи человека и природного мира, экспликацией семантических оттенков печали и изысканности. Таким образом, в музыкально-поэтических произведениях китайских авторов вокальное искусство концептуализируется как искусство, имеющее ярко выраженные национальные особенности.

Морфология и синтаксис обладают ограниченными средствами. Это словосочетания, которые могут распространяться (способ НД – распространение), усекаются (способ – усечение), трансформироваться посредством замены какого-то их компонента (способ – субституция) или наложения друг на друга (способ – контаминация). Например: *первоначальный материнский капитал* (от *первоначальный капитал*); *до и после* (от *до и после полуночи*), *страсти по русскому языку* (от *страсти по Вагнеру*); *психологическое насилие*.

Незначительные материальные ресурсы и богатство процессуальных образцов – характерная черта собственно грамматик. При этом функциональный заряд форм слов и систем словоизменения и формообразования, а также моделей и типов словосочетаний и предложений, текстов обеспечивают речеобразование – полностью КД и частично НД при образовании высказываний и текстов в КД, неоднословных номинативных единиц в виде словосочетаний, предложений и текстов в НД.

Как номинативные единицы номинации-предложения и номинации-тексты функционально идентичны другим продуктам НД – переносным значениям, фразеологизмам, производным словам, номинациям-словосочетаниям. Другим признаком, объединяющим однословные и неоднословные номинации, является опорное слово. Так, номинативный потенциал слова *совесть* реализуется при создании: а) фразеологизмов с использованием способа фразеобразования: *на совесть, на совести, свобода совести, сделка с совестью, без зазрения совести, для очистки совести, не за страх, а за совесть* и т.д.; б) производных слов путем использования разных способов словообразования: *совестливый, бессовестный, совесть, добросовестный*; в) неоднословных номинативных единиц в виде словосочетаний и предложений посредством фразеобразования (*совесть народа, совесть эпохи* и др.; *Совесть – моральный светильник, освещающий путь*. Гегель).

Номинативный потенциал опорного слова *совесть* реализуется путем неоднократного использования способов фразеобразования, словообразования, фразеобразования.

Динамичность развития современного русского языка зависит от степени номинативной активности его носителей, которая стимулируется быстро меняющимся миром и отражает культурные, духовные и мировоззренческие трансформации.

Л.Т. Килевая (Алматы)

РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК В ЕДИНОМ СЛАВЯНСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ

Принятие христианства славянским миром активизирует распространение и развитие письменной культуры славян и, как следствие, литературных языков. Это в полной мере относится к русскому литературному языку, формирующемуся в контексте славянской культуры и славянского мировидения.

В статье исследуется влияние идеологического, философского, когнитивного, ментального, символического, религиозного, социального, прагматического факторов на формирование русского литературного языка. Он представлен на фоне славянского ментального пространства как его парадигмальная составляющая. Особо актуализируются параметры, проецирующие утверждение речевых образований в русской языковой системе, которые, употребляясь в письменных памятниках, способствуют трансформации узуса в норму. Действенность указанных параметров в едином славянском пространстве определяет типичные и самоидентифицирующие компоненты русского литературного языка в его исторической перспективе.

Выделенные нами этапы исторической перспективы сводятся к следующему: I этап: сер. X – к. XIII в.; II этап: XIV-XVII вв.; III этап: XVII-XIX вв.

I этап. 1) Идеологический параметр проявляется в общественно-политическом устройстве государств, на территории которых функционируют заявленные языки, и в языковых ситуациях, в которые они включены.

2) Философский параметр данного периода характеризуется единой философией номинализма, что схематизируется на основе применения семантического треугольника.

Номинализм – установка народного сознания, согласно которой в центре внимания находится вещь в её цельности, из неё исходят, а потому соотношение «слова» и «идеи» (знака и значения) требует подчинять согласованию не отдельных признаков вещи, а целостности вещей; при этом важно то, что объединяет совокупности признаков вещи в вещь, а совокупности многих вещей в общее целое – мир. В практической деятельности для номиналистов важен опыт, практика, действие, что способствует появлению в лексической системе слов со значением действия и дальнейшему совершенствованию грамматической категории глагола и ее парадигмальных параметров. В данный период это происходит в пределах славянских языковых систем и проецирует на обыденное языковое сознание. Метаязыковое сознание на этом этапе развития славянских языков не обозначено в силу научной несмысленности состояния языковых систем.

3) Когнитивный параметр воплощен в эквиполентность (равнозначность) двойцы как позиции познания мира.

4) Ментальный аспект сводится к метанимизации мышления и овладению ценностями христианской культуры в двух ипостасях: Sl. Latina – польский язык; Sl. Orthodoxa – восточнославянские языки, болгарский язык.

5) Символ Софии как премудрости Божией, во славу которой строятся храмы во всех княжеских городах, выводится из символического аспекта анализа.

6) Религиозный параметр характеризуется дуализмом веры, заключающимся в сосуществовании язычества и христианства в разных проявлениях последнего по отношению к разным славянским группам.

ориентация поэта на уже имеющиеся поэтические образцы) и *ситуативность* (зависимость содержания произведения, образа его лирического героя и всех деталей поэтического мира от социальной роли, в которой выступал поэт в данный момент), китайская поэзия отчетливо распадается на серию самостоятельных тематических направлений и групп...» [Кравцова М. Е. 2003, с.329], «В целом китайской поэзии присущи лаконизм (чему способствует специфика китайской иероглифической письменности), строгий отбор лексики, прием иносказания, соблюдение рифмы и ритма» [Фэн Линъюй, Ши Вэйминь 2001, с.118].

Стихотворение Ли Бо «У Башни Желтого журавля провожаю Мэн ХаоЖаня в Гуанлин» [«Чуский безумец», Ли Бо 2008, с.77] было написано представителем династии Тан Ли Бо, который известен как *Цинлянь цзюйши*. Ли Бо родился в городе Цзянью (провинция Сычуань). В указанном стихотворении отражается чувство разлуки, возникшее между двумя поэтами. Описывается прощание двух поэтов. Они расстались среди оживленных районов города Янчжоу. В этом стихотворении поэт мечтает о встрече с другом, поэтому его можно назвать романтическим. Друг Ли Бо – Мэн Хаожань – известный поэт, который был старше его более, чем на десять лет. Друг произвел на рассматриваемого поэта огромное впечатление. Ли Бо восхищался поэзией Мэн Хаожаня, который невероятно красиво описывал те места, где он жил. Ли Бо поклонялся ему.

И вот наступает час разлуки. Мэн Хаожань отправляется в путешествие. Но в душе поэта нет ничего грустного и неприятного. Наоборот, он очень рад за друга. Ли Бо считает, что это путешествие будет веселым.

В первой строчке поэт хорошо отражает смысл всего предложения. Он рассказывает об известном во всем мире здании Хуан Хэ, где два поэта часто встречались. Есть легенда, которая повествует о том, что в Хуан Хэ живут феи, которые летают на небо. Именно с этой легендой сравнивает Ли Бо отъезд своего друга. Эта фантазия поэта придает стихотворению веселую и романтическую атмосферу.

Вторая строчка начинается со слов «Уходит старый друг сквозь дымку лепестков...» [там же]. В ней автор изображает чудесный пейзаж оживленных районов во время поздней весны.

Третья и четвертая строчки, в которых также описывается пейзаж, имеют романтическую деталь. Поэт провожает друга в лодку. Лодка уже уплыла, но поэт продолжает смотреть вдаль, и замечает, что река и небо сливаются вместе, в одно целое. Так и друзья – единое целое. Глубокое чувство поэта Ли Бо к другу сопоставляется с бесконечностью реки: «В лазури сирий парус тает белым клином, // И лишь Река стремится за кромку облаков» [там же].

В общем, создана романтическая картина. Читателям очень понравилось это стихотворение, и они положили его на музыку. И теперь при помощи этой песни показывается богатая душа поэта и его уверенность в буду-

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ВОКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

Каждое стихотворное произведение имеет свою судьбу. А если оно положено на музыку, то, в определенной степени, оно имеет две судьбы, отражающие связь поэзии и музыки: «История взаимоотношений поэзии и музыки в русской культуре дает множество самых разнообразных примеров того, как по-разному складывались судьбы стихотворений, имевших двойное – поэтическое и музыкальное – "подданство"» [Кац Б. 1983, с.6]. «Музыкальная» судьба становится равноценной «поэтической» тогда, когда музыкальное произведение написано на высоком уровне: «Сложны отношения двух жизней поэзии, но очевидно, что сами эти отношения возникают только тогда, когда «поющий двойник» стихотворения обладает собственно музыкальной ценностью и становится фактом бытия музыки. Только в этом случае между поэтическим оригиналом и его музыкальной моделью возникают отношения гармонического согласия или полемической напряженности, только тогда музыкальное воплощение стиха становится его подлинным инобытием и бросает тот или иной отсвет на первоисточник» [Кац Б. 1983, с.9–10].

Стихотворение, положенное на музыку, – особое художественное произведение. Музыкальная и поэтическая образность, сливаясь и взаимодействуя, усиливают и поддерживают друг друга: «Сливаясь, слово и музыка обогащают друг друга. Слово, текст делает музыку более определенной, конкретной по смыслу. Музыка, мелодия усиливает эмоциональную сторону текста» [Ручьевская Е. А. 1960, с.5].

В данной работе рассматриваются стихи китайских поэтов, положенные на музыку. Авторами проводится комплексный анализ этих произведений, объединяющий филологический и музыковедческий подходы. Подобная интеграция различных научных дисциплин дает возможность увидеть художественное произведение как феномен «словесного искусства» [Сырица Г. С. 2005, с.5], в котором «... слово играет, светится и поет, живет полноценной и прекрасной жизнью» [там же].

Китайская духовная культура – явление поистине уникальное: «Вряд ли была какая-либо другая духовная культура, в которой находились бы в таком трудно расчленимом органическом единстве ее отдельные элементы – мораль, политика, искусство, философия, литература, наука, так как в китайской духовной культуре, формировавшейся в глубокой древности» [Ганчев П. 2006, с.84]. Поэзия занимает достойное место в этой культуре и имеет свои особенности: «Поэтическое наследие древнего и традиционного Китая представлено огромным количеством произведений. Только для танской эпохи называется более 2000 имен литераторов. Тем не менее, в силу таких ее типологических свойств, как *традиционность* (постоянная и осознанная

7) Социальный аспект анализа свидетельствует о том, что мужчина/женщина равноправны, так как двоица эквиполентна. В русской культуре это выразилось в двоичности сакрального: святые «Борис-Глеб»; столицы «Киев-Новгород Великий».

8) Прагматический параметр выражен в «идеологии умолчания» и «психологии незамечания», невоплощении в слове того, что нарушает гармонию мира: нет слова, нет и дела, которое данное слово воплощает. Манипулирование сознанием в период татаро-монгольского нашествия на Русь формировало у древнего русича позицию «за грехи наши», что способствовало утверждению перфекта в глагольной системе русского литературного языка и семантики возможных миров как основы становления сослагательного наклонения.

9) Проявление в языковой системе на фонетическом уровне: А. утрата носовых гласных; Б. Падение редуцированных ь, ы.

Едиными в целом для славянских языковых систем оказались проявившиеся в том числе и в системе русского языка следствия утраты редуцированных.

На грамматическом уровне происходит: А. Унификация типов склонения существительных; Б. Развитие категории одушевленности/неодушевленности; В. Становление категории вида как чисто славянской грамматической категории было предопределено элементами славянской ментальности, специфика которой обусловливает восприятие и оценку вещи в народном сознании в ее целостности (философский аспект) и проецирует качество как духовную составляющую всего славянства. Это проявляется, в частности, в замедлении формирования количественного класса слов – категории числительного и в противоположность – в активном развитии имени прилагательного в русском языке; Г. Морфологизация форм настоящего времени глагола.

10) Вышеотмеченные явления проявляются в письменных памятниках.

11) Норма находится на стадии формирования применительно ко всем из заданных славянских языков.

II этап 1) Идеологический аспект определяется вхождением территорий функционирования заданных языков в следующие зоны: русский, украинский, белорусский, польский и болгарский языки.

2) Философский аспект. Основное направление в мышлении славян – реализм, репрезентирующий взгляд на окружающую действительность в рамках семантического треугольника как на признаки вещи (по Колесову). «Мы познаём только признаки», – утверждает А.А. Потебня. Только они позволяют выделить как сходство вещей, так и различия между ними. Реалисты (рационалисты) исходят из «слова» (логоса, разума), видя в нём самую суть связей, существующих между «вещью» и «идеией». Идея для реалиста также существенна, как и сама вещь, а дух и духовность так же значимы, как и тело (дело) [Колесов 2005, с. 13].

3) Когнитивный аспект. Система взглядов на мир определяется как градуальная (признается иерархия по степени значимости признаков). Она обуславливает ментальность носителя языка.

4) Ментальный аспект. Специфическим для данного периода является метафоричность мышления – свободное оперирование всеми признаками, извлечёнными сознанием из цельности вещей по их сходству.

5) Символом данного периода является Троица. Расхождение в конфессиях Sl. Orhtodoxa и Sl. Latina связано с филиокве – верованием о появлении Святого Духа как от Отца, так и от Сына, что искажает главную идею христианства. Это учение предполагает, что Святой Дух ниже Отца и Сына. Но, помимо Святого Духа, тварь не может быть обожествлена, поэтому принижение Святого Духа ведёт к принижению Христа и к идее о том, что эмпирическое существование не может быть обожествлено или стать абсолютном. Таким образом, познание признаётся ограниченным. Если человек допускает слабость святого разума, ему необходима земная церковь. Такая позиция обуславливает земную организацию религиозных проявлений во главе с Папой Римским, наделённым и светской властью [Мечковская 1998, с. 244-245].

6) Религиозный аспект. «Монашествующее» христианство, раскол в русской церкви, аскетизм, подвижничество, с одной стороны; повышение уровня «святости», с другой стороны. В русском литературном языке обозначается нравственный оттенок, проявившийся, в частности, в сочинениях Нила Сорского.

7) Социальный аспект анализа выявляет свойственную данному периоду градуальность, проявлением которой явилось приниженное положение женщины в оппозиции 'мужчина-женщина', о чем свидетельствует, в частности, текст Домостроя.

8) Прагматический параметр данной эпохи выражается, согласно В.В. Колесову, в монологе избранных [Колесов 2005, с.14]. Уничтожение авторского «я» преобразовывается в русской литературе в актуализацию личностного начала.

9) Отмеченные параметры способствуют существенным преобразованиям в языковых системах.

10) Отраженные параметры проявились в письменных памятниках.

III этап. 1) Идеологический аспект.

2-8) Философский аспект проявляется в концептуализме (оформление термина «понятие»); когнитивный – в актуализации привативной оппозиции; ментальный – в устойчивости ментальных образов, способствующих становлению абстрактного мышления; прагматический – в диалогичности; символический – в образе Орла, причем применительно к русской культуре – это чужеродный орёл, символизирующий исчезновение этнической чистоты славянских народов под напором исторических событий и социальных преобразований (смутное время, Петровская эпоха); религиозный – в 2-х конфессиях; социальный – в маркированности оппозиции 'мужское/женское'

ўдакладняеш гэты свой верш з тым самым узорам, скажам так, архетыпам, які даў табе гэты водгук» (курсіў тут і далей мой. – Е. Л.); «Думка ідзе ўслед за жыццём, жыццё – услед за думкай, але гэта рух не па крузе, гэта рух усім кругам – у новую якасць, у новае вымярэнне».

Нарэшце, многія ўласна паэтычныя творы А. Разанава месцяцца у сабе радкі, што – у святле нашай тэмы – маглі б быць выкарыстаны ў якасці эпиграфа да разважанняў пра канцэпт; у прыватнасці, такія: «Аркуш паперы – / аркуш жыцця: / *забіраецца час, / збіраюцца знакі*». Па вялікім рахунку, канцэпт і ёсць гэтакім «збіраннем знакаў».

У разгалінаванай сістэме канцэптаў, што знайшлі ўвасабленне ў паэзіі А. Разанава, адным з базавых, ключавых і стрыжнявых з'яўляецца, у прыватнасці, канцэпт *гліна*. Яшчэ ў «Паэме калодзежа», амаль за дваццаць гадоў да паяўлення паэмы «Гліна», вуснамі Дзядала паэт прамаўляе: «Далі багі мне ўменне дарагое / з драўніны... гліны... каменя ствараць / усё, што ні задумаю...» (А. Разанаў. Каб мелі шчасце ўваскрасаць і лётаць: Паэмы. Мінск, 2006. с. 16). Неаднойчы сустрэнецца гэты вобраз-матыў і ў іншых творах А. Разанава – да прыкладу, у паэмах «Камень» і «Жалеза», у якіх гліна паўстае неадменным складнікам трыяды «гліна – жалеза – камень». Гучыць ён і ў адным з твораў старажытнай літаратуры, што склалі «Кнігу ўзнаўленняў» А. Разанава, – у паэме Кірылы Транквіліёна-Стаўравецкага «Нішто, удыхнутае ў абалонку»: «...прыводзь на розум / словы апостала, што сказаў: / калі гліняная хата / нашага цела разбурыцца, / маем у небе / палац незраўнаны, / які не людскою рукою, / а Боскаю збудаваны» (с. 95).

Менавіта з гэтымі радкамі найчасцей карэлююць рознажанравыя творы А. Разанава, цэнтральным і загалюным вобразам якіх з'яўляецца канцэпт *гліна*: паэма «Гліна», вершак «Гліна», пункцір «Якая прагна гліна!», версэты «Гліняныя чалавечкі» і «Чырвоная гліна». У большасці гэтых твораў, а тым больш у іх сукупнасці канцэпт *гліна* ўяўляе сабой сінтэз роўнавялікіх зместаў і сэнсаў; аднак зыходнай кропкай для паэта з'яўляецца, бясспрэчна, біблейскі міф аб стварэнні чалавека. Паказальна, што і большасць міфаў розных народаў звязвае паходжанне чалавека з глінай. І ўсё ж метапраблематыка твораў А. Разанава з кампанентам «гліна» завешчана менавіта Бібліяй, сугучна Кнізе кніг паэт разумее стварэнне чалавека як аддзяленне жывога ад нежывога, як адухаўленне. Але, захоўваючы энергетыку і ідэю міфалагемы як першапачатку, паэт далаўняе яе новымі аспектамі, у выніку чаго вобраз гліны набывае незвычайную сэнсавую канцэнтрацыю.

ўмоўным фактарам культурнага жыцця і фактарам свядомасці, яна мусіць знаходзіцца не толькі т а м, але і т у т, не толькі ў "гарызантальным" пласце сваёй гістарычнай эпохі, але і ў вертыкалі пастаяннага дыялогу з наступнымі пакаленнямі» (с.178).

Перадусім у канцэптуальнай іпастасі адбываецца, на думку А. Разанава, сталенне творцы: яно сведчыцца праз злуку асабовага і ўсёчалавечага, адзінкавага і касмічнага, часовага і пазачасовага, часовага і вечнага, новага і міфалагічнага, таго, што паўстае з «радовішчаў чалавечай існасці» (с. 185). Але ж і канцэпт ёсць своеасаблівым цэнтрам, у якім да ўжо знанага далучаюцца новыя зместы, «наддзённае» ўдакладняецца «надзённым», «Голас» прырастае «Рэхам», тое, што ў пэўны момант успрымалася як «вестка і навіна», набывае якасць усталяванага, становіцца вяхой на «цэнтральным шляху, які выводзіць да самога чалавека, сусвету, жыцця» (с.191).

«У кожным слове жыве дух усёй мовы» (с.200); гэтак і ў канцэпце жыве ўсё набытае прадметам, рэччу, з'явай, мастацкім творам на шляхах іх існавання-вандравання ў часе і прасторы, праз канцэптуальную істотнасць даўняе асвойтваецца ў новым часе, а новы час і новы чалавек пазнаюць сябе ў пракаветным, гукаюць яго і самі яму адгукаюцца, шукаюць і знаходзяць у ім духоўнае апірышча. У мастацтве вобраз-канцэпт валодае «ўсёйнасцю, усюднасцю» (с.203), не задавальняючыся ні папярэднасцю, ні цяперашнасцю, ні прамінулым, ні будучым, адно прагнуць іх з'яднання, цэласнасці, адпрэчваючы якую б то ні было канчатковасць і зацвярдзеласць. «Як жывая істота сваім біяполем, мастацтва апяразвае сябе канцэпцыяй сябе... Усялякая канцэпцыя плённая датуль, пакуль яна здатная рухацца і змяняцца» (с. 206).

Невыпадкова А. Разанаву надзвычай блізкае Купалава вызначэнне паэта: «Як вечнасць, молад быў і стар...» (с.227); у паэце, паводле А. Разанава, «супадаюць краі, пераўзыходзяцца падзелы», бо «толькі молад – ён жыве ўпершыню, толькі стар – ён ужо пражыты...» (с.227). Па сутнасці, тут выкладзены змест канцэпта «паэт», але, калі ўдумацца, і змест канцэпта як такога. Гэтаксама прачытваюцца і многія іншыя філасафемы (зномы). Паэт – «пункт адліку, быцця, пункт супадзення скрыжавання і раздарожжа. У які бок ён ні пайшоў бы, ён траціць паўнату свайго прызначэння, свайго унікальнага становішча. Яго шлях... у вышыню сусвету, у глыбіню сваёй сутнасці» (с.232). «Свет з'явы абмежаваны, свет думкі бязмежны, і чым больш паглыбляецца думка ў сутнасць той або іншай з'явы, тым больш вынікае з яе, пераадольваючы тое, што яна мае і чым яна ёсць» (с. 257).

У інтэрв'ю штотыднёвіку «Літаратура і мастацтва» (13.10.1995) таксама знаходзім вытлумачэнне канцэпта – не па вызначэнні, але па значэнні, па сутнасці апошняга: «...каб пачаць пісаць верш, трэба ўжо каб была нейкая нота, водгук, імкненне. Калі гэтага няма, то значыць, няма той матэрыі, з якой можна працаваць. Але калі ты злавіў слова, атрымаў водгук з прасторы – ты ўжо ў межах пэўнага жанру. Ты *творыш верш, але пастаянна*

(нивелирование этой маркированности в русском литературном языке происходит на фоне дифференциации лично-мужской и вещно-женской форм в польском языке) и по социальной принадлежности (социальное проявление в польском языке обнаруживается в системе 1 склонения мн.ч. – существительных в окончаниях -у, -owie).

9) Языковая система русского языка оформляется в своей завершенности.

10) Памятники письменности русской культуры развиваются в единстве тематики и идейной направленности всей славистики, воплощенной в творчестве писателей.

11) Благодаря устойчивости элементов языковой системы норма преобразует язык русской художественной литературы в русский литературный язык, способствующий развитию метаязыкового сознания и формированию русской языковой личности.

Таким образом, становление и самоидентификация русского литературного языка происходит на фоне единого славянского пространства, вобравшего в себя спектр факторов, действенность которых обеспечивала его самобытность.

О. И. Литвинникова (Елец)

НЕОФИЦИАЛЬНЫЕ НОМИНАЦИИ ПЕРВЫХ ЛИЦ ГОСУДАРСТВА В СМИ СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЫ

Взаимосвязь и взаимозависимость языка и народа, его национального сознания волнуют лингвистов на протяжении двух последних столетий. Извечной для исследователей является и проблема «Язык и время». Язык живёт во времени (имеется в виду не абстрактное время, а общество определённой эпохи), но и время отражается в языке.

Начало XXI века ознаменовано активизацией процессов неологизации русского языка, которая вызвана к жизни новой политической реальностью на всём постсоветском пространстве, не стала исключением и Украина.

Из всех неофициальных номинаций представителей политического бомонда Украины в рамках регламента доклада покажем названные «имена» первых лиц государства (президента В.А. Ющенко и премьер-министра Ю.В. Тимошенко), «живущие» на газетной полосе современной Украины, с выявлением и описанием языковых механизмов создания единиц, актуальных для современной лингвистики, являющих собой одну из составляющих семантического поля 'человек' – базового в языковой картине мира.

Фактический материал для наблюдений извлечён из еженедельника «2000» (декабрь 2007 – февраль 2008 гг.) (гл. редактор Сергей Кичигин) и «Рабочей газеты» (в дальнейшем – РГ) (январь, февраль 2008 г.) – всеукраинского ежедневного издания (гл. редактор Анатолий Криволапов). Использо-

ваны, кроме того, записи живой речи (интервью политиков, их выступления по радио и телевидению, моно- и диалогическая речь так называемого электората).

В наших материалах «портрет» оценочных названий президента Украины составляют преимущественно аналитические (несколькословные) единицы языка, конкретизация компонентов которых происходит за счёт пре- и постпозитивных определений. Сами конкретизаторы, как правило, метафоричны, обладают оценочностью, идеологизированностью, коннотацией: *газоплюбивый почётный председатель «Нашей Украины»* («2000», № 8, 2008, А 3), *«конституционный баламут»* («2000», № 8, 2008, Е 7), *достойный сын украинского народа* («2000», № 8, 2008, Е 7), *оранжевый диктатор* (РГ, № 16, 2008, 1 с.), *главный украинский гетман и пасечник* (РГ, № 15, 2008, 1 с.), *местный «король»* («2000», № 31, 2007, С 7), *«всезнайка» президент* («2000», № 33, 2007, В 5), *гарант Конституции* (РГ, № 19, 2008, 1 с.), *г-н гарант* (РГ, № 37, 2008, 1 с.) и др. Однословные неофициальные «имена» президента Украины единичны: *гарант* (РГ, № 37, 2008, 1 с.), *король* (без кавычек) (РГ, № 19, 2008, 3 с.), *«царь»* (РГ, № 40, 2008, 1 с.), *«царь-батюшка»* («2000», № 4, 2008, F 2) и др.

Совокупность оценочных названий премьер-министра Украины – целая система с высоким выразительным потенциалом широко используемым в СМИ современной Украины: *оранжевая (помаранчевая) принцесса, девушка без адреса, нострадама, Юля, Юля – «наше всё», Ю, непотопляемая популистка, изолгавшаяся леди, «спасительница нации», ЮВТ, премьера, леди Ю, девушка городских окраин, принцесса Майдана, прем'єрка (укр.), леди-премьер, газовая леди, наша газовая леди, бывшая газовая принцесса, наша Юля, примадонна Кабмина, «дама с косой», принцесса с большой ложкой, «Юля серебряная пуля», железная крыса, Юлия Манило* и пр.

«Совместные» наименования президента и премьер-министра, единичные в газетных публикациях января-февраля 2008 года: *приватизаторы-рейдеры* (РГ, № 15, 2008, 2 с.) и устойчивый словесный комплекс *заклятые друзья*, созданный в результате контаминации фразеологизмов *закадычный друг и заклятый враг*, пополнились рядом неоднословных наименований украинских вождей: *главные первачи* (РГ, № 99, 2008, 1 с.), *наши «водители по пустыне»* (РГ, № 103, 2008, 1 с.), *наши банановые правители»* (РГ, № 103, 2008, 1 с.) (июнь 2008). Ср. в тексте: *Хотя зелёный конь с железной крысой вполне мирно ужились в теме НАТО (натовские оказались и конь и крыса), но в целом отношения, конечно, не складываются. Зелёный конь – это Ющенко, а железная крыса – Тимошенко. Астрологи заявляют об их абсолютной несовместимости. Знаками не вышли для совместной работы* («2000», № 7, 2008, А 8).

«Пальма первенства» по части неофициальных наименований у Ю.В. Тимошенко.

КАНЦЭПТ У МАСТАЦКАЙ СІСТЭМЕ АЛЕСЯ РАЗАНАВА

У канцэптуальным аналізе, на мой погляд, маюць патрэбу літаратурныя творы перадусім філасофскага кшталту, да якіх, бяспрэчна, адносіцца ўсё напісанае беларускім паэтам Алесем Разанавым. Па сутнасці, гэта нават не філасофская паэзія, а паэтычная філасофія, пра што мне неаднойчы даводзілася гаварыць. Філасофская ж насычанасць, сканцэнтраваная духоўнасць праяўляюцца ў творы менавіта праз канцэпты. Катэгорыі шматмерныя і шматзначныя, яны знаходзяць мастацкую рэалізацыю ў двух асноўных плоскасных зрэзах – вертыкальным (дыяхронным) і гарызантальным (сінхронным). Іначай кажучы, канцэпт нясе ў сабе першасныя (рэальныя) прыкметы вобраза і другасныя (базавыя, архетыповыя); у сукупнасці сваёй яны і складаюць так званы дыяхронны зрэз. Аднак у кожным мастацкім тэксце вобразы, што ўдзельнічаюць у стварэнні канцэптуальнай карціны свету, набываюць яшчэ і прыкметы канкрэтна-гістарычныя, канкрэтна-нацыянальныя і, нарэшце, канкрэтна-асобасныя, суб'ектыўныя – зрэз сінхронны. Такім чынам, канцэпт – гэта складаны комплекс сэнсаў, пэўным спосабам структураваная сістэма універсальных і індывідуальных значэнняў, якая дазваляе адэкватна спасцігнуць логіку аўтарскай задумы ці хаця б наблізіцца да яе, убачыць свет вачыма пісьменніка і як непаўторна-унікальнай асобы, і як прадстаўніка сваёй нацыі і сваёй краіны, і як чалавека універсальнага, носбіта прапаяці, прагісторыі, пракультуры. У рэшце рэшт, гэта мадэль цэласнага ўспрымання рэчаіснасці – як адвечнай, сённяшняй і вечнай, і кожны сапраўдны мастак слова прыўносіць у яе разуменне новыя сутнасці, дапаўняе імі ўстойлівы змест славеснага вобраза.

Паказальна, што канцэптуальны падыход да асэнсавання рэчаіснасці ва ўсёй яе шматстайнасці, па сутнасці, дэкларуе сам А. Разанаў, прычым свядома і настойліва. Глыбокае пранікненне ў таемствы свету бачыцца яму як працэс спасціжэння чалавекам існага, таго, што ад чалавека ўжо адпала, адасобілася, адпластавалася і не толькі яму належыць. Таму, паводле аднаго са зномаў паэта, змешчаных у яго кнізе «Паляванні ў райскай даліне» (Мінск, 1995), і «творчы рост – гэта не рост асабовасці, а рост неасабовасці» (с.176. Далей цытуецца гэтае ж выданне. – Е. Л.).

Больш таго, А. Разанаў актуалізуе ў сваіх разважаннях нават некаторыя паняцці, што шырока выкарыстоўваюцца ў тэорыі канцэпта, – гарызантальны пласт, вертыкаль, вектар і інш. З вышэйпрыведзеным вызначэннем канцэпта самым непасрэдным чынам карэспандуе, напрыклад, асэнсаванне паэтам традыцыі, спадчыны. Толькі праз пасрэдніцтва канцэптаў традыцыя здзяйсняецца як дыялог – «не толькі дыялог таго, што ёсць, і таго, што было, але і таго, што будзе (разрадка тут і далей аўтара. – Е. Л.)» (с.177). Тое ж самае датычыцца і спадчыны: «Для таго каб яна стала рэальным, а не

У Е. Евтушенко в стихотворении, посвящённом С. Есенину, находим соединение отношений сближения диалогизирующих смыслов и их контрастивной оппозиции в пределах единого образного контекста: *...любой из нас хоть чуточку Есенин. / И я Есенин, / но совсем иной. / В колхозе от рожденья конь мой розовый. / Я, как Россия, более стальной / и, как Россия, менее берёзовый.* Посредством контрастирующих метафор часто выражается реакция поэтов на автометафоры их собратьев по перу. Ср. известный отклик Б. Ахмадулиной на автометафору А. Вознесенского, построенный в виде «спора» метафор: *Оторопел, он свой автопортрет / сравнил с аэропортом – / это глупость. / Гораздо больше в нём азарт и гулкость / напоминают мне автопробег* («Мои товарищи»).

На контрастирующем типе диалога основывается специфический жанр поэтической языковой игры – перевертыши, или антифразы, – тексты, представляющие собой известные прецедентные выражения, все слова в которых заменены на языковые или контекстуальные антонимы. У таких текстов обнаруживаются своеобразные квазиметафорообразные отношения со своими претекстами. Например, прецедентным источником для антифразы *Враги его! Ужасен ваш раздор!* явилась цитата из А. Пушкина «19 октября»: *Друзья мои! Прекрасен наш союз! Эквиполентная оппозиция представлена и в следующих примерах из лирических произведений: Не были никогда мы коровами – Были когда-то и вы рысаками* (А. Апухтин «Пара гнедых»); *Стоит, не движется красный квадрат – Крутится, вертится шар голубой* (М. Исаковский «Крутится, вертится...»). Производная интертекстовая контрастирующая метафора может сопряжена с юмористическим эффектом. Ср. у С. Гандлевского «Вот наша улица допустим...»: *Аптека, очередь, фонарь / Под глазом бабы. Всюду гарь...*

Как факт, показательный для метафорики белорусско-русского поэтического диалога, можно отметить то, что здесь контрастивная оппозиция представлена весьма немногочисленными примерами (один из редких примеров: *Я не слаўны Ленскі, / Ты ж і не Тацьцяна... / Родам я з-пад Менску... / Часта, часта п'яны* (М. Кавыль) – демонстрирует скорее даже не семантический контраст как таковой, а его использование для создания юмористического эффекта). Иначе говоря, в координатах «своё – чужое» интертекстовые метафоры белорусских и русских авторов не склонны занимать разнополярные позиции, хотя в целом, за рамками метафорики, примеры такого противопоставления встречаются, ср.: *У кожнага свае куміры, / Камусьці Бродскі па душы, / А я прыхільнік ініай ліры, / Мне лепі Грахоўскага вершы...* (А. Балутенко).

Как видно, метафора – это не просто поэтическое средство, а один из ведущих дискурсивных скрепов, в том числе интертекстовых, интеркультурных.

Средства и способы создания их не новы: среди однословных единиц, которых немного, производные суффиксального типа со значением 'лицо женского пола', по традиции образованные от имён лиц мужского пола: *премьерша, прем'єрка* (укр.), *шефиня*.

Довольно скупо представлено в «именах» Ю.В. Тимошенко и компрессионное словообразование: часто используемое не только журналистами, но и авторами газетных статей *ЮВТ*. Аббревиация, как известно, считается самым продуктивным способом компрессии многословных наименований, но в нашем случае *ЮВТ* «берёт» своей частотой употребления. Ср.: *Официальное подтверждение эта информация (о том, что интересы Могилевича увязаны с планами Тимошенко – О.Л.) так и не получила, поскольку в марте того же года Служба безопасности Украины, руководимая правой рукой ЮВТ Александром Турчиновым, уничтожила оперативно-розыскное дело Могилевича, материалы по которому собирались 13 лет* (РГ, № 23, 2008, 1 с.). Кроме того, *ЮВТ* напомнили, что ещё в 1996 году Павел Лазаренко назначил своим советником и взял в правительство одного из менеджеров компании «Итера» Игоря Фишермана, который разыскивается ФБР как соучастник Могилевича в незаконных операциях по отмыванию денег. Не секрет, что в то время Юлия Владимировна числилась в ближайших советниках Лазаренко. А компания «Итера» была основным партнёром ЕЭСУ, созданных именно ею (РГ, № 23, 2008, 1 с.). *Вместо ЮВТ - виртуоза газовых схем - президент отправляет в Белокаменную перебежчика года, секретаря СНБО Раису Богатырёву* (РГ, № 15, 2008, 1 с.). Как вы помните, в конфликте *ЮВТ* с «Газпромом» Ющенко выступит на российской стороне (РГ, № 15, 2008, 1 с.) и т.д.

Экономия языковых средств вылилась и в названия *Юлия, Юля, Ю*. Однословные наименования *Юля* и *Юлия* представляют собой вид положительной эмоциональной оценки, совмещающая выражение ласкового отношения. Актуализатором интенсивности оценочной семантики можно считать притяжательное местоимение *наш(а)*: *анонсирован визит Тимошенко в Россию по газовой теме. Мол, придет Юля, всё разрулит* (РГ, № 18, 2008, 1 с.). *Каких только историй не слушаешь в очередях, которые образовались, начиная с 8 января, когда Юля провозгласила начало похода вкладчиков в Ощадбанк за своими усохшими сбережениями* (РГ, № 5, 2008, 1 с.). *Туркмены не поняли нашу Юлю* (РГ, № 20, 2008, 1 с.). *Действительно, зачем нам коалиция? Юля - наше всё!* («2000», № 5, 2007, А 1). *Балоба, лорд-хранитель президентской печати, известный административный прозорливец, Юлию раскусил сходу* (РГ, № 19, 2008, 1 с.). *Ющенко улетел в Москву на переговоры, а вот взял ли он с собой Тимошенко, пока неизвестно. Но Юлия никогда не дремлет. Она выдала очередной перл, над которым политологи уже ломают головы...* (РГ, № 28, 2008, 1 с.). *Предельная компрессия в названии имени Тимошенко одной буквой Ю: ... поэтому не стоит обольщаться, так как из нынешней затеи команды Ю ничего путного не получится, кроме как очередной пищик* (РГ, № 27, 2008, 2 с.). *Матрица Ю: перезагрузка* («2000», № 5, 2007, В 1).

Однословное наименование *нострадама* может быть связано с преобразованием имени Нострадамус.

В составном наименовании *леди-премьер* первый компонент реализует семантику 'представительница привилегированной общественно-политической группы «оранжевых»': «Порадовал список предназначенных к приватизации в этом году предприятий: видать, совсем выветрился солидаризм из прекрасной головки нашей леди-премьер» («2000», № 1, 2008, В 4).

«Пересыпая» газетные публикации, вплетаясь в них, приведённые и подобные номинации сообщают им живость и образность.

Окавычивание изучаемых единиц в текстах является признаком использования их авторами публикаций не в прямом значении и/или не в полном соответствии с называемым.

Преобладающими оказались не однословные наименования премьер-министра Украины, которые, по сравнению с однословными, более информативны не только семантически, но и стилистически, и которые также участвуют в игре на языковом пространстве субкультуры. Содержащие в себе оценку и отношение общества ко всему, что стоит за названиями, такие единицы направлены на то, чтобы вызвать активную реакцию читателя. Семантическая структура оптимально выражает субъективное отражение реальной действительности в яркой эмотивной форме, способствуя образности и экспрессивности.

«Половодье» цветолексем, привнесённых в язык вихрями «оранжевой революции», нашло отражение в двух атрибутивных синонимичных словосочетаниях-названиях Ю.В. Тимошенко: *оранжевая принцесса* и *помаранчевая принцесса* («2000», 2007 г.).

Достижение эффекта названий осуществляется прежде всего за счёт индивидуально-авторских образований и/или индивидуально-авторских же преобразований существующих в языке единиц. Авторы газетных статей называют Тимошенко по собственному желанию в то же время в неперменной связи с её деятельностью. Все названия наделены оценочной коннотацией (оценка преимущественно её производственной деятельности — вместилища негативных признаков: хитрость, коварство, изворотливость, лицемерие и просто откровенная ложь). Ср.: *изолгавшаяся леди* (РГ, № 16, 2008, 2 с.), *непотопляемая популистка* (РГ, № 16, 2008, 2 с.), *газовая леди, газовая принцесса* (РГ, № 23, 2008, 1 с.), *наша газовая принцесса* (РГ, № 21, 2008, 1 с.), *«спасительница нации»* (РГ, № 16, 2008, 2 с.), *железная леди украинской политики* («2000», № 5, 2008, А 8), *железная крыса* («2000», № 7, 2008, А 8), *Юлия Манило* («2000», № 7, 2008, А 8), *принцесса с большой ложкой* (РГ, № 3.1, 2008, 1 с.), *виртуоз газовых схем* (РГ, № 15, 2008, 1 с.) и др.

В характеристике одной из самых известных женщин-политиков современной Украины по образу её жизни, который не соответствует общечеловеческой морали, использована цитация широко известных единиц языка советского периода. Например, *девушка без адреса* (название одного из ки-

Как пример оппозиции метафорических контекстов с контрастирующим значением выступает диалог фрагмента текста поэмы В. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» «*Единица – вздор, / единица – ноль...*» со строками Е. Евтушенко из стихотворения «Забастовка сердца». Е. Евтушенко вступает в полемику с В. Маяковским: *Народа стержень – это единицы. / Из личностей народ – / не из нулей.* За этой оппозицией кроется разница в идейно-эстетических взглядах двух поэтов, разделенных временем. Из аналогичных примеров можно привести и диалог стихотворений В. Маяковского «Сергею Есенину» (1926) и С. Есенина «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925): *В этой жизни / помереть/ не трудно. / Сделать жизнь / значительно трудней – В этой жизни умирать не ново, / Но и жить, конечно, не новей.*

Подобным образом осуществляется особый способ функционирования метафоры в интертексте – «спор» метафор [Харченко В. К. 1989], когда концептуальная составляющая прецедентного метафорического образа подвергается во вновь продуцированном тексте переосмыслению или – более того – оспариванию. Иначе говоря, автор, прибегающий к прецедентной метафоре $A = B$, утверждает: $A \neq B$, $A = C$. Так, например, Демьян Бедный в стихотворении «Просты мои песни» спорит с метафорическим концептом поэзии, характерным, в частности, для романтической поэзии, который для автора олицетворяет аполитичную поэзию. Строка, содержащая усложнённый метафорический фокус *Не свирелью был стих мой – трубой*, является ключевой в стихотворении с точки зрения отношения данного текста к интертексту. Аналогичный пример – стихотворение С. Кирсанова «О наших книгах» и др.

Схожий ход в развёртывании метафорического образа с включением прецедентного текста у находим Л. Мартынова в стихотворении «*Месяц-Отрок...*». Здесь, как и в стихотворениях Демьяна Бедного, С. Кирсанова и Е. Евтушенко, обнаруживаем отношения отрицания некоторых составляющих прецедентного, есенинского, образа: *Нет, / Не мёд / Из космических сот...*, однако это отрицание уже не концептуального (идеологического) порядка, а, скорее, эволюционного. Есенинский метафорический образ (*месяц-отрок*) здесь подвергся развитию по закону метафорической экспансии (Н. А. Кузьмина), выразившемуся в его дополнении такими образными атрибутами поэзии 60–70-х годов, как *космос, скафандр, азот, кислород* и пр.

Аналогичные структурные преобразования прецедентных метафорических образов лежат в основе близкого к «спор» метафор явления, которое можно назвать уточнением метафорического концепта. Ср. стихотворение А. Межирова «Напутствие», в котором поэт, не отрицая концептуальной составляющей прецедентной метафоры «поэзия – оружие», адресующей прежде всего к идиостилю В. Маяковского, всё же ограничивает семантический объём данной метафоры, говоря, что поэзия – это оружие, но оружие не любое: *Но, за существование борясь, / Не превращай поэзию в оружие. / Она в другом участвует бою...*

С.Б. Кураш, О.Н. Хаками (Мозырь)

КОНТРАСТИВНЫЕ ОППОЗИЦИИ МЕТАФОР В ПОЭТИЧЕСКОМ ИНТЕРТЕКСТЕ (ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТЫ)

Общей предпосылкой усложнения картины мира русской культуры начала XX в. явилась утрата единого мировоззренческого и эстетического центра. Вся литературно-художественная традиция XX в., начиная с «серебряного века», основана на диалоге и взаимодействии различных направлений и течений, прежде всего – поэтических. Культурная ситуация начала прошлого столетия поражала обилием талантов, многообразием художественных поисков, концептуальной полемикой стилей – текстов – творцов. Важно отметить то, что такие – переломные, рубежные – эпохи всегда несут в себе «определенный сгусток возможных, потенциальных, содержащихся в зародыше, в свернутом виде тенденций, которые могут получить свое полноценное развитие далеко не сразу, обладают некоей, если можно так выразиться, отстраненной актуальностью» [Пахсарьян Т. Н. 2004]. Данный тезис подтверждается и последующей поэтической традицией: тексты, вновь создаваемые каждым из поэтов этой эпохи, испытывали на себе заметное интертекстуальное влияние, будучи включенными в культурные диалоги и полилоги.

Под контрастивными оппозициями в интертексте нами понимается такое взаимодействие диалогизирующих текстов, при котором происходит отрицание смыслов (концептуальных, эстетических, идеологических и других установок) претекста [Хаками О. Н. 2007]. Эпицентром таких столкновений очень часто становятся тропеически структурированные словесные образы, в первую очередь метафоры. Данная работа преследует целью выявление типов контрастивных оппозиций метафор, характерных для русского поэтического интертекста XX в., и базируется на сопоставительно-стилистическом, контекстном и оппозитивном анализе.

Отношения контрастирующей семантики могут устанавливаться как между текстами разных авторов, так и между произведениями, принадлежащими одному поэту. Например, такие отношения можно наблюдать между двумя стихотворениями М. Цветаевой, одно из которых посвящено О. Э. Мандельштаму – «Никто ничего не отнял...» (1916), а второе – Б. Пастернаку – «В мире, где всяк...» (1924). В обоих поэт сравнивает свой дар с талантом названных мастеров слова. Однако в случае с О. Мандельштамом она говорит о его превосходстве, а творчество Б. Пастернака оценивает как равновеликое своей поэзии: *Я знаю, наш дар – неравен, / Мой голос впервые – тих. / Что вам, молодой Державин, / Мой невоспитанный стих!* (1916) ~ *Знаю – один / Мне равносильен. / Знаю – один / Мне равномогущен. / Знаю: один / Ты – равносущ / Мне* (1924). Таким образом, два текста М. Цветаевой контрастируют относительно общего семантического наполнителя «отношение к творчеству современников».

нофильмов того времени). Обигрывается факт повсеместных заявлений *леди-премьера* о том, что у неё нет не только сбережений и вкладов, личного автомобиля, но и собственного жилья (?!).

О социальном происхождении Тимошенко напоминает словосочетание *девушка городских окраин* («2000», 2008 г.).

Население Украины живо интересуется и обсуждает внешние данные и туалеты Юлии Владимировны, по-своему «сочувствует» ей, понимая, что работа над тем, чтобы выделиться, утомительна и затратна по времени, не говоря о финансовых затратах. Однако старания Тимошенко «сразить» электорат своими нарядами и аксессуарами, в газетных материалах почти не отражены: лишь номинация *дама с косой*. Ср: *Лучше уйдите в отставку* (обращение автора одной из газетных статей к президенту Украины - О.Л.) *по собственному желанию. Не держите страну в подвешенном состоянии и не слушайте «даму с косой»* (РГ, № 19, 2008, 1 с.).

Заметим, что в русском языке омонимичный устойчивый словесный комплекс с вариантным первым компонентом *баба/старуха/бледная старуха с косой*, где *коса* - не вид причёски, а сельскохозяйственное орудие, символизирует 'смерть'.

Смысловая структура изучаемых единиц, сохраняя колорит официального изложения, оптимально выражает субъективное отражение признаков и качеств 'лица' в яркой эмотивной форме, способствуя образности, экспрессивности речи.

Неофициальное название Ю.В. Тимошенко - *Юля* - выступает в роли мотиватора для производных: *поюлить, проюлить, доюлить, юлисты, юлить*, от которого образован глагол *разъюлиться*. Ср. в речи: *Сколько ещё проюлит эта с «косой», один бог знает. Всё равно потом скажет, что ей не дали разъюлиться и доюлить* (запись 2008 г.). *Эти юлисты и мешают всем жить спокойно* (запись 2008 г.).

В большинстве своём неофициальные «имена» Тимошенко содержат в себе осуждение, осмеяние и критику с позиций идеала.

М.М. Бахтин рассматривал осмеяние как один из речевых жанров [Бахтин М. 1996, с.159-206], который предполагает отрицательное критическое воздействие говорящего на объект речи – чаще всего лицо или его речевые действия.

Коммуникативная цель осмеяния, по справедливому замечанию В. Химика, заключается в представлении адресата комическим, смешным, т.е. вызывающим осуждение своей несообразностью, нелепостью или несоответствием каким-либо нормам в представлении говорящего [Химик В. 2005, с. 670].

Интенсивное образование и функционирование изучаемых единиц способствует обогащению, обновлению, осовремениванию языковых средств, выразительности и эмотивности речи, свидетельствует о динамике языковой картины в целом.

Фактический материал, представленный в докладе, может быть предметом дальнейшего изучения, особенно в плане использования его в конкретном дискурсе, а также - как проявление субкультуры.

Небезынтересным может оказаться анализ эволюции приведённых выше единиц, как и участия их в создании образных гнёзд, что может стать предметом специального исследования в рамках проблем: «Язык и время», «Язык и социум», «Язык и культура», «Язык и мир» и т.д.

А.А. Лукашанец (Минск)

САЦЫЯЛЬНАЯ СТРАТЫФІКАЦЫЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

1. Беларуская мова – нацыянальная мова беларускага народа, дзяржаўная мова Рэспублікі Беларусь і мова тытульнай нацыі з'яўляецца важным элементам сучаснай моўнай сітуацыі і займае істотнае месца ў камунікатыўнай, культурнай і інфармацыйнай прасторы сучаснага беларускага грамадства. Нягледзячы на складанасці свайго развіцця ў ХХ ст. і дугараднае становішча ў большасці сфер камунікацыі сучасная беларуская мова – гэта высакаразвітая літаратурная мова з упарадкаванай сістэмай норм, багатым слоўніковым складам, разгалінаванай тэрміналогіяй. Яе нормы замацаваны ў разнастайных лексікаграфічных даведніках, граматыках і іншых фундаментальных працах. Сёння гэта мова, якая можа паспяхова абслугоўваць усё сферы жыцця сучаснага грамадства. Яна па-ранейшаму застаецца рэальным сродкам камунікацыі, часткай і сродкам нацыянальнай культуры, сродкам і сімвалам нацыянальнай свядомасці і г.д.

2. Сістэма нацыянальнай беларускай мовы ў камунікатыўнай і культурнай прасторы сучаснага грамадства прадстаўлена некалькімі сваімі разнавіднасцямі (падсістэмамі), якія па-рознаму запатрабаваны ў розных сферах ужытку і маюць розную сацыяльную стратыфікацыю.

Увогуле сучасную сістэму нацыянальнай беларускай мовы можна прадставіць наступным чынам: 1. пісьмовая разнавіднасць: 1.1. агульналітаратурная мова; 1.2. “тарашкевіца”; 2. вусная разнавіднасць: 2.1. агульналітаратурная мова; 2.2. “тарашкевіца”; 2.3. народныя гаворкі; 2.4. сацыяльныя дыялекты; 2.5. “трасянка”.

Такім чынам, з аднаго боку, мы павінны канстатаваць, што ў апошнія два дзесяцігоддзі беларуская нацыянальная мова істотна ўскладнілася ў плане колькасці сваіх разнавіднасцей (падсістэм) і функцыянальных стыляў. З другога боку, рэальным фактам з'яўляецца развіццё і ўдасканаленне сістэмы беларускай літаратурнай мовы, асабліва яе слоўнікавага складу. Усё гэта сведчыць пра яе рэальную запатрабаванасць як сродку зносін у сучасным грамадстве. Разам з тым, кожная разнавіднасць (падсістэма) нацыянальнай беларускай мовы характарызуецца спецыфікай сфер выкарыстання і колам карыстальнікаў.

2.1. Літаратурная мова (літаратурны стандарт). Вышэйшая форма існавання нацыянальнай мовы, якая характарызуецца агульнанацыянальнай

ФТК рэалізаваны тыя кампаненты сэнсу ўстойлівага словазлучэння, якія адносяць яго ў нашай свядомасці да мовы тагалітарнай эпохі.

Для другой групы прыкладаў характэрна выкарыстанне ў якасці асновы ФТК такіх устойлівых адзінак, якія самі па сабе не характарызуюцца ярка вызначанай сацыякультурнай семантыкай, але дазваляюць яе сфарміраваць пасродкам уключэння ў іншы канцэптуальны кантэкст.

Гэта, у прыватнасці, могуць быць тэрміналагічныя спалучэнні, рэалізаваныя ў дэтэрміналагізаваным значэнні, напрыклад: *Человек, как лист бумаги, / изнашивается на сгибе. / Человек, как склеенная чашка, / разбивается на изломе. / А моральный износ человека / означает, что человека / слишком долго сгибали, ломали, / колебали, шатали, мяли, / били, мучили, колотили, / попадая то в страх, то в совесть, / и мораль его прохудилась, / как его же пиджак и брюки* (Б. Слуцкі); *Ёсць стомленасць душы / І стомленасць металу* (Р. Барадулін); *Запомни, что точка кипенья / высокая в русской груди* (С. Вікулаў). На такіх фразеалагічных адзінках могуць засноўвацца цэлыя тэксты-тропы, напрыклад, верш «Я вільготнай анучкай сціраю...» С. Блатуна, у якім разгортванне тэкстаўтваральнага тропа (сумяшчэнне сэнсаў) будзе на базе тэрміналагічнага выражэння *корань кубічны*, параўн.: *Корань мой – у палескай глебе, / Корань мой – у духмяным хлебе, / Корань мой – у бацькоўскай хаце, / Вечныя корань мой – ў сэрцы маці...*

У некаторых выпадках ФТК аказваецца заснаваным на ператварэнні адзінак падобнага роду, параўн.: *Штодзень патрэбна з маладымі сталым / Шматпавярховы вопыт свой звярць...* (П. Макаль); *А як жывеш ты, / як жывеш / у тым / бясконца-павярховым / белым горадзе – / сярод трохпакавай немаці / і раўнадушной гордасці?* (М. Федзюковіч).

Нарэшце, сацыякультурная семантыка ў выніковым ФТК можа быць рэалізавана шляхам парушэння ўзуальнай валентнасці фразеалагічных адзінак, іх пашырэння, кантамінацыі і інш. Параўн.: *Планета галаву насыпле попелам / Радыеактыўным...* (Р. Барадулін); *Хутка чалавецтва на зямлі падвоіцца, / Нездзе будзе ўпасці яблыку разладу* (П. Панчанка); *Толькі каб не сталі гарады / Атамнаю брацкаю магілай* (П. Панчанка).

Такім чынам, разгледжаныя і аналагічныя да іх прыклады ФТК з'яўляюцца ў сучасным паэтычным дыскурсе арыгінальным і дастаткова актуальным сродкам структуравання сацыякультурна маркіраваных вобразаў, выражэння фонавай інфармацыі, прадстаўляюць сабою сплаў індывідуальна-аўтарскага (трапеічнага) і агульнамоўнага, нацыянальнага кампанентаў. Рускі і беларускі паэтычныя дыскурсы дэманструюць у дачыненні да стварэння адзінак падобнага роду высокую ступень падабенства, але ў той жа час валодаюць імі і як адным з важных рэсурсаў фарміравання нацыянальнай паэтычнай карціны свету, яе ключавых канцэптаў.

Стварэнне падобных фразеолога-трапеічных комплексаў (ФТК) мае пэўную кагнітыўную базу: «Фрэйм фразеалагізма (г. зн. фразеалагічна намінуемая сітуацыя) экстрапалюецца на іншую, актуальную, сітуацыю або шэраг сітуацый, якія існуюць пры гэтым у якасці мадэлі стварэння новага канцэпта» [Кураш С. Б. 2007, с.258].

Для мовы сучаснай рускай і беларускай паэзіі фонавыя ФТК – не рэд-касць. Іх можна падзяліць на дзве вялікія групы: 1) ФТК, у якіх фонавы кампанент, які нясе лінгвасацыякультурную семантыку, засяроджаны непасрэдна ў фразеалагічным кампаненце; 2) ФТК, у якіх фонавая інфармацыя рэалізуецца ўсім выніковым трапеічным кантэкстам і мае месца ў выніку парушэння узуальнай валентнасці фразеалагічнай адзінкі або яе структурна-семантычнага ператварэння. Другая група з’яўляецца больш шматлікай.

Разгледзім першую групу. У якасці фонавага кампанента ФТК тут выступаюць такія ўстойлівыя словазлучэнні, якія прадстаўляюць сабою лінгвакультурэмы, пад якімі ў дадзеным выпадку разумеюцца «тыповыя ключавыя выразы эпохі, культурна маркіраваныя сінтаксемы» [Чумак Л. М. 1997, с.31]. Параўн.: *Бабіна лета перадае / Паведамленні апошнія* (П. Макаль). Фразеалагічнае выражэнне *апошнія паведамленні* прадстаўляе сабою фрагмент фрэйма «Сродкі масавай інфармацыі», які склаўся ў святмасці рускіх і беларусаў у савецкую эпоху. У выніковым – фразеолога-трапеічным – кантэксце яно функцыянуе як аснова стварэння метафары-увааблення.

У Р. Барадуліна сустракаем такі прыклад: *І яшчэ даплочваюць бабы / Трыццаць такіх нявінных / Рублёў дамавінных...* У аснову гэтага вобразнага кантэксту пакладзена адна з самых прыкметных лінгвакультурэм постчарнобыльскай рэчаіснасці Беларусі – *дамавінныя рублі* (у рускім гутарковым маўленні беларусаў часцей фіксаваўся ўсечаны варыянт дадзенай лінгвакультурэмы – *гробовыя*). Сама па сабе гэтая сінтаксема прадстаўляе сабою вынік кампрэсіі тэксту (*дамавінныя рублі* – рублі, якія плацяць на, верагодна, хуткую неабходнасць набыцця дамавіны), якая прыводзіць да рэалізацыі сацыякультурнай семантыкі [гл.: Чумак Л. Н. 1997, с.39]. У гэтым сэнсе дадзены выраз можа быць разгледжаны як метанімічны кантэкст, які, у спалучэнні з прыметнікам *нявінных*, узбагачаецца яшчэ і дадатковым колам асацыяцый (як метанімічных – «даплочваюць з нявінным выразам твару», так і метафарычных – «нявінныя рублі»).

Асновай для стварэння аналагічнага вобразнага кантэксту ў Я. Еўтушэнкі з’яўляецца фразеалагічнае выражэнне *подавляющее большинство*, якое мае замацаваную сацыякультурную семантыку, звязаную з фрэймамі тыпу «Выбары», «Галасаванне» і г. д. Паэт узмацняе сацыяльны кампанент семантыкі гэтай адзінкі за кошт яе прамога ўжывання: *подавляющее большинство, / пахнешь ты, как навозная роза, / и всегда подавляешь того, / кто высовывается из навоза...* (Я. Еўтушэнка). Як можна бачыць, у дадзеным

значасцю, поліфункцыянальнасцю і разнастайнасцю пісьмовых і вусных жанраў. Як найбольш прадстаўнічая форма нацыянальнай мовы абслугоўвае ўсе сферы дзейнасці носбітаў гэтай мовы.

Сучасная беларуская літаратурная мова склалася ў XIX – першай палове XX стст. на базе гаворак Цэнтральнай Беларусі. У працэсе свайго развіцця яна ўвабрала найбольш тыповыя рысы асноўных беларускіх дыялектных сістэм. Народна-гутарковая аснова беларускай літаратурнай мовы і адсутнасць традыцый пераемнасці са старабеларускай мовай абумовілі спецыфіку яе сучасных нормаў, слоўнікавага складу, функцыянальных стыляў. Сёння літаратурная беларуская мова характарызуецца багатым слоўнікавым складам, разгалінаванай сістэмай словаўтваральных спосабаў і сродкаў, наяўнасцю сістэмы функцыянальных стыляў і навуковай тэрміналогіі, што дазваляе ёй забяспечваць камунікатыўныя патрэбы сучаснага грамадства. Яе нарматыўную базу складаюць “Тлумачальны слоўнік беларускай мовы” ў 5-ці тт., 6-ці кн. (Мн., 1977 – 1984), “Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы” (Мн., 1994; 3-е выд. – Мн., 2002), акадэмічныя “Граматыка беларускай мовы” ў 2-х тт. (Мн., 1962 – 1964), і “Беларуская граматыка” ў 2-х ч. (Мн., 1985 – 1986), нарматыўны “Слоўнік беларускай мовы” (Мн., 1897), закон Рэспублікі Беларусь “Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі”, а таксама разнастайныя энцыклапедычныя, двухмоўныя і тэрміналагічныя слоўнікі.

Такім чынам, літаратурная разнавіднасць беларускай мовы як мовы дзяржаўнай тэарэтычна не мае функцыянальных і сацыяльных абмежаванняў: а) Згодна са звесткамі апошняга перапісу насельніцтва значная частка беларусаў карыстаецца беларускай мовай у паўсядзённым ужытку (дома). б) Беларуская мова дастаткова шырока прысутнічае ў сферы школьнага навучання. Яна з’яўляецца на толькі вучэбным прадметам, але і рэальным сродкам навучання. Наогул сярэдня школа сёння фактычна з’яўляецца тым асноўным дзяржаўным інстытутам, які падтрымлівае беларускамоўную кампетэнцыю нашага грамадства. в) На беларускай мове ствараецца высокамастацкая літаратура. г) Беларуская мова прысутнічае ў сферы вышэйшай адукацыі і навукі. д) Беларуская мова з’яўляецца сродкам прэзентацыі беларускай нацыянальнай спадчыны і культуры (помнікі беларускага пісьменства і інш.). е) Беларуская мова дастаткова шырока выкарыстоўваецца ў СМІ. ж) Беларуская мова выкарыстоўваецца ў сферы справаводства і кіравання. з) Беларуская мова з’яўляецца мовай візуальнай і гукавой інфармацыі і рэкламы. і) Беларуская мова выкарыстоўваецца ў сферы канфесійных зносін. Яна прысутнічае ў практычным набажэнстве, паяўляюцца вельмі кваліфікаваныя пераклады на сучасную беларускую мову рэлігійных тэкстаў. к) Беларуская мова – гэта мова дзяржаўных афіцыйных дакументаў. л) Беларуская мова прысутнічае нават у такой сферы, як ваенная. Большасць назваў радоў войск, назваў вайсковых падраздзяленняў, апазнавальных знакаў і нашывак на абмундзіраванні вайскоўцаў выкананы на беларускай мове. м) Ёсць адна сфера моўнай дзейнасці, дзе, нягледзячы на дзяржаўнае двухмоўе,

выкарыстоўваецца толькі беларуская мова. У адпаведнасці з заканадаўствам усе дакументы на атрыманне вышэйшых дзяржаўных узнагарод нашай краіны афармляюцца толькі на беларускай мове. І гэта варта ведаць кожнаму грамадзяніну.

Усё гэта сведчыць, што сёння беларуская мова – гэта поўнафункцыянальная мова, якая можа паспяхова абслугоўваць усе камунікатыўныя патрэбы сучаснага грамадства і пашырана сярод усіх слаёў карыстальнікаў. Разам з тым, трэба прызнаць, што пры адсутнасці функцыянальных і сацыяльных абмежаванняў рэальна беларуская мова недастаткова (нават мінімальна) прадстаўлена ў многіх функцыянальных сферах, а яе актыўнымі карыстальнікамі з’яўляюцца пераважна прадстаўнікі гуманітарнай інтэлігенцыі і патрыятычна настроенай інтэлектуальнай эліты.

Нельга абыйсці ўвагай і той факт, што ў апошні час беларуская мова дастаткова інтэнсіўна пранікае ў сферу інтэрнет і СМС-камунікацыі. Такім чынам, можна гаварыць пра пашырэнне сфер выкарыстання беларускай літаратурнай мовы, а таксама пра фарміраванне новага функцыянальнага стылю пісьмовай беларускай мовы са спецыфічным выкарыстаннем рознаўзроўневых моўных сродкаў (лексіка, марфалогія, сінтаксіс і нават пунктуацыя). З пункту погляду кола карыстальнікаў (у асноўным моладзь) беларуская мова інтэрнет- і СМС-камунікацыі мае выразныя прыкметы сацыяльнага дыялекта.

2.2. “Тарашкевіца” (другі варыянт літаратурна-пісьмовай беларускай мовы, арыентаваны на пісьмовую традыцыю 20-х гадоў XX стагоддзя і пісьмовую практыку беларускамоўнага замежжа). Характарызуецца асаблівасцямі фанетыкі, слоўнікавага складу, марфалагічных, сінтаксічных і словаўтваральных норм і часта разглядаецца як паралельны, альтэрнатыўны варыянт сучаснай беларускай літаратурнай мовы.

Паводле месца ў сістэме разнавіднасцей нацыянальнай беларускай мовы з пункту погляду нарматыўнасці і функцыянавання (наяўнасць пісьмовай і вуснай разнавіднасцей, а таксама наяўнасць значнага пласта пісьмовых тэкстаў, у тым ліку і сучасных) “тарашкевіцу” можна разглядаць як паралельны варыянт сучаснай беларускай літаратурна-пісьмовай мовы.

З пункту гледжання сферы выкарыстання і пераважнага кола карыстальнікаў “тарашкевіцу”, відаць, можна ахарактарызаваць як асобны сацыялект (сацыяльную разнавіднасць нацыянальнай мовы) – своеасаблівы маладзёжны слэнг з выразным ідэолага-палітычным адценнем). Як паказваюць назіранні, для некаторай часткі прыхільнікаў “тарашкевіцы” яе выкарыстанне з’яўляецца своеасаблівай “узроставай модай”, перахварэўшы якой яны пераходзяць на агульналітаратурны стандарт.

Такім чынам, выкарыстанне “тарашкевіцы” ў сучасным беларускім соцыуме абмежавана як функцыянальна, так і сацыяльна, і ў апошні час назіраецца тэндэнцыя да памяншэння яе прысутнасці ў беларускамоўнай прасторы. Параўн., напрыклад, інфармацыю, змешчаную 04.12.08 г. на інфармацыйным блоку “tut.by”: “Як распавёў Еўрарадыё шэф-рэдактар

ет о том, что писатели пытаются найти новый подход к решению проблемы взаимоотношений человека и природы в современном мире. При этом специфика художественного пространства-времени в произведениях позволяет выявить общность взглядов Астафьева и Козько на данную проблему.

Т.М. Кураш (Мазыр)

ФРАЗЕОЛАГА-ТРАПЕІЧНЫЯ КОМПЛЕКСЫ ЯК СРОДАК ВЫРАЖЭННЯ САЦЫЯКУЛЬТУРНАЙ СЕМАНТЫКІ У СУЧАСНЫМ ПАЭТЫЧНЫМ ДЫСКУРСЕ

Мастацкі тэкст змяшчае ў сваёй семантыцы спалучэнне канкрэтна-гістарычнага, нацыянальна спецыфічнага, сацыякультурна абумоўленага і агульначалавечага кампанентаў.

У мастацкім дыскурсе функцыянуюць розныя формы маўленчага узусу, устойлівыя вербальныя комплексы, стэрэатыпы і эталоны, фонавая і безэквівалентная лексіка і фразеалогія і інш. Зварот да іх дазваляе лепш зразумець спецыфіку і своеасаблівасць мовы, асабліва, – у кампаратыўным плане, пры параўнанні з іншымі мовамі, культурамі, соцыумаі.

Зварот да праблемы інтэрпрэтацыі мастацкіх тэкстаў нельга аддзяліць ад праблемы рэалізацыі сацыякультурных кампанентаў іх семантыкі.

Мэта гэтай работы – вызначэнне спецыфікі рэалізацыі сацыякультурнага кампанента паэтычных тэкстаў рускіх і беларускіх аўтараў на трапеічным узроўні пры яго ўзаемадзеянні з фразеалагічным (у шырокім разуменні аб’ёму фразеалогіі) рэсурсам мовы (г. зн. пасродкам фразеолога-трапеічных комплексаў). Асноўныя метады даследавання – структурна-семантычны, кантэкстны і кампанентны аналіз.

Вядома, што тропы выконваюць функцыю аднаго з найбольш важных сродкаў фарміравання светапогляду. Сучасны даследаванні прыроды тропа дазволілі гаварыць аб трапалагічнай сутнасці мовы, свядомасці і мыслення. Троп можа кадзіраваць інфармацыю рознага роду: асабістую, індывідуальную, нацыянальна-культурную, сацыяльную і інш. Адною з форм фонавай нагруканасці тропа з’яўляецца рэалізацыя ім сацыякультурнай семантыкі. Гэта мае месца тады, калі ў склад трапеічных выразаў уваходзяць тыя або іншыя фонавыя адзінкі нацыянальнай мовы. У іх якасці даволі часта функцыянуюць устойлівыя словазлучэнні фразеалагічнага характару. «Фразеалагізмы, якія адлюстроўваюць тыповыя паданні, могуць выконваць ролю эталонаў, стэрэатыпаў культурна-нацыянальнага светабачання або паказваць на іх знакавы характар і ў гэтай якасці выступаюць як моўныя экспаненты культурных знакаў» [Тэлія В. М. 1996, с.249–250]. Пры гэтым кантэкст, які ствараецца ў выніку гэтага ўзаемадзеяння, прагматычна арыентуецца на выяўленне тых або іншых сацыякультурных канцэптаў.

браконьерству, нарушая законы природы, Яўмен становится жертвой собственных поступков. Следовательно, хронотопический мотив границы помогает обоим авторам раскрыть нравственный конфликт произведения.

Природное пространство Сибири, как и природное пространство Полесья, многомерно. О развертывании пространства по горизонтали в «Царь-рыбе» Астафьева свидетельствуют пространственные образы тундры, тайги, сибирских рек. В повести В. Козько маркерами горизонтально ориентированного пространства являются пространственные образы леса, сажелки, канавы.

Признак вертикально ориентированного пространства и в одном, и во втором произведении – пространственный образ неба. Данный пространственный образ связан у Астафьева с особым психологическим состоянием героя, с мотивами тайны и неразгаданности, с библейскими мотивами [Астафьев, с.38, 99, 152, 378], у Козько – с мотивом нравственного выбора героя [Козько, с.184, 227, 249].

Отметим, что и в природном пространстве Сибири в «Царь-рыбе» Астафьева, и в природном пространстве Полесья в повести Козько можно выделить центральный пространственно-временной образ, который несет большую смысловую нагрузку. В повествовании Астафьева таким образом является образ Енисея. Великая сибирская река символизирует поток жизни, воплощает ее амбивалентную сущность. Пространственный образ Енисея – это символ судьбы, направленного движения, но как реализуется эта направленность – зависит от самого человека. Центральный пространственно-временной образ в повести В. Козько – образ груши. Цветущая груша – это и примета весны, и особая характеристика «людей Полесья», и отличительная черта родного края, и память о его прошлом [там же, с.210].

Социальное и природное пространство произведений противопоставлены друг другу. Это противопоставление приобретает черты характерной для литературы XX в. оппозиции космос-хаос. Ю. М. Лотман определил космос как «бесконечную сверхорганизацию пространства» [Лотман, 1988, с.276]. Таким сверхорганизованным пространством и в повествовании Астафьева, и в повести Козько является пространство природы. В природе все взаимосвязано и взаимообусловлено. Эта взаимосвязь и понимается как высшая степень гармонии [Астафьев, с.369]. Космос – это еще и особая организация взаимоотношений человека и природы, основанная на чувстве любви детей к матери. Когда эта основа разрушается, когда на первый план выходит потребительское отношение человека к природе – наступает хаос [там же, с.232]. Сам человек при этом утрачивает свое человеческое лицо [там же, с.233].

Таким образом, в пространственно-временной организации «Царь-рыбы» В. Астафьева и «Цвице на Палессі груша» В. Козько есть немало точек соприкосновения. Противопоставление модусов социального и природного пространства в рамках модуса географического пространства свидетельству-

“Нашай нівы” Андрэй Дынько, газета будзе выходзіць як і раней раз на тыдзень. Пачынаючы з сённяшняга нумара палова газеты зробіцца каляровай. Акрамя таго, рэдакцыя вырашыла перайсці на афіцыйны правапіс. Паводле слоў Андрэя Дынько, гэтае пытанне было вельмі балючым.

“Пачынаючы ад гэтага нумара, “Наша ніва” будзе выходзіць школьным правапісам. Мы ставім перад сабой задачу заваёвы новых чытачоў. З сацыялагічных даследаванняў і з нашага вопыту мы пераканаліся, што класічны правапіс быў псіхалагічным бар’ерам на шляху да гэтага”.

2.3. Народныя гаворкі (фактычна рэшткі традыцыйных народных беларускіх гаворак) на сённяшні дзень абмежаваны ў сваім выкарыстанні і функцыянальна і сацыяльна. Спарадычна выкарыстоўваюцца ў сферы побытавых зносін пераважна ў сельскай мясцовасці жыхарамі сталага ўзросту, а таксама прысутнічаюць у маўленні сельскіх жыхароў маладзійшага ўзросту і тых гарадскіх жыхароў, якія не страцілі сваёй сувязі з вёскай.

2.4. Сацыяльныя дыялекты (студэнцкі і маладзёжны слэнг, камп’ютарны жаргон). Калі да нядаўняга часу лічылася, што беларускай нацыянальнай мове на сучасным этапе яе існавання не ўласцівы сацыяльныя разнавіднасці, то зараз можна гаварыць пра фарміраванне гэтай разнавіднасці нацыянальнай мовы. Сёння ў беларускамоўным маўленні выразна прысутнічаюць студэнцкі і маладзёжны слэнг, камп’ютарны жаргон і інш. Элементы гэтых разнавіднасцей нацыянальнай беларускай мовы пранікаюць і ў мову СМІ. Параўн., напрыклад, рэкламны слоган “Прышпільны мабільны”.

Выкарыстанне гэтай разнавіднасці беларускай мовы абмежавана і функцыянальна і сацыяльна. Беларускія сацыялекты выкарыстоўваюцца толькі ў пэўных сітуацыях вуснай камунікацыі прадстаўнікамі пэўных сацыяльных і прафесійных груп носьбітаў.

2.5. “Трасянка” (разнавіднасць змешанага вуснага маўлення, якое характарызуецца наяўнасцю элементаў другой моўнай сістэмы). Такім чынам, “трасянка” – гэта шырокі дыяпазон змешанага маўлення з выкарыстаннем элементаў розных моўных сістэм ці падсістэм. Да беларускай моўнай стыхіі у гэтым выпадку адносіцца: пераважна беларускае маўленне з элементамі рускай мовы, пераважна беларускае літаратурнае маўленне з элементамі “тарашкевіцы”, пераважна беларускае літаратурнае маўленне з элементамі мясцовых традыцыйных гаворак і г.д. Пры гэтым варта адрозніваць змешанае вясковае маўленне і змешанае гарадское маўленне, якое фактычна па сваёй сутнасці збліжаецца з гарадскім праствамоўем.

Выкарыстанне змешанага маўлення (“трасянкі”) абмежавана вусным маўленнем, але не абмежавана функцыянальна і сацыяльна. “Трасянка” прысутнічае ў вусным маўленні прадстаўнікоў самых розных сацыяльных слаёў насельніцтва краіны ва ўсіх сферах выкарыстання беларускай мовы.

Асаблівасцю выкарыстання “трасянкі” з’яўляецца тое, што для некаторых членаў сацыяму, яна з’яўляецца асноўным сродкам вуснага маўлення, а

для некоторых только спародичным при переходе с русской мовы на беларускую, або при переходе ад афіцыйнага маўлення да неафіцыйнага.

У пэўным сэнсе беларуская “трасянка” набліжаецца да так званых “прастамоўя” – асобнага стылю мовы, які спалучае ў сабе элементы літаратурнага і нелітаратурнага маўлення.

Адпаведна і ацэнка трасянки як змешанага маўлення ў залежнасці ад сітуацыі выкарыстання і самога карыстальніка можа быць рознай.

Калі трасянка з’яўляецца асноўным сродкам зносін і ў самога карыстальніка адсутнічае матывацыя для павышэння культуры ўласнага маўлення, то яна павінна разглядацца, безумоўна, як адмоўная з’ява.

Калі ж трасянка з’яўляецца “своеасаблівым этапам” пераходу з рускага маўлення на беларускае і ў карыстальніка існуе імкненне пераадолець недахопы ўласнага маўлення, то такое “пераходнае” маўленне, відаць, трэба толькі вітаць.

Такім чынам, апошнія два дзесяцігоддзі ў развіцці беларускай нацыянальнай мовы характарызуецца тэндэнцыяй да павелічэння колькасці сваіх разнавіднасцей (падсістэм) і функцыянальных стыляў. Ёй у той ці іншай ступені карыстаюцца самыя шырокія слаі насельніцтва краіны для забеспячэння сваіх камунікатыўных патрэб.

В.В. Макаров (Мінск)

ОБ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКЕ (СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Вопрос о различии языков по степени эмоциональности (соотв. рациональности) поднимается в работах многих ученых (Ш. Балли, Б. Террачини, В.Г. Гак, Э. Наньес Фернандес, А. Вежбицкая, Б. Кельский, Т. Томашкевич и др.). Так, славянские языки, включая русский, обычно квалифицируются как эмоциональные по сравнению с рациональным французским. При этом, как правило, в тени остаются причинно-следственные аспекты проблемы. Ситуация с французским языком показывает, однако, что фактор активного регулирующего воздействия на язык со стороны общества может сыграть особую роль в судьбе эмоциональности как языковой категории.

Вначале обрисует, эскизно и в качестве фона, соответствующую ситуацию в русском языке (ограничив сферу эмоциональности рамками диминутивности).

В природе диминутива легко проявляется момент отнесенности не только к внешнему миру, но и к говорящему субъекту. Представление о малости вызывает эмоциональную коннотацию обычно положительной окраски. Особенно часто на первый план выдвигается значение ласкательности, во многих случаях оно даже становится определяющим.

моотношений данных локусов внутри социального пространства произведений важен топос Дома.

Поселки Чуш и Боганида находятся в отношениях оппозиции, которая и легла в основу двухчастной композиции произведения. Пространство Чуши не становится для его обитателей Домом, Астафьев неоднократно подчеркивает их чужеродность по отношению к пространству поселка [Астафьев В. П. Царь-рыба, 1980, с.75, 76, 97–98, 116, 136]. Пространство Боганиды, возникшее и исчезнувшее по воле чиновников, нельзя назвать идиллическим. Но для боганидских детей поселок, наполненный бывшими зеками и переселенцами, является Домом, местом гармоничного сосуществования людей и природы.

В отличие от «Царь-рыбы» Астафьева, локусы, которыми представлено социальное пространство повести «Цвіце на Палессі груша», не противопоставлены друг другу, что доказывает, в первую очередь, образ главного героя Яўмена Ярыгі. И в городе, и в деревне Яўмен ощущает себя чужим. Отграниченность героя от социального пространства связана еще и с отсутствием у Яўмена способности говорить. Истинным домом героя является лес, т. е. пространство природы [Казько В. А. Судны дзень, 1998, с.190].

Важную роль в социальном пространстве произведений играет хроно-топический мотив границы. Граница позволяет охарактеризовать пространство как замкнутое или открытое. В «Царь-рыбе» Астафьева замкнутость, ограниченность пространства связаны с человеческой деятельностью: замкнутое пространство – всегда рукотворное. В этом смысле оно противопоставлено открытому, естественному пространству природы [Астафьев, с.13–14, 26, 57]. Примечательно, что мотив границы чаще звучит в первой части повествования, в центре которой образы чушанских браконьеров. Для второй части произведения, где главный герой Аким живет в гармонии с пространством природы, характерно ощущение бесконечности, безграничности пространства [там же, с.228, 267–268]. Сама попытка провести границу представляется чем-то нелепым [там же, с.283–284].

Маркером границы во времени является понятие смерти. В первой части повествования смерть реальна и ощутима [там же, с. 113]. Во второй части смерть воспринимается как нечто противоестественное [там же, с. 182] или не воспринимается вовсе [там же, с. 221, 226]. Сами мысли о смерти или о не-рождении не связаны в сознании героя с прекращением бытия [там же, с. 244]. Осознание конечности жизни не является благом, а воспринимается как нравственное разложение [там же, с. 368].

Мотив границы, замкнутого пространства у В. Козько тесно связан с морально-этической проблематикой повести. В замкнутом пространстве обычно находится жертва. При этом замкнутое пространство приобретает значение «тюрьма» [Козько, с. 204]. Не случайно браконьер Яўмен находится в замкнутом пространстве. Места его рыбалки – «канавы», «лужыны», «возера» «рыбгасныя сажалкі» [там же, с. 185]. Даже лес, основное место обитания Яўмена, приобретает характеристику замкнутого пространства, поскольку

ценность в разряд исторических межъязыковых лагун на определенном этапе развития и становления национального английского языка.

Реальный носитель языка – идеальный объект исследований для социолингвистики. Художественный же текст в силу частого использования нормативного языка, лишенный ситуативности в силу обусловленности авторской задумкой, представляет меньший интерес для социолингвистов. Однако внешняя нормативность языка зачастую требует более внимательного изучения. Язык со всем своеобразием используемых в нем форм, показанных на примере слов, входящих в разряд лагун межъязыковых и внутриязыковых по своему типу, отражает одновременно все то национальное и социальное, что в нем есть. Именно в таких ситуациях лингвистика и социолингвистика, взаимодействуя на равноправных условиях, могут приоткрыть завесу тайны происхождения, развития и взаимообогащения существующих ныне языков и общественных образований их носителей, именуемых социумом.

Е.В. Крикливец (Витебск)

**СПЕЦИФИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА-
ВРЕМЕНИ В ПОВЕСТВОВАНИИ В РАССКАЗАХ В.АСТАФЬЕВА
«ЦАРЬ-РЫБА» И ПОВЕСТИ В. КОЗЬКО
«ЦВІЦЕ НА ПАЛЕССІ ГРУША»**

Одной из важнейших категорий художественного текста является художественное пространство-время. Оно несет основную миромоделирующую функцию, позволяет выявить универсальные представления писателей о бытии и человеке. Обращение к этой проблеме в нашей работе помогает увидеть своеобразие художественного мира В.Астафьева и В.Козько на примере произведений «Царь-рыба» и «Цвіце на Палессі груша».

В указанных произведениях представлено несколько модусов художественного пространства. Географическим пространством в повествовании В. Астафьева является Сибирь, точнее – побережье Енисея и его многочисленных притоков; в повести В. Козько – Полесье. С описываемым географическим пространством связаны автобиографические мотивы творчества обоих авторов. Пространство Сибири лично значимо для автора повествователя «Царь-рыбы», так же, как пространство Полесья – для автора повествователя «Цвіце на Палессі груша». И в повествовании Астафьева, и в повести Козько прослеживается мысль о детерминации нравственных качеств личности принадлежностью к конкретному географическому пространству.

В рамках модуса географического пространства можно выделить модусы социального и природного пространства. Социальное пространство в рассматриваемых произведениях Астафьева и Козько представлено двумя художественными локусами. В «Царь-рыбе» это поселки Чуш и Боганида, в «Цвіце на Палессі груша» – локусы города и деревни. Для определения взаи-

Часто коннотативные свойства диминутива подвергаются столь сильной автономизации, что в его семантике происходит полная потеря исходного значения малости. По существу, оно уступает место обобщенному значению субъективной оценки, которое в реальном использовании распределяется между разнообразными оттенками эмоциональной экспрессии (вежливости, иронии, этического осуждения, сарказма и т.д.).

Столь широкие возможности просто немислимы для французского языка. В этом плане французский язык резко расходится даже с итальянским и испанским языками, которые, имея с ним единую генетическую базу и много общего с культурно-исторической точки зрения, в отношении диминутивности сопоставимы, скорее, с русским, чем с французским языком.

В прошлом, однако, французский язык располагал богатым арсеналом диминутивных средств, не говоря о его исходной стадии – народной латыни, где многие нейтральные слова обиходной речи заменялись на экспрессивно отмеченные.

Средние века не приносят каких-либо принципиально новых особенностей в картину диминутивности. Естественно, формировались новые средства и уточнялась семантика старых, какие-то элементы теряли продуктивность. Но в целом категория диминутивности оставалась вполне активной. К XV-XVI вв., к эпохе Возрождения, можно говорить о своеобразном апогее диминутивности. И вдруг положение меняется. Словно по мановению какой-то властной руки уменьшительные формы резко сокращают сферу своего использования.

Речь идет о XVII веке, отмеченном исключительно важными по силе воздействия на жизнь общества социально-политическими и культурными процессами. И самое главное – все это проходило в контексте ярко выраженного единого «стиля эпохи».

XVII век, особенно в период правления Людовика XIV, знаменуется резким возрастанием централизующей роли монархии. Это проявляется в самых различных формах – в подчинении многообразных интересов общества королевскому двору, прославлении личности короля как гаранта порядка, единства государства и мира в стране.

Такая национально-объединительная идеология подчиняла себе и главные сферы культурной жизни. В творчестве самых выдающихся представителей литературы и искусства выявляется общая линия на идеи служения высоким целям, прославления сильных характеров, порядка и гармонии во всем мироустройстве.

Закономерным идейным результатом этих устремлений явилась рационалистическая философия Р. Декарта (1596-1650). Его знаменитый афоризм «*cogito, ergo sum*» стал своеобразным девизом эпохи, отметившим собой ориентацию на приоритеты мышления и здравого смысла: «никогда не принимать за истинное ничего, что я не познал бы таковым с очевидностью, и включать в свои суждения только то, что представляется моему уму столь

ясно и столь отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению».

Идеи Декарта оказались созвучными общественным настроениям эпохи. Они не только впитывали в себя эти настроения, но и содействовали их кристаллизации. Этим объясняется необычайно широкий резонанс, который они нашли во французском обществе. Многие культурные и научные устремления того времени несут на себе приметы картезианского подхода. Так, классицизм как доминирующее направление в литературе XVII в. является «своеобразным художественным эквивалентом картезианского рационализма» [С.С. Мокульский]. Так же можно охарактеризовать французское садово-парковое искусство, подлинный смысл которого не всегда доступен тому, кто подходит к нему с мерками иных культурных традиций. Творения А. Ленотра (1613-1700), прежде всего, конечно, версальский парк, были задуманы как «символизация абсолютного порядка и рассудка».

Особенно отметим объединенные общей идеей трактаты «Грамматика всеобщая и рациональная Пор-Рояля» Антуана Арно (1612-1694) и Клода Лансло (1615-1695) и «Логика, или искусство мыслить Пор-Рояля» А. Арно и Пьера Николя (1625-1695). В этих трактатах, прежде всего в «Грамматике», согласно картезианскому требованию ясности и четкости, предложена универсальная схема строения языка. Ее строго логические основания, в соответствии с принципом универсальности, не допускают чего-либо непоследовательного, неупорядоченного. Отсюда и пренебрежение эмоциональной стороной языка, со всеми ее оттенками уменьшительности, ласкательности, неустойчивых движений души и т.д. Естественной жертвой такого подхода становятся те элементы языка, которые мы условились называть диминутивами. В трактате Арно и Лансло о них даже не упоминается. Ибо вопрос об их судьбе был, очевидно, уже решен.

Сохранились любопытнейшие свидетельства того, как ситуация с этим явлением отражалась в общественном мнении эпохи. Характерна позиция Доминика Буура (1628 – 1702), роль которого в определении облика современного французского языка высоко оценивается специалистами. По его мнению, в соответствии с рационалистическими установками века, диминутивы являются признаком несовершенства языка. Критикуя с этой точки зрения склонность итальянцев к использованию диминутивов, он утверждает, что французский язык лишен этого недостатка: «Роднички, горки, птички, ручейки сегодня в речи нетерпимы». Несколько десятилетий спустя об этом же говорит Вольтер (1694-1778) в датированном 1762 г. письме итальянскому корреспонденту: «У нас нет диминутивов, у нас было их столько же, сколько у вас, ... но это ребячество показалось недостойным языка, облагороженного Паскалями, Боссюэ, Фенелонами, Пеллисонами, Корнелиями, Депрео, Расинами, Массийонами, Лафонтенами, Лабрюйерами ... Мы сохранили всего лишь *fleurlette* ‘цветочек’, *amourette* ‘интрижка’, *fillette* ‘девочка’, *grisette* ‘гризетка’, *grandelette* ‘подростая’, букв. ‘большенькая’, *vieillote* ‘старушка’,

Принимая во внимание время издания первой печатной версии легенды о короле Артуре, следующие полученные в результате анализа текста лакуны отражают социальное устройство общества Англии к. XIV–XV вв. Именно этот период в истории развития Великобритании, ознаменовавшийся приходом к власти Генриха VII, связан со становлением национального английского языка. Поддержка расцветающих классов купечества (*merchants*) и нетитулованного мелкопоместного дворянства (*gentry*), опора на внутреннее и внешнее развитие государства, основанное на возрождении сущности британского самосознания заключенного, прежде всего, в самобытности языка, – основа языковой политики Англии того времени. Несбалансированная экзогосская языковая ситуация, в которой английский язык доселе находился по отношению к французскому, нашла в нем отражение на примере таких заимствованных из последнего и потому исторических межъязыковых лакун, по нашему определению, как: *paramour* – ‘Прекрасная дама, объект рыцарского поклонения (этим.: XIII в. от ст. франц. лит.: *through love* – ‘через любовь’); *homage* – ‘принесение феодальной присяги’ (этим.: XIII в. от ст. франц. *home man*, и от лат. *homo*); *press* – ‘группа людей, собравшаяся вокруг препятствия’ (этим.: XIV в. *pressen* от ст. франц. *presser*, от лат. *pressāre*, и *premere* – ‘to press’); *palfrey* – ‘верховая лошадь’ (обычно под дамским седлом) (этим.: XII в. от ст. франц. *palefrei*, от ср. лат. *palafredus*, от поздн. лат. *paraverēdus*, от греч. *para* – ‘beside’ + лат. *verēdus* – ‘light fleet horse’).

Данные, заимствованные из французского языка слова, отражают два важнейших векторных направления социолингвистики – определение связи и взаимодействия языка и культуры в социуме, вскрывая при этом возможные причины и условия перехода лакун в разряд эквивалентной лексики на основе заимствований.

На основании проведенной работы было установлено, что такие представленные в тексте реалии, как: *Duke* – ‘герцог’, высший титул владетельных князей в Западной Европе в эпоху феодализма (этим.: XII в. от ст. франц. *duc*; от лат. *Dux* – ‘leader’); *Lord* – ‘лорд’ (высший дворянский наследственный титул или титул высших должностных лиц в Великобритании) (этим.: от ст. англ. *Hlāford* – ‘bread keeper’); *Squire* – ‘сквайр’ (помещик, особенно главный землевладелец прихода) (этим.: XIII в. от ст. франц. *esquire*); *Baron* – 1) ‘барон’ (титул; низшая степень сословия пэров; отличие от носителей более высоких титулов бароны именуются просто лордами) 2) ‘крупный землевладелец’ (этим.: XII в. от ст. франц. герм. происхожд.; ср. ст. выс. герм. *baro* – ‘freeman’ и древнесканд. *berjask* – ‘to fight’) также обладают свойством переходности в разряд лакун, а затем и в класс эквивалентной лексики.

Lord так же, как и *Duke*, *Squire* и *Baron*, – некогда реалии, но сегодня – осознаваемые и формально выраженные при помощи заимствований слова. Однако *Lord* по происхождению слово исконно английское, а *Duke*, *Squire* и *Baron* – заимствованные из французского языка, что подтверждает их отне-

ловых, возрастных, профессиональных, культурологических и др. особенностей питает язык, насыщая его тем самым вариативностью.

При сопоставлении различных языков национальная специфика любого из них представлена на уровне безэквивалентной лексики («единицы исходного языка, которые не имеют регулярных соответствий в языке перевода» [Комиссаров, 1990, с.147]), включающей в себя реалии, варваризмы, экзотизмы, лакуны и т.д.

Под лакуной мы понимаем единицу безэквивалентной лексики, содержательно представленную в концептосфере иноязычного носителя, но не имеющую формального выражения в его языке.

В ходе работы над художественным текстом *Le Morte d'Arthur* – современной версии легенды о Короле Артуре, написанной на основании оригинального текста, напечатанного Вильямом Кэстоном (William Saxton) в 1485 г. и состоящим из 21 книги, было выявлено 3 типа лакун: внутриязыковые, межъязыковые и межъязыковые исторические. Внутриязыковые лакуны – отсутствие слова в языке, выделяемое на фоне наличия близких по семантике слов внутри той или иной лексической парадигмы [Арчакова, 2006, с.124]. Межъязыковые лакуны – отсутствие лексических единиц в одном языке при ее наличии в другом [Арчакова, 2006, с.124]. Межъязыковые исторические – лексические единицы, отсутствующие в одном языке при их наличии в другом на определенном этапе исторического развития первого языка. Например: межъязыковые лакуны: *hound* – ‘охотничья собака’, *tor* – ‘скалистая вершина холма’; внутриязыковая: *kine* – ‘коровы’; исторические межъязыковые: *postern* – ‘подземный выход из крепости’, *scabbard* – ‘ножны для меча или штыка’.

Было также установлено, что представленные в работе наряду с лакунами реалии (предметы или явления материальной культуры, этнонациональные особенности, обычаи, обряды, а также исторические факты или процессы, обычно не имеющие лексических эквивалентов в других языках) обладают свойством переходности в класс лакун, а затем и в разряд эквивалентной лексики. Такие формы существования национального языка, прежде всего, обусловлены социальным фактором развития нации. В данном случае историческая предпосылка, находящая отражение в феномене языковой политики, помогает наиболее полно воспринять адекватную действительность существования общества средневековой Англии, закрепленную в его формально письменном выражении – языке.

На основании проведенного сопоставительно-исторического анализа текста *Le Morte d'Arthur* выявлены такие межъязыковые лакуны как: *sheath* – ‘деревянные ножны’; *sib* – ‘кровный родственник’; *hart* – ‘олень – самец’ и т.д., являющиеся производными от староанглийского языка. Отражая быт и действительность народа Британии, данные лакуны детерминируют существующий в то время уклад жизни как отражение национального зафиксированного в языке.

nabote ‘карлица’, *maisonnette* ‘домик’, *villette* ‘городок’; к тому же мы используем их в очень фамильярном стиле». (К характеристике «ребячливость» обращается и Ш. Балли, но уже в отношении диминутивов немецкого языка).

Симптоматично, что в известном трактате А. де Ривароля (1753-1801), которому позиция Вольтера относительно диминутивов, конечно, была хорошо известна, это соображение фигурирует среди аргументов в пользу универсальности французского языка и в качестве доказательства его превосходства над другими европейскими языками, в частности, над итальянским: «Если во французском языке не обнаруживается диминутивов и ужимок итальянского языка, то от этого его манеры становятся только более мужскими». В этом смысле итальянский язык и сегодня, очевидно, не может похвалиться «мужскими манерами», как, впрочем, и испанский.

Из вышесказанного следует основной вывод: ситуация с диминутивностью во французском языке представляется уникальной при подходе к ней с социолингвистических позиций. Поразительно, что в истории французского языка четко определяется хронологический рубеж между стихией чувств и страстей, выражаемых весьма развитой системой специальных средств, с одной стороны, и, с другой стороны, своеобразным эмоциональным аскетизмом, приведшим, в весьма короткие сроки, к значительной редукции всей категории диминутивности и, как следствие, к немалым потерям в ее формальном инвентаре.

Н.Б. Мечковская (Минск)

БЕЛОРУССКАЯ ТРАСЯНКА И УКРАИНСКИЙ СУРЖИК: О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ И ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

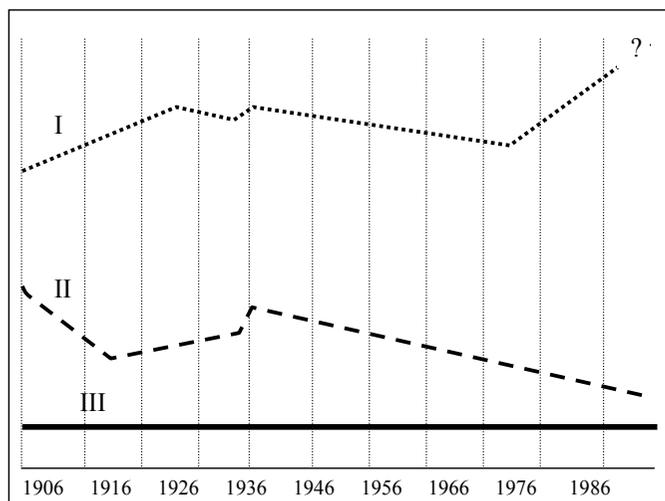
1. Многовековое двуязычие как основная проблема языковых ситуаций в Беларуси и Украине. Рассматриваемое двуязычие имеет преимущественно социально-культурный и в меньшей мере этнический характер (о различии между культурным (социальным) и этническим двуязычием см. [Мечковская Н.Б. 2008, с.168-171]). Двуязычие обусловило интенсивную двустороннюю интерференцию языков: для русского языка в Украине и Беларуси характерен “местный акцент”, у разных индивидов более или менее сильный (и, разумеется, не сводимый к фонетико-акцентологической интерференции); в свою очередь, украинский и белорусский языки в своих странах находятся под постоянным воздействием русского языка.

2. Два разнонаправленных вектора в истории украинского и белорусского языков после включения украинских и белорусских земель в состав России. С одной стороны, идет русификация общения украинцев и белорусов, иначе говоря, в этнической речи ширятся конвергентные изменения, которые сближают народную речь с русским языком. Следствием конвергент-

ного развития этнической речи, т.е. ее ползучей русификации в Украине и Беларуси, стали те формы речи, которые сейчас называют *суржик* и *трасянка*. Второй вектор в истории украинского и белорусского языков связан с их литературной формой: литературные белорусский и украинский языки развивались дивергентно по отношению к русскому языку и к народной (этнической) речи, в которой ширилась русифицирующая интерференция. Разнонаправленность векторов эволюции народной и литературной речи показана на графике (Рис. 1) на след. странице.

3. Дивергенция по отношению к русскому языку как основной процесс в истории формирования литературных белорусского и украинского языков. Как показывают факты, само формирование литературного белорусского языка и его история в период Первого белорусского возрождения (1906–1928 гг.) состояли в интенсивном и разноуровневом дивергентном развитии по отношению к русскому и (в меньшей мере) к польскому языкам. Белорусский язык "Нашей нівы" был значительно ближе к русскому, чем современный белорусский. Почти в каждой статье или заметке "Нашай нівы", особенно на экономико-политические темы, есть слова, которые сейчас зовут "русизмами" (т.е. ошибками в белорусском языке). Таких русизмов в публикациях 1910-х гг. насчитывается многие десятки.

Рис. 1. Векторы развития белорусских идиомов по отношению к русскому языку.

I – дивергенция литературного (стандартного) белорусского языка
 II – конвергенция субстандартных идиомов (белорусских диалектов и просторечия)
 III – русский язык

признаками «культурных структур, исторических стилей» [Гинзбург, 1982, с.285]. Предметы в художественном тексте приобретают статус семантического ориентира, влияющего на структурирование пространства.

В поэтическом творчестве О. Мандельштама акмеистского периода представлен «богатейший вещный мир» (Л. Г. Панова: *Я подтяну бутылочную гирьку / Кухонных, крупнокачущих часов* («Полночь в Москве...», Манд.); *Острый нож да хлеба каравай... / Хочешь, примус туго накачай, / А не то веревок собери / Завязать корзину до зари* («Мы с тобой на кухне посидим...», Манд.) и др.

В поэзии М. Кузмина микромир также предстает в своей «вещности»: *лампа, мушкетеры, телескопы, куклы, стулья, черпаки, ковры* и др.: *Коптит экономическая лампа / И бабушкина Библия раскрыта...* («Переселенцы», Кузм.); *Мушкетеры, сломанные телескопы, / Подъеденные молью парики / Да заводные куклы без ключей* («Форель разбивает лед», Кузм.); *И в доме комната с комодом / И спинки стульев под окном* («Пролог к сказке Андерсена...», Кузм.); *За шпалерой скребутся мыши, / Черпаки, кружева, ковры* («Второй удар», Кузм.) и др.

Акмеистическую концептуализацию мира Л. Г. Панова охарактеризовала скорее как детализацию его содержимого (разного рода вещей – натур- и артефактов), а не обрисовку его пространственных и временных пределов [Панова, 2003, с.112].

Таким образом, пристальное внимание к обыденному, «земному» потребовало особого отбора деталей. Крупным планом в поэтической картине мира акмеистов даются элементы интерьера (микропространство) и пейзажа (макропространство). В стихах акмеистов значительную роль играют реалии – бытовые подробности, мелкие детали, представленные конкретными существительными нескольких лексико-семантических групп: детали интерьера, обстановка (*плюш, кресло, шторы, телефон, часы* и др.), одежда (*перчатки, вуаль* и др.), посуда, кухонная утварь (*стакан, ваза, самовар* и др.), элементы экстерьера (*камень, колодец, гробница* и др.). Художественная картина мира (внешняя реальность) преломляется через мир вещей и предметов. «Подробное описание обстановки... создает у читателя визуальное представление об окружающей действительности. Именно эта конкретность в обрисовке деталей возбуждает чувственное восприятие читателя, делает его «наблюдателем» происходящего» [Гальперин, 1981, с.91].

А.Н. Клименко, Е.В. Лучковская (Минск)

ЛАКУНЫ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И СОЦИАЛЬНОГО В ЯЗЫКЕ

Существование нации всегда обусловлено наявностью национального языка, который одновременно является хранилищем и отражением всего народно-своеобразного и специфического. Источником же такого народно-специфического и своеобразного служит социум, который в силу своих по-

восприятию предметов мира, т.е. времени авторского восприятия. Такое перечисление передает форму однородной протяженности (длительности) качественно разнородным предметам. «Это особый вид пространства-времени, где носитель статики – вещь, а носитель динамики – взгляд» (Л.О. Чернейко) [цит. по Бабенко, 2000, с.158].

Стоит отметить, что в поэзии А. Ахматовой принцип «вещности» реализовался не только при воссоздания интерьера, но и при изображении внутреннего мира лирического героя. Чувства, эмоции субъекта не раскрываются непосредственно, а передаются психологически значимым жестом, движением, перечислением вещей, описанием обстановки (приемы конкретно-бытового психологизма, психологического параллелизма), лирические переживания объективируются: поэтесса «рассказывает о внешней обстановке душевного переживания, о событиях и предметах внешнего мира, а не о себе конкретно» [Жирмунский, 1973, с.7]. Подобная манера «материализации» переживаний выступает характерной чертой творчества А. Ахматовой. Вещественность ее поэтического мира не случайна: вещь становится знаком, символом некоторой ситуации, состояния, это не просто бытовая обстановка, а «эмоциональный фон» [Виноградов, 1976, с.400]. Через побочные средства – детали обстановки, описание событий – автор обнаруживает чувства лирической героини: *Нарцисс в хрустале у тебя на столе, / И сигары синий дымок, / То зеркало, где, как в чистой воде, / Ты сейчас отразиться мог* («Шиповник цветет: Наяву», Ахм.) и др. Детали – *сигары синий дымок, нарцисс на столе* – вещественные и индивидуальные признаки любовной встречи. Душевное состояние обозначается внешним признаком. Детали внешнего мира, представленные в связи с переживаниями лирической героини, точно отобраны: *Так беспомощно грудь холодела, / Но шаги мои были легки. / Я на правую руку надела / Перчатку с левой руки* («Песня последней встречи», Ахм.); *Сжала руки под темной вуалью* («Сжала руки под темной вуалью...», Ахм.) и др. – с одной стороны – внешняя простота, с другой – глубина переживаний героини, переданная ошибочным жестом. Подобными приемами передается тревога, смятение героини. Как отмечает Б.М. Эйхенбаум, «чувство нашло себе новое выражение. Вступило в связь с вещами, событиями, сгустилось в сюжет» [Эйхенбаум, 1986, с.385].

Характеризуя поэзию акмеистов, Д. М. Магомедова констатирует: А. Ахматова обращалась к простой и близкой действительности. Н. Гумилев, О. Мандельштам изображали экзотический мир, мир культуры, истории, искусства [Магомедова, 2004, с.151]. В их поэзии отчетливо выражено противопоставление «обычного» мира, с обыденными предметами и мира экзотического, красочного, не затронутого цивилизацией. Так, в стихотворении О. Мандельштама «Золотистого меда струя из бутылки текла...» *белые колонны, бочки* выступают «орудием древней памяти» (Д. М. Магомедова), которое отсылает нас к историческим и мифологическим сюжетам. Пространство в стихах О. Мандельштама изобилует предметами, которые являются

В скором времени они были вытеснены словами, которые отличались от соответствующих русских слов: *справздача* (вместо *атчот*), *жнівень* (вместо *аўгуст*), *бачна* (вместо *відна*), *настаўнік* (вместо *вучыцель*), *дзяржава* (вместо *гасударства*) *малюнкi* (вместо *рысункi*) и т.п. Обширный, но далеко не полный материал, иллюстрирующий эти процессы, см. в работе [Мечковская Н.Б. 2005, с. 59–71].

Второе белорусское возрождение (с 1989 г.) стало новым этапом "волевой" и "рукотворной" (сознательной) дивергенции литературного белорусского по отношению к русскому. Круг отличий расширился – в результате обращения к белорусским словарям и грамматикам 20-х гг., калькирования польских и западноевропейских слов и оборотов, а также путем прямых заимствований из польского и украинского. Ср. некоторые параллели (первыми приведены лексемы белорусского языка до 1990 г., а после слэша даны их более поздние лексические замены, впрочем, в большинстве факультативные): *працэнт/ адсотак, экзэмпляр/асобнік, веруючы/ вернік, вучылішча/вучэляня, выдатны/выбітны, выстаўка/выстава, выступаючы/выступоўца, чай/гарбата, тыраж/наклад, прадстаўленне, паказ/імпрэза, кампанент, слагаемае/складнік, мінута/хвіліна, фактар/ чыннік* и т.п.

4. Конвергентный вектор в истории этнической речи в Украине и Беларуси. Суржик старше трасянки более чем на 100 лет. Русификация украинцев и белорусов началась одновременно с включением их земель в состав Российской империи: в Украине – начиная от созданной Богданом Хмельницким Переяславской рады (1654), когда левобережная Украина с Киевом попала в растущую зависимость от Московского государства. В Беларуси начинается после I и II разделов Речи Посполитой (1772 и 1793 гг.). Ассимиляция была массовой и разнообразной по формам – как стихийной, так и целенаправленно осуществляемой правительством Империи.

В наше время суржик/трасянка воспринимаются как русифицированная просторечно-диалектная стихия, т.е. как речь малообразованных "простых людей". Однако исторически языковая русификация украинцев и белорусов начиналась в речи тех, кто был ближе к имперской власти, – в речи чиновников из "местных", учителей, поместных дворян, городского мещанства. Вскоре карикатурное изображение смешанной речи попало в комические оперы и водевили (речь Возного в "Наталці Полтавці" (1838) Ивана Котляревського; речь пристава Кручкова и "яго пісарчука" Піскулькіна в "Пінській шляхце" (1866?).

В Российской империи, в Министерствах просвещения и внутренних дел, белорусский и украинский языки трактовались как диалекты русского языка и поэтому не допускались в сферы образования, культуры и власти. В книгоиздании (за исключением художественной литературы) и газетно-журнальном деле эти запреты действовали до 1906 г., т.е. до известной либерализации жизни после революции 1905 г. В сферы образования и администрации украинский и белорусский языки не допускались до февраля 1917 г., т.е. до падения Империи.

Современные языковые проблемы Беларуси и Украины – это результаты политики русификации. Даже в Украине национальный язык, в сопоставлении с русским, по характеристике А.А. Тараненко, "в целом сохраняет статус младшего партнера в коммуникации" ("is generally preserving its image as a weaker communication partner" [Taranenko O. 2007, p. 138].

5. Место трясянки и суржика в языковых ситуациях Беларуси и Украины: это народная квазиэтническая речь. Обычно речь крестьян и простого городского люда (т.е. диалектная речь и городское просторечие) – это источники народной, подлинно этнической речи, не затронутой школой и канцелярией. В случае с трясянкой и суржилом это не так: простой народ, не владея нормированным языком, говорит на диалектах или просторечии, этничность которых нарушена, деформирована, искажена, засорена массовыми заимствованиями из языка Империи/СССР. В Беларуси и Украине нивелирование диалектов (обычное в XIX–XX вв. для разных ареалов) шло под влиянием не "своего" наддиалектного (литературного) языка, но "чужого" – русского.

Глядя на нарастающее взаимное отчуждение литературного языка и трясянки/суржика (см. Рис. 1), трудно сказать, какой вектор горше: путь презираемой народной речи, которая всё более теряет свою этническую определенность и постепенно превращается в региональный русский субстандарт; или, с другой стороны, путь нормативного идиома, который становится всё более элитарным, всё более престижным во всё более узких кругах и всё более далеким от повседневного общения народа.

6. О культуре белорусской и украинской речи и критериях нормативности языковых узусов в Беларуси и Украине. Литературный белорусский и литературный украинский языки, взятые в том виде, в каком они кодифицированы в словарях и грамматиках, становятся всё более далёкими от преобладающей речевой практики. Поэтому представляется целесообразным либерализовать, т.е. демократизировать понятие "литературная (культурная) белорусская (украинская) речь", изменив в определении данного понятия социолингвистические приоритеты. В современных языковых ситуациях решающим признаком образцовой речи становится не ее безусловное соответствие нормативному словарю и грамматике, а социальный престиж говорящих. Образцовая речь – это речь тех людей, которые пользуются широким общественным признанием в своем социуме (именно поэтому их речь и становится образцом). В основном это профессиональная письменная и устная речь журналистов, писателей, преподавателей филологов и историков, редакторов белорусскоязычных (украиноязычных) СМИ. Эта речь в целом не свободна от русизмов, однако этически не приемлемо называть белорусскую (украинскую) речь с некоторой долей русизмов *трясянкой* или *суржилом*.

7. Почему в Беларуси и Украине необходимо ослабить языковой пуризм по отношению к национальным языкам. Главная проблема литературных белорусского и украинского языков состоит в их растущей элитарности, в возрастающей дивергенции по отношению к преобладающей речевой практике в

венном тексте (В.Г.Гак, И.М. Кобозева, М.В. Всеволодова, И.Р. Гальперин и др.), подчеркивали, что репрезентация этих отношений зависит от характера изображаемого пространства и признаков самих объектов, заполняющих его. [Бабенко, 2006, с.136]. Пространство оживает, структурируется объектами-вещами. В ряд слов, составляющих лексическую функционально-семантическую парадигму с пространственным значением и формирующих образ пространства в тексте, входят слова, обозначающие объекты и предметы, заполняющие пространство [Бабенко, 2000, с.143]. В этой связи В.Н. Топоров, В.П. Руднев вводят категорию *предметов-доминант* хронотопа художественного текста, выделение которых является бесспорным правом реципиента-интерпретатора и допускает известную степень исследовательского произвола. Отбор предметов, реалий, признаков в поэтическом тексте специфичен и определяется особенностями индивидуальной авторской манеры.

Художественная картина мира, представленная в стихах акмеистов, во многом отвечает реальности. Акмеизм ориентирован на земное, реальное, предметное начало мира, точное значение слова [Касюк, 2006, с.150]. Акмеисты утверждали эстетико-гедонистическую функцию искусства, уклоняясь от социальных проблем в своей поэзии (отсюда характерные черты акмеистической поэзии: камерность, повышенное внимание к замкнутому пространству, уюту, домашним мелочам, «вещным знакам» (О. А. Лекманов), комфорту, эстетизация предметов быта) и др. В поэзии акмеистов простой вещественный мир значителен сам по себе «во всей совокупности красот и безобразий» (С. Городецкий) [цит. по: Агеносов, 1997, с.181].

Ведущим принципом поэтики акмеизма становится принцип концентрации вокруг субъекта его мира, его личного космоса, происходит сознательное сужение окружающего мира до мира частного субъекта. Поэты сосредоточили свое внимание на материальном и зримом мире, который воспринимался ими через предметы – артефакты – посредством чего возникало ощущение себя и окружающего предметного мира «на равных», обладающих равными возможностями к самовыявлению. Наиболее полно принцип предметности был воплощен в изображении *замкнутого пространства – интерьера*.

Ярким примером реализации этого принципа является поэзия Анны Ахматовой. Замкнутое пространство в ее поэзии заполнено разнообразными вещами, дробится на предметы быта, деталями интерьера, подробности обстановки и т.п.: *Да, я любила их, те сборища ночные / – На маленьком столе стаканы ледяные, / Над черным кофеом пахучий, тонкий пар, / Камина красного тяжёлый, зимний жар* («Да, я любила их, те сборища ночные...», Ахм.); *На истертном красном плюше кресел / Изредка мелькает тень его* («Здесь все то же...», Ахм.) и др. Само перечисление предметов видимого мира, выстроенное в естественные для языка линейные последовательности, – один из способов введения субъективного времени-длительности, возникающего при

существенными для понимания образа главного героя являются его отношения с губернерами, прислугой, крестьянами, помещиками, высшим светом Петербурга. Еще важнее дружба Онегина с повествователем и Ленским, родственные отношения с отцом и – косвенно – с дядей, любовь между Евгением и Татьяной. А наиболее значима рефлексия Онегина, которая помогла ему сформировать свой уникальный внутренний мир и стать «лишним человеком», одиноким вследствие его духовного превосходства над окружающими.

То, что душа Татьяны русская, принципиально, но для героини важнее ее отношения с няней и родными, а необходимее всего – любовь, и Пушкин постоянно подчеркивает это.

Автор романа «Евгений Онегин» настолько последователен в воссоздании иерархии отношений, что однажды выстраивает ее даже в лирическом отступлении (глава четвертая, строфы XIX–XXII). В нем поэт поочередно развенчивает дружбу, родство и любовь, с тем чтобы завершить свои иронические сентенции персонцентрическим призывом любить самого себя. В этом лирическом отступлении пушкинская ирония имеет серьезную подоплеку, будучи направленной не на логику рассуждений, а на категоричность рассуждающего.

Среди величайших произведений русской литературы имеется одно, в котором, на первый взгляд, нарушена иерархия отношений и наблюдается перекокс с сторону их национального компонента. Речь идет об эпосе Л. Н. Толстого «Война и мир». В ней сразу и едва ли не повсюду ощутима волевая установка автора на «мысль народную», т. е. на торжество русской идеи. И хотя главные герои в конце концов достигают согласия с ней, их духовные поиски, без которых роман не состоялся бы как великий, далеко выходят за рамки национального.

Итак, императивом для литературы является соблюдение иерархии отношений, в которой четко определена позиция национального компонента. Вернее, это императив для шедевров литературы. Его можно игнорировать, вооружившись методом деиерархизации, но тогда о высоком качестве произведений останется только мечтать, а их профессионально выверенная оценка растворится в дурной бесконечности релятивистских версий.

Н.С. Касюк (Минск)

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЕЩЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА В ПОЭТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА АКМЕИСТОВ

Пространственно-временной континуум неразрывно связан с вещественным наполнением, т.е. всем тем, что так или иначе организует пространство, собирает его, сплачивает, укореняет в едином центре [Топоров, 1983, с.234]. Лингвисты, занимавшиеся выявлением средств естественного языка, с помощью которых выражаются пространственные отношения в художест-

своих странах. В этих условиях для сохранения и расширения коммуникации на национальных языках целесообразно ослабить степень пуризма – умерить школьные требования к чистоте белорусского / украинского языков.

8. Одиозность терминов *трасянка* и *суржик*. Лингвонимы *трасянка* и *суржик* – это презрительные, уничижительные и депрессивные названия всякой белорусской/украинской речи, где есть явления русскоязычной интерференции (в том числе речи с минимальной интерференцией). Как бы ни определяли лингвисты феномен "трасянки" и "суржика" в теории и как бы нейтрально ни употребляли эти термины специалисты, однако на практике – в жизни, в СМИ – эти лингвонимы были и останутся оценочными и бранными словами, которые оскорбляют и деморализуют тех, чья речь названа с помощью этих слов. Одиозность лингвонимов *трасянка/суржик* чувствуется всеми, кто знает эти слова. Поэтому, стремясь к смягчению нравов и толерантности, обсуждаемые лингвонимы вообще лучше не употреблять или, по меньшей мере, не называть *трасянкой/суржи́ком* речь конкретных людей или групп говорящих.

9. О критериях нормативности русской речи в Беларуси и Украине. После распада СССР постсоветский русский язык стал языком полигосударственным, т.е. языком, который в суверенных государствах за пределами России имеет де юре или/и де факто определенный статус – второго государственного языка, официального языка, языка этнонационального меньшинства, языка межнационального общения и др. Полигосударственность сближает русский язык с такими языками, как английский, испанский, французский, португальский, немецкий, вьетнамский, суахили и ряд других языков.

Следствием полигосударственности русского языка стало то, что культурный узус в его употреблении за пределами России становится независимым от его официальной кодификации в Москве. С другой стороны, за пределами России, в условиях раздельной жизни постсоветских стран, усиливается регионализация русского языка. Поэтому в Беларуси и Украине в оценке нормативности русской речи необходимы более гибкие и более толерантные критерии. В каждой из трех восточнославянских стран полезно выработать именно свои критерии "правильного" русского, с учетом естественной дивергенции региональных вариантов русского языка.

При оценке литературности (нормативности) русского языка в Беларуси и Украине, как и при нормативных оценках белорусской и украинской речи, решающим признаком культурной речи является не ее безупречное соответствие московским нормам, а социальный престиж говорящих. В Беларуси и Украине пора более позитивно оценивать культуру русской речи своих элит. Следует признать, что русская речь образованных людей в наших странах соответствует культурному узусу литературного русского языка за пределами России и, если не хотеть конфронтации, а напротив, стремиться к смягчению нравов, то не надо упрекать говорящих по-русски в их в белорусском / украинском акценте.

Л.И. Харченкова (Санкт-Петербург)
НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ
РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

Каждой стране присущи свои языковые и культурные особенности, которые отражаются в рекламе как виде воздействующей коммуникации, опирающейся на наиболее сильные сигналы, обращенные к партнеру по общению. Если в рекламе не учитывается менталитет, этнокультурные особенности целевой аудитории, успеха иметь она не будет. Особенно это касается телевизионной рекламы, поскольку она является одним из самых эффективных методов донесения информации до потребителя, так как объединяет в себе вербальные и невербальные способы передачи информации.

Вербальное сообщение содержит аргументацию, апеллирующую к ценностям зрителя, личностным смыслом, социальной желательности, т.е. затрагивает широкий спектр мотивов, существующих в сознании реципиента. В невербальных стимулах этническая специфика может присутствовать: в поведенческих сигналах человека; в художественных приемах, отражающих задуманный эмоциональный настрой; в образах, имеющих конкретный знаковый смысл в культуре (метафорах, символах, знаках); в социальной символике, которую отражает имидж лица или персонажа, представляющего сообщение.

Изучение реального материала рекламной продукции ярко демонстрирует, что на сегодняшний день этнокультурный фактор оказывает существенное влияние на ценности и культурные принципы, кодируемые в коммуникативном сообщении и предназначенные вызывать эмоциональный отклик аудитории.

Россия – страна с богатым историческим прошлым, интересными традициями и обычаями. Это не могло не отразиться на жизненных установках россиян и, как следствие, на национальной рекламе.

К таким жизненным установкам можно отнести: *приоритет коллективизма* по отношению к индивидуализму; *тяготение к гедонизму*, особое отношение к *получению удовольствий*; *уход от повседневности, ориентация на чудесное, нереальное; социальный инфантилизм*, фатализм, представление о том, что от индивидуальных усилий человека мало что зависит; ориентацию на легкое и быстрое решение жизненных проблем, *неподготовленность действий*, не доведение дела до конца.

Так, в рекламе, созданной для российского потребителя, люди пьют пиво, чай и другие напитки вместе, с семьей и родными сидят за обеденным столом. Даже названия продуктов «Моя семья», чай «Беседа» и другие воплощают идею объединения, коллективизма.

Российская реклама *традиционна* – в ней часто используется образ семьи, который отражает наши обычаи, соборность. Этот образ хорошо обыгрывается в рекламном ролике таблеток «Мезим», где демонстрируется се-

венного анализа отношений среднего и особенно высшего уровня. В русской литературе XVIII в. к национальному также проявляется пристальный интерес, хотя в эту эпоху предпочтение отдано изображению сословных отношений.

Постепенное перемещение вверх по шкале художественного исследования отношений в XIX ст. привело русскую литературу к ее классической стадии. Творцы этой литературы составили духовную элиту России, составляют ее по сей день и, по большому счету, не имеют в этой номинации достойных конкурентов. Но еще важнее то, что русские писатели-классики входят в мировую духовную элиту, и там их имена находятся на самом вершине. Грибоедов, Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Достоевский, Толстой, Чехов, а в XX в. – Шолохов глубже других отечественных и зарубежных писателей проникли во внутренний мир человека, отразив типологическую полноту его отношений, и при этом, как правило, чтити отношенческую иерархию. В русской литературной классике с такой регулярностью утверждался приоритет личности, богатой сложными отношениями, что этот духовный тип был обозначен специальным термином – «лишний человек». К типу «лишнего» принадлежат либо тяготеют главные герои лучших произведений русской литературы, которую надо бы называть не русской классической литературой, а классической русской литературой, чтобы прежде всего подчеркнуть ее элитарность и лишь затем – национальное качество.

В классическом облике предстает перед читателем роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин». Белинский назвал это произведение энциклопедией русской жизни, но справедливость такой характеристики частична. Энциклопедичность является количественным параметром, указывающим на обилие зарегистрированных писателем фактов. Нетрудно заметить, что пушкинский роман менее энциклопедичен, чем многие крупные произведения мировой литературы, которая все же не располагает произведением лучше «Евгения Онегина». Дело не в энциклопедичности, не в широком наборе фактов, а в умении установить и художественно запечатлеть их иерархию – вот в чем доблесть писателя. А в иерархии фактов нужно отдать предпочтение отношениям, расположив их в строгой последовательности в соответствии с тем, как это происходит в реальности. Копирование здесь исключено: необходимо иметь чрезвычайно тонкое чутье художника, чтобы обнаружить ту глубину, которой не заметили другие.

В результате получится постижение человека через постижение отношений, или, если огрублять, – постижение жизни. И, конечно, не только русской жизни, хотя и русской тоже.

В романе «Евгений Онегин» национальный компонент занимает подобающее ему место. Пушкин не преуменьшает и не преувеличивает значимость национального, а органично вписывает его в структуру отношений. Например, Онегин одевается, как лондонский денди, безусловно владеет французским языком, а хандру Евгения автор именует русской. Однако более

Отношения представляют собой форму актуализации социальной деятельности, орудием которой является человеческая (вербализованная) психика. Отношения организуются по принципу психического доминирования, или власти. Они включают в себя субъектную (руководящую) и объектную (подчиненную) стороны. Отношения развиваются за счет дисбаланса между этими сторонами. Их равенство лишает отношения стимула. Точнее, равенство сторон отношения, возможное лишь как равенство между его субъектом и объектом, упраздняет разделение на субъект и объект и тем самым ликвидирует собственно отношение. Поэтому призывы придерживаться равенства в отношениях имеют исключительно психологическую мотивированность и являются философски бессодержательными.

Отношения образуют сложную структуру, в которой выделяются иерархические уровни, типы и виды. Иерархия отношений означает не только приоритет одних из них над другими, но и необходимость каждого более низкого уровня, типа и вида отношений для каждого более высокого. Иными словами, более простые отношения составляют инфраструктуру (необходимое условие существования) более сложных. Кроме того, по мере продвижения вниз по иерархической лестнице отношений возрастает степень отчуждения человека сначала от себя, а затем и от других людей.

Структура отношений выглядит так:

1. Высший уровень – отношение к себе, в пределе – самопознание. В отношении к себе объединены уровневый, типовой и видовой параметры.

2. Средний уровень – межличностные отношения. Их типы, от высших к низшим: а) любовь; б) родство; в) дружба.

3. Низший уровень – общественные отношения. Их типы, от высших к низшим: а) сословные отношения, основанные на имущественной дифференциации (классовые, профессиональные, кастовые и т. п.); б) этнические отношения, основанные на биологической дифференциации (расовые, национальные, родоплеменные и т. п.).

Таким образом, национальному принадлежит место в конце иерархии отношений, однако это не отрицает имманентности национального отношения. Оно входит необходимым компонентом не только в структуру отношений, но и в структуру личности, аранжируя ее индивидуальность. Через национальное в структуру личности внедряется один из элементов причастности к общему, без которого нельзя быть причастным к универсалиям: сознанию, познанию (мышлению), истине.

Прогрессивное развитие литературы сопровождается переходом от социотропизма к персонотропизму, поэтому для художника слова в процессе творчества важную роль играет определение меры значимости национально-го. Его гипертрофирование свойственно молодым литературам и является естественным этапом их становления. Так, национальный компонент отчетливо акцентирован в «Слове о полку Игореве», равно как и в большинстве произведений древнерусской литературы, в которых ощущим дефицит художест-

мейное торжество. Ролик типичен для России, где во время застолья нередко собирается несколько поколений и съедается больше, чем того требуется.

Особое место в психологии россиян занимает *получение удовольствий*. Удовольствия создают праздник, выражают протест против постоянной необходимости в самоограничении. Именно поэтому российская реклама такая *праздничная*. Российский потребитель видит множество рекламных сюжетов с темами вечеринок, семейных торжеств и других праздников. Достаточно вспомнить рекламные кампании таких продуктов, как легкий майонез «Кальве» (праздник - Новый год), пиво «Туборг грин», где показывается шумная вечеринка, шоколадные конфеты «M&M's» с их лозунгом: «*Супер упаковка - веселая тусовка*» и др.

Ориентация на чудесное и нереальное отражается в роликах, где проблемы решаются, словно по мановению волшебной палочки, с помощью рекламируемого товара (реклама стирального порошка «МИФ» – бельё мгновенно становится чистым по повелению «Мойдодыра»; реклама средства для мытья полов «Мистер Проппер» – герои ролика вызывают волшебника, чтобы тот помог навести порядок).

Такое русское свойство характера, как терпение, хорошо обыгрывается в ролике шампуня «Хербал Эссенсис», где девушку, ушедшую в ванну на минутку, ждет молодой парень. К тому моменту, когда она выходит он становится стариком: «*Дорогая, я уже чуть было не ушел!*»

Ориентация на власть, *социальный инфантилизм* широко используются в политической рекламе. Образы кандидатов представляются в контексте «проголосуйте за этого человека, и он сделает всё, чтобы Вам жилось лучше».

Ориентацию на *неподготовленность действий* отражает реклама стирального порошка «Лоск», в котором девушка перед тем, как встречать жениха, возвращающегося из плавания, обнаруживает на его любимом платье пятно. Вечная русская привычка оставлять всё на последний момент даёт о себе знать [Психология в рекламе 2003, с. 57].

В российской телерекламе сегодня нередко используются *мотивы радости и юмора*. (ролики шоколадных батончиков «Nuts» с «очеловеченными» белками в главной роли, сотового оператора «МТС» – «*Маша, выходи за меня замуж! Когда решишь, перезвони мне на домашний!*» и др.). Сюжеты этих роликов технически просты, однако точная нацеленность на русский менталитет неизменно вызывает у россиян улыбку.

В российской телерекламе часто применяется *апелляция к простому человеку*, используется образ «человека из соседнего двора», случайного прохожего, высказывающего мнение о данном товаре. Это можно наблюдать в серии реклам стирального порошка «TIDE» – «*Вы всё ещё не в белом? Тогда мы идём к Вам!*». Часто можно увидеть рекламу, созданную в форме ролика, снятого в квартире обычной семьи. При этом герои рекламы ведут себя естественно, как будто их никто не снимает: реклама подсолнечного масла «ЗЛАТО» - «*Мама, опять Вы жарите на этом растительном!!!*» – экспрес-

сивно выкрикивает героиня ролика. Для российской телерекламы вообще характерны *открытость и буйство эмоций* – рациональная реклама встречается гораздо реже.

В последнее время всё чаще в отечественной телерекламе используется приём, который называется *тестимониум*, предполагающий демонстрацию популярной личности в качестве посредника. Так Лариса Долина рекламировала в своё время средство для похудения «Суперсистема Шесть», Дмитрий Маликов – шампунь «Head & Shoulders», а циркониевый браслет – Вахтанг Кикабидзе [Ромат Е. 2004, с. 15].

В Америке в 70% рекламных роликов герои смотрят Вам прямо в глаза. Они убеждают вас, приводят аргументы, и, в конце концов, предлагают вам купить товар. *Четкость и прагматичность* американской рекламы прекрасно выражена, например, в таком ролике. К мужчине, на футболке которого написано "Вы" (*You*), подходит мужчина в футболке с надписью "Cinet.com". Он берет его за руку и подводит к третьему мужчине, на футболке которого написано "Лучшая цена" (*The Best Price*). Он соединяет их руки. Все трое улыбаются. Слоган "Cinet.com. Лучшие цены, высокотехнологичные товары".

В телевизионной рекламе США, важную роль играют традиционные ценности - *любовь, семья, патриотизм*. Большое место отводится здоровому образу жизни – спорту, правильному питанию. Возьмем, к примеру, такой ролик. Семейная пара – оба 45-50 лет – засыпают рядом в большой кровати. Ей не спится: "Дорогой, мне кажется, мы улываем, как корабль, в разные стороны. Ты уже не разговариваешь со мной тем особенным образом, как раньше..." Он не понимает ее, ей грустно, она опять пытается уснуть. Он поворачивается к ней и тихонько говорит на ухо "мультишным" голосом: "Я люблю тебя. Я люблю тебя очень сильно". Она улыбается, и они засыпают, обнявшись. Слоган – "Чудеса случаются" (*Magic Happens*) [Синица Е. 2005, с. 34].

Кроме этого, для американской телерекламы характерна *демонстративность*. Очень хорошо эта черта отражается в рекламе чистящего средства «Flesh»: В течение 30 секунд на экране крупным планом показывали пару очков. Левую линзу терли чистящей пастой, отчего на ней оставались царапины. Правую линзу чистили средством «Flesh» – и она блестела безукоризненной чистотой. Что могло послужить лучшим объектом для сравнения, чем очки? [Дрю Ж. 2002, с. 38].

Немецкая телереклама *информативна*, она тяготеет к аргументам и фактам, к логике убеждения. Это во многом информационная реклама, она говорит о цифрах, деталях, технических характеристиках.

В немецкой телерекламе к несомненным *ценностям относятся успех (карьера), быстрота, время, деньги*: «*Zeit und Geld sind aus einem Stoff, man kann sie gewinnbringend nutzen oder sinnlos vertun... Zielgerichtet auf Erfolg*», что переводится как: «*Время и деньги состоят из одного материала, их можно применять с пользой, а можно тратить попусту... Нацельтесь на успех*» (реклама консалтинговой фирмы). Или: «*Haben Sie einen kleinen Mo-*

Фотография из французского фильма, на которой были изображены молодой Бельмондо, в шляпе, а рядом с ним – девочка, оказалась для героя утраченной иллюзией о счастье. Он просит женщину «симулировать хоть как-нибудь кусочек настоящего счастья... хоть на чуточку... оказаться за дверью... пусть и не на самом деле... но просто поверить... Франция... улицы Парижа... прозрачный воздух. Я – Бельмондо, ты – девочка в белой водолажке», но настоящее хорошее кино, пусть и совсем короткое, не получилось. Мужчина запутался в жизни и оказался в пустоте, выход из которой – смерть... Как *post factum*, разговор женщины по мобильному телефону свидетельствует о том, что у нее «свое кино», свои повседневные заботы, своя жизнь, в которой для него не нашлось места.

В современной русской драматургии все же появился долгожданный «герой нашего времени». Им оказался Михаил из пьесы С. Решетникова «Бедные люди, блин» (2007) – оптимист по своему мироощущению. Молодой человек принимает обстоятельства своей жизни не как безнадежную данность, а борьбу за выживание. Подзаголовок «комедия, как моя жизнь, со всеми орфографическими и прочими ошибками» показала непростой путь самоутверждения Михаила в сложных условиях социума. Он борется с депрессией, завистью, тщеславием, бросил пить, разгружал вагоны, тихо тупея. Всю свою страсть направил на работу, которая заменила ему все – семью, дружбу, любовь. Сначала он считал, что грузить вагоны будет временно, временно не будет иметь квартиры, временно потеряет любимую женщину, но оказалось не так. Он предал и свою мечту стать драматургом, потому что страсть к деньгам победила. Успокоил себя тем, что «иногда предательство приносит прибыль» [С. Решетников]. Ирония, пронизывающая пьесу, горька, но в этой горячи – правда жизни.

Как видим, «переходные периоды» XX в. вывели на сцену модель героя-неудачника, *героя-жертву*, оказавшегося в ситуации одиночества и отчужденности. Его траектория выбора колеблется между «надо жить» и «так жить нельзя». Он оказывается жертвой не только обстоятельств, собственной психической надломленности, но и жертвой социального мироустройства, определившего экзистенцию его состояния. Однако на смену такому герою пришел новый, для которого приоритетными стали иные ценности.

А.Ю. Горбачев (Минск)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ В СТРУКТУРЕ ОТНОШЕНИЙ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Предметом литературы является сущность человека, репрезентированная комплексом отношений. Каждый писатель, художник и, шире, каждый человек пребывает в отношениях и высказывается о них. Поскольку язык (речь) служит инструментом отношений, всякое высказывание (включая, причем на ведущих позициях, художественное) прямо либо косвенно затрагивает их.

отправился в «горячую» точку, где героически погиб. В заключительной ре- марке узнаем, что умер от передозировки и его друг-наркоман.

Герой пьесы А. Северского «Возвращение героя» (2007) тоже не может «вписаться» в мирную жизнь. Его психика, как и многих других, кто прошел чеченскую войну, поражена вирусом. Для некоторых автомат стал «лучше хорошей зарплаты на гражданке» [А. Северский]. Сергей не хочет жить в нищете: «...водка и безденежье, не хочу быть быдлом. Пусть я романтик, который ничего не воображает, пусть... пусть убийца и геноцидчик, но ма- ма...мама... Я не за эти дурацкие железки сражался (Трогает медаль) [А. Северский]. Как и герой П. Казанцева, он понимает, что не может быть прежним, поэтому вновь возвращается на Кавказ. Как видим, это не только физические жертвы войны, но и психически надломленные, искалеченные душевно.

Эстетическая позиция «неустройства» является закономерной и для пьес молодых русскоязычных драматургов Беларуси, выведших на подмостки сцены *героя-жертву*, близкого социальным драмам В. Сигарева, И. Вырыпаева. Об этом свидетельствует пьеса Д. Балыко «Белый ангел с черными крыльями» (2005), в центре внимания которой – шокирующая правда о страшном одиночестве, всеобщем непонимании личности, не находящей нравственной опоры в обществе. Интрига обнаруживает себя уже в завязке пьесы: у девушки выявлен ВИЧ. Роковая ситуация определяет дальнейший ход событий и раскрывает жизненные перипетии Нины, которые в итоге приводят ее к самоубийству.

Внешний конфликт выстроен на противостоянии «отцов и детей» и постепенно переходит в конфликт внутренний – «в сферу мироощущения», акцент делается на противоречии в душе героя. Нина чувствует себя одинокой и никому не нужной в семье. Она теряет любимого человека, уходит с работы, бросает учебу в консерватории. Круг замкнулся: где выход? В материально обеспеченной семье все только внешне благополучно. На самом деле там царит отчужденность, отсутствует взаимопонимание и любовь. Архетип семьи утрачивает свое традиционное значение как опоры, демонстрируя изоляцию и разлад героев, живущих в одном доме (квартире). Атмосфера, царящая в семье, является причиной одиночества героини. И в то же время обнаруживает связь с социальными процессами времени – с духовной атмосферой постсоветской действительности.

К трагическому финалу – самоубийству – приводит своего героя и К. Стешик в пьесе «Мужчина – женщина – пистолет» (2005). Причина та же – гнетущее одиночество: «... абсолютное!.. Навсегда!.. Понимаешь?! Я – один!.. Один!..». Осознание того, что жизнь не получилась, порождает безнадежность и ощущение невозможности что-либо изменить. «*Это мрак, серая пустота, конец фильма, ничего не переменится*» [К. Стешик]. У героя этой пьесы фильма не вышло. Его жизнь, как «плохое советское кино»: рос без отца, мать умерла, квартиру продал, мечту о красивой жизни не реализовал.

ment Zeit für Ihr Geld?», т.е. «*У Вас есть чуточку времени для Ваших же де- нег?*» (реклама банка).

Существенной чертой немецкого национального сознания является *положительная оценка работающего человека*, что не может не отражаться на выборе мотивации рекламы. Категория авторитетности в немецкой телерекламе часто реализуется посредством ссылки на авторитетность производителя товара или успешного клиента фирмы.

Немецкая реклама часто *использует фразеологизмы, цитаты*, в том числе и в трансформированном виде, апеллирует к фоновым знаниям адресата, создавая «эффект узнаваемости» и вызывает положительные ассоциации. Несколько примеров из телероликов: «*Zurück in die Zukunft*» - «*Назад в будущее*»; «*Es war Liebe auf den Zweiten Blick*» - «*Это была любовь со второго взгляда*» [Синица Е. 2005, с.29].

В немецкой рекламе часто встречаются социальные мотивы, связанные с *необходимостью охраны природы, окружающей среды*: «*Warum es für die Umwelt besser ist, pulvertrocken zu lackieren*», что означает «*Почему для окружающей среды более подходят лаки в форме распылителя?* (слоган телерекламы лака для автомобилей).

Социальная реклама занимает существенную часть и английской телерекламы. Людям приятно чувствовать себя причастными к доброду делу. Поэтому они покупают йогурт Bio Green, сделанный на фермах, где с коро- вами обращаются хорошо.

Эмоциональность и отличное чувство юмора отражает английская пивная реклама. В рекламных роликах пива «Heineken» представлена идея обновления, которая нередко подается в юмористическом контексте: после пива музыкальный слух пианиста обостряется, руки гребцов на галере наливаются силой, плешивый судья, «опрокинув» банку пива, натягивая на голову парик с буклями, с удивлением обнаруживает, что у него стали расти волосы.

Большое место в английской рекламе отводится *традициям, обычаям, этикету*. Так, в рекламе соуса "Aah! Bisto" видим следующую картину: почтенная английская семья на обеде в ресторане. Глава семьи заказывает котлеты и удивляется, почему ему не принесли соус. Официантка отвечает, что к этим котлетам соус не полагается. Джентльмен стремительно встает, раздевается и остается в одних трусах. Все в ужасе. «*Вы полагаете, это приемлемо?*» – спрашивает он у официантки. Она мотает головой. «*Правильно. Неприемлемо*, – отвечает он. – *Человек должен быть одет, а котлеты поданы с соусом*». Слоган – «*Соус "Aah! Bisto" всегда кстату*».

В Японии создание рекламы не столь прозаичный и целенаправленный процесс, как на Западе. В рамках телевизионной рекламы японцы используют бесчисленные *вставки с натурными съемками (натуроцентризм)* – за- каты, стаи птиц над горизонтом, тростник, который гнется на ветру. Эти кадры появляются, совершенно неожиданно и, казалось бы, нелогично в середине любого ролика — что бы в нем ни рекламировалось. Если для западного че-

ловека быстрая смена изображений – это не более чем стиль монтажа, то для японцев она полна смысла. Японская реклама функционирует по принципу накопления знаков. И если в *Sony* и *Nissan* полагают, что природный пейзаж оттенит впечатление чрезмерной технологичности, то почему не показать кусочки природы?

В Японии реклама выступает как законченное произведение искусства. Часто на первый план выходит замысел рекламиста, а сам товар занимает незначительное место. Реклама в первую очередь показывает то, как используется товар или какие чувства испытываются при его применении. Японца интересует привлекательность товара для себя, его соответствие душевному настрою.

Для японской телевизионной рекламы также характерно *сопровождение видеоряда выразительным текстом*. Это не обязательно должен быть слоган – вполне возможно наличие просто каких-либо комментариев, оформленных утончённым начертанием.

В восточной телевизионной рекламе большой акцент делается на *жесты и мимику*, поэтому в отличие от европейской и американской рекламы она требует большого внимания при просмотре.

Японская телереклама редко бывает креативна по европейским меркам – скорее она стремится к *чёткости и простоте*. Рассмотрим рекламу центрального японского канала художественных фильмов: красивые и молодые женщина и мужчина сидят в ресторане. Он говорит: *"Это тебе маленький подарок - за то, что ты предпочла меня"* и протягивает ей часы. В это время другой молодой человек стоит в ожидании на огромном мосту в центре города. Девушка принимает подарок, смотрит на часы и стремительно выбегает из ресторана. Она бежит быстро, пробегает насквозь через дом, где идет праздничное застолье, перепрыгивает через преградившую ей путь машину и вбегает на мост. Юноша на мосту видит ее и устремляется навстречу. Она отталкивает его и бежит дальше. Влетает в свою квартиру и включает телевизор. Слоган - *"Отличный телевизор. Центральный японский канал художественных фильмов"*. Красота и тонкость этого ролика - в его деталях. В том, как красиво пронизывают лучи солнца мост, на котором стоит ожидающий девушку влюбленный. В том, что когда девушка пробегает мимо праздничного стола, на праздничном торте гаснут все свечи - так быстро она бежит.

Анализ телевизионной национальной рекламы показывает, что этнокультурные особенности народа, его ценности и менталитет отражаются в рекламном сообщении, что необходимо учитывать при проведении международных рекламных кампаний.

круговорот, по-своему несчастны. Это Маргоша («Маленькие радости живых»), Дина («Прощание с Родиной»), Слава-бизнесмен, «пускающий пузыри» («Баловни судьбы»). При этом нереализованность героя-неудачника создает атмосферу сочувствия. «Мои герои проходят свой путь покаяния, они жили несправедливо и были наказаны. Но они люди, и как все люди – *жертвы обстоятельств*. И имеют право хотя бы на нашу жалость. И не надо уменьшать силу и значение этого чувства. Оно объединяет и делает нас лучше», – говорит Е. Попова [Гончарова-Грабовская С. Я. Из частной беседы автора статьи с Е. Поповой 12 ноября 2007 г.].

Рубеж XX–XXI вв. продемонстрировал смену Нового и пост-Нового времени как период модерна – постмодерна, бифуркационных изменений, как период «становления порядка через хаос» [И. Пригожин]. Картина мира оказалась сложной, не укладывающейся в общепринятые рамки. Модель «советского человека», «героя-современника» сменилась моделью человека «постсоветского», «посттоталитарного». Современные драматурги стали активно ориентироваться на экзистенциальную проблематику, тесно связывая ее с социальной, поэтому философия существования *«социально-экзистенциального героя»* выразилась в поисках не столько смысла жизни, сколько в стремлении справиться с бременем своей судьбы, преодолевая страх, одиночество и заброшенность. Модель этого героя ориентирована на поиски самоопределения в новых условиях социума. Исследуя экзистенциальное сознание человека, драматурги показывают абсурдность бытия и жестокость повседневности, акцентируя внимание на отчуждении личности в дисгармоничном мире. В драматургии появился *герой-жертва* («Пластинин», «Агасфер» В. Сигарева, «Культурный слой» братьев Дурненковых и др.), сочетающий в себе трагизм провинциальной жизни и экзистенциальное сознание человека, ставшего *жертвой* социальной действительности. Как правило, это молодые люди, жизненные перспективы которых заменены безысходностью или фатальной обреченностью. В целом драматурги хотят рассказать о том, как тяжело быть подростком. Описание ужаса жестокой повседневности выходит за рамки натуралистической чернухи и демонстрирует нравственную деградацию общества. Герои понимают, что «они такие», но «так жить нельзя».

В начале XXI в. *«герой-неудачник»* реализовал себя в пьесах П. Казанцева («Герой») и А. Северского («Возвращение героя»), демонстрируя другую негативную грань социума – войну. В пьесе П. Казанцева «Герой» (2007) двадцатилетний Егор действительно является настоящим героем, получившим орден за боевые заслуги, но он не может «вписаться» в гражданскую жизнь, не может забыть войну: *«Война – это не поход в горы с инструктором, это не сплав под гитару по реке! Это червь, вирус, он поселяется здесь, в голове, навсегда. Это нельзя забыть...»* [П. Казанцев]. Стал пить, продал за сто рублей свой орден и в итоге вновь

ховном они – *жертвы*, хотя и одерживают победу, так как в любой ситуации верны себе, стоически принимают свой удел, претерпевают страдания, совершая свой выбор в пользу «надо жить».

Генетически с «жертвенностью» чеховских героев связаны герои пьес А. Вампилова, А. Володина, драматургов «новой волны» (Л. Петрушевской, А. Галина, В. Славкина, Л. Разумовской). Став жертвами, они не способны противостоять обстоятельствам, мучительно осознают свою обособленность, утрачивая при этом духовную целостность и стойкость. Им не присуща целомудренность, как чеховским героям, так как ценности утрачены, хотя тоска по ним обострилась. Как знак духовного дискомфорта – «бездомность». Разрушение дома, намеченное в пьесах Чехова, реализуется здесь полностью. Если чеховский герой был бесприютен, то эти герои бездомны. Дом как крепость, как опора и основа жизни исчезает. Оказавшись вне стен Дома, герой утрачивает чувство защищенности. Появляется целый ряд пьес, названия которых сигнализируют об этом неблагополучии («Старый дом» А. Казанцева, «Чужой дом» А. Кургатникова).

Отметим, что чеховские герои не утрачивают внутреннего, духовного пространства даже тогда, когда их изгоняют из дома (Сестры Прозоровы).

Следующий этап «жертвенности» *героя-неудачника* реализован в пьесах Н. Коляды. Растерянные и одинокие, они в большей степени поражены социальным страхом, чем герои вампиловские. Им не присущи духовно-творческие усилия, чеховская рефлексия, но они тоже не утрачивают надежду на лучшую жизнь, мечтая о «небе в алмазах...». Одни говорят: «*Домой ... Мы – домой*», хотя знают, что Дом давно утрачен; другие полны оптимизма: «*Ничего ... не беспокойтесь ... все будет хорошо ... Тут не будет хорошо, в Улан-Удэ уедем, к дочке ... Выживем ...*» («Полонез Огинского»). Им все равно, где жить, но они, как и чеховские герои, хотят вырваться из этого пространства, но не могут. Погруженные в будничную атмосферу, герои Чехова все же думали о бытии. Герои Н. Коляды приземлены, кричат, взывая к Богу, но, как говорит автор, – «Бог не дал им крыльев».

Герой-неудачник присутствует и в современной русскоязычной драматургии Беларуси. В творчестве Е. Поповой он близок героям пьес «новой волны». Оказавшись под прессингом времени, он мучительно сознает свою обособленность в общем процессе бытия и пытается понять себя, разобраться в себе самом. Среди них – рефлексирующий Корицын («Жизнь Корицына»), понимающий свою «несостоятельность», не способный вписаться во время, в ритм жизни. Терпит поражение Ольга («Объявление в вечерней газете»), кончает жизнь самоубийством Грэта («Златая чаша»), оказывается в одиночестве Ирина («Баловни судьбы»), не может найти свою нишу Финский («День Корабля»). Вызывает жалость Старик, живущий иллюзиями давних лет, тоскуя по советским праздникам и парадам на Красной площади («Баловни судьбы»). Одни герои продолжают свой жизненный марафон, другие – оказываются на его «обочине». И даже те, которые «вписываются» в

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА. ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА

О.А. Глушенко (Петропавловск-Камчатский)

ЭТНОЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ НА КАМЧАТКЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Этноязыковая ситуация на Камчатке складывалась столетиями, но самые существенные изменения в ней протекали последние 150 – 200 лет. Именно в этот период произошло перераспределение коммуникативных ролей и демографических позиций исконных аборигенных языков (корякского и ительменского), укрепление региональной разновидности русского языка в качестве основного средства межэтнического общения и закрепление эвенского языка как нового компонента этноязыковой ситуации.

В XVIII в. пришлое славянское население, смешиваясь с ительменами и отчасти коряками, дало начало новому этносу, состоящему из русскоязычных и двуязычных метисов (камчадалов). В дальнейшем русскоязычная прослойка пополнялась за счет новых приезжих, которые смешивались уже не с казаками, а с метисами. Одновременно интенсивно протекал процесс обрусения ительменов и коряков, который также стал основой для активного роста метисированного населения. К концу XVIII в. на полуострове насчитывалось уже около 3 тысяч камчадалов-ительменов. У камчадальской этнической группы, представители которой проживают на территории всего полуострова и компактно в Магаданской области (немногих более 500 магаданских камчадалов), имеются свои особенности в ведении хозяйства, укладе жизни, культуре. Средством коммуникации камчадалов является камчатское (камчадальское) наречие.

Этнические процессы ассимиляции, безусловно, отразились на состоянии контактирующих языков. Создалась такая ситуация, при которой именно русский язык преимущественно в его северновеликорусской разновидности стал основным средством коммуникации для метисированного населения. В результате процессов конвергенции сформировалось камчатское (камчадальское) наречие русского языка с ительменским и корякским субстратом. Поэтому в языке камчадалов-ительменов имеются специфические особенности грамматики, фонетики, лексики, объяснить которые можно только с учетом взаимодействия генетически различных языков полуострова.

На начальном этапе метисирования камчатское наречие использовалось в смешанных семьях для бытового общения или в сфере торговых отношений русских и коренного населения, обладало минимальным набором функций, сосуществовало с палеоазиатским этническим языком (ительменским или корякским). Само камчатское наречие воспринималось как этнически нейтральное языковое образование, поскольку его русская основа (в севернорус-

ской территориальной разновидности) преобразилась в условиях инофонного окружения. Со временем у камчатского наречия расширяются функции, становясь региональным языком, оно вытесняет исконный этнический язык и утверждается как единственная языковая система метисов. Этот процесс протекает параллельно с увеличением численности метисированного населения и исчезновением «чистокровных» ительменов и коряков.

Усиление камчатского наречия было пропорционально ослаблению корякского и ительменского языков. Сохранили свой этнический язык в XXI в. только коряки. В конце XX в. ительменский язык причисляли к исчезающим языкам Дальнего Востока, в XXI в. он уже является мертвым языком, поскольку не функционирует в качестве целостной динамичной коммуникативной системы, его социолингвистическую нишу заняло камчатское наречие. О таком статусе камчатского наречия мы можем говорить, опираясь на материалы многолетних диалектологических экспедиций лаборатории региональной этнолингвистики Камчатского государственного университета имени Витуса Беринга, научный коллектив которой собирает и изучает камчатское наречие в разных населенных пунктах Камчатки.

В настоящее время камчатское наречие употребляется во всех сферах общения. Малая часть камчадалов-ительменов пассивно владеет своим исконным этническим языком: это отдельные фразы и высказывания, устойчивые сочетания, речевые формулы и корпус фольклорных текстов на ительменском языке. В постоянной активной фазе, к великому сожалению, ительменский язык не фиксируется, а подавляющая часть современных ительменов-камчадалов одноязычны и изъясняются на камчатском наречии.

Известно, что ительменский язык до славянизации его носителей существовал в нескольких территориальных разновидностях, из которых в начале XX в. оставалась только западная ветвь. В западном ительменском языке многие исследователи различают северный (седанкинский) и южный (его называют сопочновским) диалекты. О ситуации с северным диалектом пишут объективно: менее 100 человек являются его носителями (подчеркнем, носитель языка может владеть им пассивно), тогда как о южном варианте западного ительменского языка рассуждают так, как будто это живая коммуникационная система, переживающая кризисное состояние, но сохранившая потенциал возрождения.

Например, в отчетных документах проекта ПРООН «Традиционные знания ительменов западного побережья Камчатки (с. Ковран, Тигильский район Корякского автономного округа)», опубликованном в 2006 году, утверждается, что при глобальном изменении и растворении в региональной славянской культуре самобытной этнокультуры ительменов «менее всего это произошло на западном побережье полуострова, где сегодня проживают ительмены, во многом сохранившие традиционный уклад жизни и использующие родной ительменский язык (два диалекта)» [Традиционные знания ительменов западного побережья Камчатки (с. Ковран, Тигильский район Корякского автономного округа) // Проект ПРООН/ГЭФ/00014641 Петропавловск-Камчатский, 2006, с. 7]. Далее указано: «Носители обоих диалектов

реалістычнай функцыі. Ён становіцца ясным і простым для тлумачэння. Галоўнай каштоўнасцю выступае чалавек, праца, стваральны ўчынак.

Такім чынам, можна зрабіць высновы, што Отакар Бржэзіна ад арыстакратычнага мастацтва з арыентацыяй на Ніцшэ і Шапэнгаўэра прыходзіць да сацыяльна-гуманістычных, жыццесцвярджалых тэм і матываў, хоць культ моцнай асобы характэрны для ўсёй творчасці паэта. Моцная асоба для яго – гэта ідэал, да якога павінен імкнуцца кожны чалавек. Вярыны сваёй папулярнасці паэт дасягнуў перад першай сусветнай вайной. У наступныя гады яго спадчына прыязна і цёпла ўспрымалася ў асноўным паэтамі самага маладога пакалення. Высока ацэньваў О. Бржэзіну В. Нэзвал. Для масавага чытача цяжкая для разумення сімволіка Бржэзіны засталася чужой і далёкай. Заслуга Отакара Бржэзіны перш за ўсё ва ўзбагачэнні паэтычнай мовы і імкненні адлюстраваць моц мастацтва. Чэшскі паэт стварыў свой непаўторны стыль, насычаны багатымі вобразамі, дзе ўзаемапранікаюць розныя жыццёвыя пласты. Сем гадоў насычанага творчага жыцця далі вельмі багаты плён і па сённяшні дзень захапляюць сапраўдных інтэлектуалаў і прыхільнікаў прыгожага пісьменства.

С.Я. Гончарова-Грабовская (Минск)

ГЕРОЙ «ПЕРЕХОДНОЙ ЭПОХИ» В РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ XX в.

В истории русской литературы XX в. принято выделять два «переходных периода», определивших его «рубежи»: к. XIX – н. XX и к. XX – н. XXI вв., отразивших разрушение старой «картины мира» и кризис веры в рациональное устройство [Кривцун О. А., 1998, с.412], пересмотр социальных и мировоззренческих иерархий. Принцип «экзистенции» как сути человека и мира стал доминирующим в это переходное время. И, как следствие, – крушение идеалов, отчужденность, апокалипсические настроения. В художественной парадигме драматургии происходит смена моделей героев, сочетающих старое и новое «видение». В их типологическом ряду выделяется «герой-неудачник», с явно выраженной «жертвенностью». Гены подобного персонажа проявились в пьесах А. М. Горького и А. П. Чехова. Подтверждение сказанному – герои пьесы «На дне», которые сродни бомжам пьесы М. Кучеркина и Г. Заславского «Бездомные». Все оказались «на дне», хотя шли разными путями, став *жертвами* социального мироустройства. И если горьковские герои жили в ночлежке, то бомжи, как известно, ее не имеют. В римейке И. Шприца «На доньшке» современная коммуналка с ее декорациями и атмосферой напоминает ночлежку: ее жильцы тоже уравниены в нищете, а их жизнь бессмысленна и безрадостна. Экспликация прошлого и современности подана пародийно.

Чеховские герои в обыденном, житейском понимании тоже не были благополучны и счастливы, считая, что им «не дано». Однако в смысле ду-

бачная праява таямнічага Нечага, як сімвал Невядомага. Паэт сам добра не ўяўляў сабе гэта Нешта. За ім стаяла ў Бржэзіны перш за ўсё безданыя небыцця, таму мы сустракаемся ў яго вершах з паэтызацыяй і апяваннем смерці (асабліва ў першым зборніку «Таямнічыя далі»). Але часцей за ўсё чэшскі паэт пад Нечым мае на ўвазе тайны Сусвету, космас, рэальны, але няведаны чалавеку. Калі-нікалі за Нечым хаваецца кара пра будучае. Паэзія Бржэзіны характэрны эмацыянальныя перапады: ад адчаю да радасці. Гэта тычыцца і яго асвятлення Таямнічага. Паэт амаль ва ўсім стараецца ўбачыць другі план, падтэкст. Ён жадае авалодаць «звышбачаннем», «звышпачуццём», «звышчуццём» і ў лірыцы перадаць усе няўлоўныя рухі і станы душы, а таксама праявы матэрыяльнага свету. Яго вабіць усё няпэўнае, зменлівае, цяжкаўлоўнае. У гэтым Бржэзіну параўноўваюць з чэшскім паэтам XIX ст. К. Г. Махам. Отакар Бржэзіна адмаўляецца ад будзённай плыні жыцця. Скрозь усю творчасць лейтматывам праходзіць тэма ахвярнасці – мастак сваё жыццё ахвяруе мастацтву. У гэтым вышэйшы сэнс, хоць ў рэальным жыцці чэшскі паэт пакутуе ад такой дабраахвотнай самаізаляцыі. Галоўныя адносіны, якія спрабуе наладзіць паэт, – не з сацыяльным асяродкам, а з прыродай, рознымі матэрыяльнымі стыхіямі. Бржэзіну цікавіць толькі нешта глабальнае (Сусвет, Вечнасць). Сам ён займае позу прарока, які назірае за чалавецтвам, прыродай, цэлымі пакаленнямі і народамі. Прыземлены і будзённы пласт чалавечага існавання ў Бржэзіны ўвогуле адсутнічае. Прадмет яго назіранняў і разважанняў – мікра- і макрасветлы. Для Бржэзіны ўласцівы вобразы абстрактныя, збіральныя. Калі гэта горад, то толькі як сімвал чалавечага быцця. Паэт імкнецца да раскрыцця пазагістарычнага пачатку любой з’явы. Асобныя дэталі мастацкай карціны Бржэзіны рэальныя, але ўсе разам яны ствараюць умоўнасць і незвычайнасць. У лірыцы Бржэзіны прысутнічае прасторава-часавая шчыльнасць: натуральнай дыстанцыі паміж прадметамі ён не захоўвае і парушае законы прасторы і часу. Галоўнай сваёй мэтай, дарэчы, як і мэтай мастацтва, ён лічыць максімальнае павышэнне змястоўнасці твора. Адсюль прага да невыказанага і невыказальнага, схільнасць да намёкаў і другіх планаў. Бржэзіна мастацкі твор успрымае як вялікі айсберг, зразумелы для ўсіх у якім знаходзіцца толькі над вадой, а ўнізе яшчэ хаваецца цэлы шэраг зместаў. Відавочна цяга чэшскага паэта да трансцэндэнтальнага, асабліва ў першых зборніках. Аднак паступова Бржэзіна пачынае ўсё часцей выказвацца адкрыта. Прасочваецца тэндэнцыя да стварэння вершаў-гігантаў (іх шмат у апошніх кнігах) і стварэння карцін-кангламератаў асацыяцый і ўяўленняў. Вершы, напісаныя перад маўчаннем паэта, прасякнуты ўжо сацыяльным вопытам і імпульсамі рэчаіснасці і яе канфліктаў. Ад песімізму чэшскі паэт ідзе да больш светлага бачання жыцця і свету, сузіранне змяняецца дзеяннем, што адлюстроўвае назва апошняга зборніка «Руки», якія выступаюць сімвалам дзейснага пачатку. Сімвал выкарыстоўваецца ўжо ў яго

проживают в селах Хайрюзово, Ковран, Седанка и Тигиль по западному побережью полуострова. В школах этих поселков ведется преподавание на ительменском с учетом диалектных особенностей региона» [там же, с. 8]. Другой источник уверяет, что ительменский язык изучается в школах как иностранный в объеме 2 часа в неделю с 1 по 8 классы [Садовникова Е. 2000, с. 32.].

В проанализированных нами источниках также неоднократно утверждается, что утратили разговорный ительменский язык только потомки русско-ительменских браков юго-восточной части полуострова (район г. Петропавловска-Камчатского, долин реки Авачи, Быстрой и Камчатки), кого и можно именовать камчадалами в отличие от ительменов.

Как показал этнолингвистический мониторинг Камчатки, реальная ситуация несколько иная. Ительменский язык изучается в учебно-педагогическом статусе родного языка в национальных школах. Но работающие в национальной школе учителя ительменского языка в большинстве своем не используют этот язык дома, в бытовом общении, как не делают этого сегодня и ительмены-старожилы Коврана, Тигили, Соболево и др. населенных пунктов. Основная причина – не с кем общаться на ительменском языке. В качестве популярных ительменских выражений изредка используются только отдельные вопросы, присказки, наименования («куда идешь», приветствия, охотничья терминология).

Ошибочное мнение о том, что ительмены западного побережья до сих пор активно владеют ительменским языком, объясняют сравнительно поздней славянизацией этой части Камчатки. Результаты мониторинга этноязыковой ситуации на полуострове, проводимого во время многолетних экспедиций лаборатории этнолингвистики, позволяют с уверенностью утверждать, что в настоящее время ительмены одноязычны и лишь отдельные старожилы (20–40-х гг. рождения) пассивно владеют национальным языком. Под пассивным владением языком мы подразумеваем способность человека понимать и даже употреблять отдельные слова и конструкции, оформленные в рамках определенной языковой знаковой системы, при отсутствии целостной и полноценной коммуникации на языке с развитием мысли в рамках диалогичной и монологичной речи.

Единым средством межэтнической коммуникации в населенных пунктах Камчатки является исключительно русский язык, у которого в коммуникативном пространстве полуострова существует три разновидности – литературный язык, городской диалект и камчатское наречие.

Следовательно, утверждение, что только камчадалы утратили разговорный ительменский язык, тогда как ительмены его сохранили, не соответствует реальности. В сложившихся условиях национально-языковой ситуации с середины XX в. доминирование русского языка стало неизбежным и было сопряжено с сокращением объема коммуникации на ительменском языке и дальнейшим его исчезновением. Сначала сокращалась сфера использования ительменского языка, потом переставали создавать полноценные и объемные тексты на этом языке, употребляли ительменский язык для по-

строения отдельных фраз, словосочетаний, наконец, ительменский язык переставал использоваться во внутренней речи, т.е. сами ительмены утверждают, что они с определенного времени стали думать на русском языке.

Языковая ситуация в 2008 г. такова: 50–40-летние и более молодые дети ительменов этнического языка не знают даже на уровне понимания. Представители поколения 60–80-летних ительменов не способны осуществлять целостную коммуникацию на ительменском языке, хотя отдельные представители сохраняют навыки русско-ительменского перевода, являя, таким образом, пассивное владение языком. Усилившиеся в последней четверти XX в. последствия «болезни» ительменского языка достигли критического уровня, и угроза его исчезновения реализовалась, национальный язык ительменов приблизился к так называемой «зоне мертвых языков». Вакуум регионально-языка заполняет камчатское наречие как единая коммуникативная система, на которой говорят и те, кто называет себя ительменами, и убежденные камчадалы.

На Камчатке в конце XX в. вопрос об ительменском языке и этническом статусе камчадалов и ительменов стал предметом спора, который обострился в связи с распределением льгот для коренного малочисленного населения Севера. Обсуждение социально-экономических и этноязыковых проблем малочисленных этносов приобрело политическую значимость, стали говорить даже о русском геноциде исконных этносов Камчатки.

Наша позиция в этом вопросе опирается на результаты полевой работы: ительменский язык мертвый. В настоящее время между современными одноязычными ительменами и камчадалами нет существенных этнических различий: жизненный уклад и территория проживания одинаковые, культурные традиции характеризуются синкретичностью, предки разных национальностей, средство коммуникации единое – камчадальское наречие, различия встречаются только в этническом самоопределении.

С нашей точки зрения, вопрос о современной этноязыковой ситуации в среде коренного населения полуострова необходимо рассматривать с учетом не трех, а двух языковых систем – ныне существующего корякского языка и камчатского наречия, которое функционирует на Камчатке вот уже несколько столетий и сегодня является основным и единственным средством общения ительменов-камчадалов. Если говорить об этноязыковой ситуации в среде всех малочисленных народов Камчатки, то необходимо учитывать и третий компонент – эвенский язык.

М.Ю. Григоренко (Белгород)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ

Предметом рассмотрения данной статьи является категория эвиденциальности, предполагающая специальное средство для обозначения того, что говорящий или другое лицо были автором или свидетелем высказывания. Сюда также относятся способы экспликации источника информации, обычно

сціплымі, нясмелымі людзьмі так і засталіся няпэўнымі, ціхімі, што напоўніла паэта вялікай пакорлівасцю лёсу і адбілася на яго творчасці.

Бржэзіна жыў вельмі адзінока, праца настаўнікам яго не задавальняла, і ўвесь вольны час ён аддаваў заняткам мовамі, індыйскай філасофіяй, сярэднявечнай містыкай. Шмат чытаў песіміста А. Шапэнгаўэра і сучасных ідэалістычных філосафаў – Ф. Ніцшэ і А. Бергсона. Чэшскі паэт быў добра знаёмы з сучаснымі паэтычнымі плынямі. Яго вабіў, галоўным чынам, французскі сімвалізм. У 1895 г. Отакар Бржэзіна здзіўляе чытацкую публіку і заяўляе аб сабе як аб сапраўды таленавітым паэце. Смерць бацькоў, няздзейсненае каханне спрыялі нараджэнню вялікага паэта. Свой уплыў на гэта аказалі заходнія паэтычныя школы і артыкул знакамітага чэшскага крытыка Ф. К. Шальды «Сінтэтызм у новым мастацтве». Першы зборнік чэшскага паэта «Таямнічыя далі» змяшчаў у сабе ўсе характэрныя рысы яго паэтычнага мастацтва: багатую метафору, смелыя сімвалы і вобразы, якія адлюстроўвалі негатыўныя адносіны да жыцця. Адзінае выйсце, адзінае святло Бржэзіна бачыў для сябе ў мастацтве, якое замяніла яму само жыццё, стала яго сурагатам. Настрой, эмацыянальная атмасфера зборніка песімістычныя: паэт адмаўляецца ад свету і яго радасцей. Смута свайго маладосці ён злучае з жыццёвым лёсам свайго маці (верш «Мая маці»). Другі зборнік «Світанне на захадзе» (1896) узмацняе гучанне думак першага зборніка. Ён пачынаецца вершам «Ранняя малітва» і заканчваецца ідэалістычным вызначэннем аўтарскіх адносін да жыцця і света: верш «Віно моцных». Зборнік «Вятры з палосоў» (1897) уяўляе сабой кульмінацыю метафізічнай тугі Бржэзіны і ў той жа момант становіцца пачаткам упэўненага адыходу ад сімвалізму і негатывізму. Зборнік «Будаўнікі храма» (1899) працягвае цікавасць Бржэзіны да пазітыўных жыццёвых каштоўнасцей. З бясконцага мноства чалавечых індывідуальнасцей, якія не разумеюць сэнсу свайго жыцця, паэт вылучае «будаўнікоў храмаў», пад якімі ён разумее паэтаў, мастакоў, мысляроў і духоўных павадыроў чалавецтва. Апошні зборнік «Рукі» (1901) – гэта сукупнасць і вяршыня ідэалістычнай філасофіі паэта і яго мастацкіх памкненняў. Ад настрой і перажыванняў першых кніг ён падыходзіць да паэзіі, якая аб'ядноўвае чалавецтва, яго гісторыю і космас у адно цэлае. Паэт спявае ад імя ўсіх гімн у гонар усяго жывога, усхваляе дзейснае жыццё. Чалавек стала змагаецца з цёмнымі сіламі зла («князямі ночы») і спадзяецца на перамогу. Развітаннем з чытачамі перад паэтычным маўчаннем Бржэзіны стаў верш «Тысяча сэрцаў спявала ў сэрцы тваім». Пасля выдання пяці паэтычных кніг Бржэзіна замаўчаў, жыў адзінока, адчужана. Адмаўляўся ад публічнай славы, прызнання. Нават адмовіўся ад прафесуры ў Карлавым універсітэце.

Усе канфлікты паэт імкнуўся вырашыць, максімальна паслабляючы кантакты з грамадска-бытавым асяроддзем. Ён захапляўся ідэалістычнай філасофіяй і таму хацеў разгадаць таямнічы сэнс быцця праз звышпачуццёвую інтуіцыю мастака. Матэрыяльны свет цікавіў яго толькі як

Нет, не означает. Термины тогда выявляют свою амбивалентную природу, когда разные научные подходы по-разному видят объект и предмет своей науки. В рамках одного подхода, одной научной традиции, одной методологии нет необходимости снабжать научным аппаратом каждый отдельно взятый научный труд.

Здесь дело в принципе: в невозможности одними терминами обозначать разные, по сути разные отношения. Ударяться в крайности – унифицировать терминологию или настаивать на полной терминологической автономности каждого отдельного «авторского» исследования – значило бы не замечать главного: методологической разницы.

В перспективе термины и категории гуманитарных наук должны становиться, с одной стороны, все более и более универсальными, что предполагает, с другой стороны, их правильное конкретное применение в конкретной ситуации. Фактически, в гуманитарных дисциплинах речь должна идти не о значении того или иного термина, а о терминологической цепочке, о «пучке» («матрешке») или системном блоке терминов, где сущность более высокого порядка проясняется через сущность более низкого порядка.

А.У. Вострыкава (Мінск)

АСАБЛІВАСЦІ СІМВАЛІЗМУ ЧЭШСКАГА ПАЭТА ОТАКАРА БРЖЭЗІНЫ

Мэтай нашага даследвання з'яўляецца вылучэнне пэўных асаблівасцей сімвалізму чэшскага паэта памежжа XIX–XX ст. О. Бржэзіны (1868-1929). Бржэзіна – адзін з самых вядомых і прадстаўнічых чэшскіх паэтаў-сімвалістаў. Яго літаратурная дзейнасць працягвалася вельмі кароткі час. Калі Бржэзіна выказаў усё галоўнае, што меў сказаць, ён замаўчаў. Таму яго апошні паэтычны зборнік і кніга эсэ засталіся няскончанымі. Як паэт, Отакар Бржэзіна не меў такой шырокай чытацкай аўдыторыі, як, напрыклад, Махар. Ён заўсёды быў паэтам для нямногіх. Сёння ён лічыцца аўтарам, дастаткова цяжкім для разумення і ўспрымання. Да сутнасці напісанага трэба прабівацца праз шэрагі зашыфраваных метафар. Хоць Бржэзіна ўспрымаецца як яскравы прадстаўнік чэшскага сімвалізму, тым не менш, паэт меў цягу да імпрэсіяністычнага метаду адлюстравання. Яго вершы, аднак, не абмяжоўваюцца апісаннямі настрояў і пачуццяў, а імкнучы да высокай адэінай паэзіі, якая павінна вырашаць праблемы цэлага чалавецтва. Бржэзіна з'яўляецца стваральнікам багатай колькасці вольных вершаў і прыгожага паэтычнага слоўніка, дзе часта сустракаюцца запазычаныя словы, ужыванне якіх акцэнтуюцца іх скакрыстаннем у рыфмах. Отакар Бржэзіна перажыў жыццёвыя трагедыі, якія паўплывалі на яго светаўспрыманне і настрой: за адзін тыдзень ён страціў бацькоў і застаўся душэўна спустошаным і адзінокім. Важнай вехай яго жыцця сталі адносіны са сталай жанчынай, пафіласофска і містычна настроенай Ганнай Памравай. Стасункі паміж двума

указываючы на ​​ее косвенный характер, поэтому в некоторых работах эта категория называется «пересказательной».

Используя определение, данное Р.О. Якобсоном в работе «Шифтеры, глагольные категории и русский глагол», эвиденциальность можно охарактеризовать как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений: говорящий сообщает о событии, основываясь на сообщении какого-либо другого лица, на снах (сведения, полученные путем откровения), на догадках (предположительные сведения) – косвенная засвидетельствованность – или на собственном прошлом опыте (сведения, извлекаемые из памяти) – прямая засвидетельствованность.

Исходя из сказанного, мы попытаемся доказать, что 1) категория эвиденциальности представляет собой семантическую языковую категорию; 2) данная категория имеет функционально-семантический статус в русском языке.

Наиболее целесообразным методом описания заявленных проблем является метод функционального описания в совокупности с антропоцентрическим подходом.

Являясь языковой семантической категорией, эвиденциальность обладает следующими специфическими признаками: наличием 1) универсального смыслового содержания (семантического инварианта); 2) специализированных языковых средств выражения; 3) прагматической направленности; 4) функциональной предназначенности; 5) межъязыковой универсальности.

Так семантическим инвариантом категории эвиденциальности является обозначение источника информации о передаваемом событии. Эвиденциальные формы базируются на вопросе «Откуда ты знаешь о данном событии?» Под «источником информации» подразумеваются те сведения, на которые опирается говорящий, продуцируя высказывание о некоем событии, т.е. было ли это событие (ситуация) воспринято (пережито) им прямым (непосредственным) образом или же косвенным (опосредованным) путем.

Он взял графин и стал пить из горлышка с такой жадностью, что я слышал его глотки и я видел, как дрожала его рука. (А. Куприн. Колесо времени) (непосредственный источник информации). *Сон, говорят, наваливается какой-то страшный - и все думают, што помер человек, а он не помер, а - сонный... (В. Шукшин. Горе)* (косвенный источник информации).

Категория эвиденциальности в русском языке охватывает довольно широкий и неоднородный круг явлений лексического, грамматического и синтаксического характера и реализуется с помощью системы специализированных лексико-синтаксических средств. Наиболее употребительными и типичными из них являются следующие:

1) частицы, восходящие к глаголам сообщения: *де, мол, якобы, дескать: Отказывал им грубовато: "Барин-де почивает", - говорил он, надменно оглядывая пришедшего с ног до головы (И.А.Гончаров. Обломов);*

2) сложноподчиненные предложения с придаточным изъяснительным, подчиненным модусному глаголу: *Говорят, что ваши яйца дьявольские (М.Булгаков. Роковые яйца);*

3) вводные обороты, выраженные модусным глаголом: *И этот голос чудно-новый, ей мнилось, все еще звучал* (М. Лермонтов. Демон);

4) обстоятельства, указывающие на косвенный источник информации, на выводной источник информации: *очевидно, по-видимому, ссылаясь* и т.д.: *В этом году, по-видимому, даже для архивариусов литературная деятельность перестала быть доступной*. (М. Салтыков-Щедрин. История одного города).

В качестве одной из основных черт языковой семантической категории как таковой является ее полевая структура, в которой определяющую роль играет членение «центр (ядро) – периферия». Функционально-семантическое поле эвиденциальности представляет собой единство семантических и функциональных характеристик структурированного множества лексико-синтаксических единиц языка, выделенных на основе общего (интегрального) семантического признака – эвиденциальности. Ядро функционально-семантического поля эвиденциальности составляют специально выработанные языком эвиденциальные частицы *мол, дескать, якобы, де*, указывающие на источник информации. Периферийную зону образуют другие лексико-синтаксические средства: например, глаголы, выполняющие метаязыковую функцию, и образованные от них существительные, синтаксические конструкции (безличные предложения) и др.: *Петров, говорят, поправился. Кажется, я закончу эту работу к сроку. Люди видели, как он бежал прочь. Предполагалось, что он будет ждать нас у входа*.

Категория эвиденциальности имеет прагматическую направленность, так как любое высказывание, в котором могут быть обнаружены эвиденциальные маркеры, не может ограничиться только передачей информации и указанием на ее источник, оставив без внимания признаки, свойственные говорящему субъекту в конкретной речевой ситуации.

Для высказывания, в котором реализуется категория эвиденциальности, наибольшую значимость приобретают: 1) намерение говорящего подчеркнуть, что он лично наблюдал описываемое событие: *Самолучно, у всех на глазах заколол двух фашистов*. (В. Шукшин. Мой зять украл машину дров); 2) намерение говорящего снять с себя ответственность за достоверность сообщаемой информации: *Когда же я, Илья Ильич, распускал? Это не я, а люди Ильинские сказывали, что барин, дескать, сватался...* (И. Гончаров. Обломов).

С точки зрения функциональной предназначенности основной функцией категории эвиденциальности является эксплицитное указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации. Кроме того, мы выделили следующие дополнительные функции категории эвиденциальности:

1) метаязыковую – разграничение в высказывании «своей» и «чужой» речи. *Или вдруг мощно заполнит темноту пьяный, но спевшийся, дружный хор, да оборвет: вот видели, мол, нас?* (А. Серафимович. Железный поток)(включение чужой речи в авторскую);

«термин» или «категориально-понятийный аппарат» становятся научными тогда, когда перестают быть одномерно-определенным. Иными словами, *объект и предмет* гуманитарного изучения (где-то здесь заблудились упомянутые нами «тема» и «идея»), которые сегодня обретают черты целостности, могут быть адекватно описаны языком такой терминологии, которая сама отражает целостный подход. Объект и предмет меняют методологию; методология углубляет представление о природе объекта; терминология, становясь языком целостной методологии при описании целостного предмета, становится однозначной (утрачивает многозначность) в строго определенном отношении.

Иными словами, исследователю приходится сначала выбрать язык общения (методологию), а затем уже объясняться на этом языке (оперировать терминологией).

3. Рано или поздно при обсуждении проблемы терминологии возникает вопрос вопросов – вопрос о гарантии объективности той или иной научной методологии.

Здесь сложно выдумать что-то новое, но еще сложнее придерживаться хорошо известного старого. Соответствие природы художественного произведения, художественного творчества определенной методологии исследования предполагает, прежде всего, наличие «системы координат», системы параметров, где четко разграничивались бы сами ключевые понятия «объективное – субъективное». Нет науки вообще; есть более или менее научная по своим установкам система координат. При этом критерий научности прост: чем более отношения «общее – частное» стремятся к интерпретации в парадигме «универсальное – уникальное», «сущность – явление», тем более в такой многомерной модели присутствует потенциал научности.

Это критерий научности, воспринятый с *формально-диалектической стороны*.

Со стороны *содержательно-диалектической* речь идет об интерпретации в целостной (многомерной) модели «абсолютная истина – относительная истина».

Вот почему термин, любой термин в науках гуманитарных, представляет собой своего рода матрешку, обнаруженную в других матрешках. И корректно сопоставлять не термины (маленькие матрешки), а методологические контексты (самые большие, «материнские» матрешки). Дискуссия на уровне частных терминов – это спор ни о чем, диалог слепого с глухим.

Сведение проблемы терминологии до уровня самой терминологии способствует тому, что научная продукция становится все более эссеистической, а терминология – все более авторской, субъективной, не связанной с научными традициями.

4. Означает ли сказанное, что к каждой монографии, диссертации, докладу или статье должен прилагаться соответствующий терминологический словарь?

социоцентрического типа), трагизм, сатира, идиллия (гармония персонацентрического типа), драматизм, юмор, а также четыре вида иронии как стратегии художественной типизации (комическая, трагическая, саркастическая и романтическая).

В рамках предложенной теории пафосов оказалось возможным и перспективным развивать теорию героики, трагизма и так далее. Можно, конечно, придерживаться иной методологии, следовательно, иной теории и, соответственно, предлагать иную классификацию. Однако следует определиться, по каким правилам дискутировать, по каким правилам дискуссия будет считаться научной. В программе по «Введению в литературоведение» читаем: «Сущностные характеристики типологических разновидностей пафоса – драматического, трагического, романтического, героического, сентиментального, сатирического, юмористического, иронического».

Спрашивается, как в этот перечень попали пафосы «сентиментальный» или «романтический»?

Бессмысленно дискутировать о семантических оттенках категории сентиментального; в данном случае непонятно, на каком основании сентиментальность становится пафосом («идейно-эмоциональной оценкой»? «модусом художественности»? «стратегией художественной типизации»?). Здесь проблема не в том, что неясен объем значения термина; проблема в том, что существует негласная научная традиция, согласно которой можно вполне легально позволить себе опустить теорию пафоса как некий информационный излишек (и, в конечном счете, пренебречь методологией, которой, по идее, должен придерживаться автор программы).

То же самое можно было бы сказать и в отношении терминов «тема», «идея», особенно актуальных для литературоведения, где доминировал пансоциологизм (хотя история терминов восходит к трудам Аристотеля). «Тема», «идея», «проблема» – это способы описания (классификации) морально-социальной проблематики. Однако с помощью этих терминов невозможно структурировать план содержания произведений, скажем, модернизма или постмодернизма. Вот почему в контексте целостного литературоведения данные термины бессодержательны, чтобы не сказать бессмысленны (хотя в иных литературоведческих системах они могут быть достаточно корректны).

Пафос и его разновидности, метод, содержание, форма, лирика, стиль, композиция, ритм, полифонизм, хронотоп, компаративистика – это все, так сказать, концептуальные термины, в отношении которых не вести дискуссию – значит, не уважать себя. А сколько существует терминов, казалось бы, узкоспециальных, «технических», не претендующих на концептуальность, но которым, тем не менее, никак не удается получить статус общепризнанных. К числу таких относятся жанр, жанровая модификация, рассказ, роман, романс, мотив – продолжать, опять же, можно бесконечно.

2. В подобной ситуации – ситуации «зыбкости», которая структурируется отношениями, регулируемые тотальной диалектикой, – сами понятия

2) интерпретационно-квалификативную (субъективно-оценочную) – выражение субъективного отношения к содержанию высказывания, например недоверия: *Екатерина Маслова продала своей хозяйке бриллиантовый перстень Смелькова, якобы подаренный ей Смельковым.* (Л.Толстой. *Воскресение*);

3) прагматическую – воздействие на адресата (говорящий ориентирует адресата на то, каким образом трактовать выраженную им информацию). *Вы, разумеется, слышали о моем якобы романе с вами?* (М.Горький. *Зыковы*) (информация должна трактоваться как недостоверная).

Категория эвиденциальности носит универсальный характер, так как находит формальное выражение во многих языках мира, хотя в каждом из них она обладает своими средствами выражения и имеет ряд специфических особенностей.

Основные результаты исследования:

1) эвиденциальность является семантической категорией, так как обладает набором специфических признаков (универсальное смысловое содержание; специализированные языковые средства выражения; прагматическая направленность; функциональная предназначенность; межъязыковая универсальность); 2) эвиденциальность представляет собой полевую структуру с ядерно-периферийной организацией.

Разрабатываемая в статье проблема имеет дальнейшую научную перспективу в плане классификации и систематизации всего комплекса средств выражения эвиденциальности. Актуальной является также попытка определить место каждого из них в функционально-семантическом поле данной категории.

Е.И. Дубовик (Белгород)

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С МОДАЛЬНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ

Смысловая сторона предложения привлекает в последние годы пристальное внимание лингвистов. Интерес к семантике предложения обусловлен тем, что именно в предложении заключен тот объект, раскрытием природы которого заняты в настоящее время многие науки, связанные с изучением процессов коммуникации. Этим объектом является мысль. Мысль, содержащаяся в предложении, обычно рассматривается как его смысл.

Содержание конкретных предложений может быть обобщено и представлено в виде семантической структуры, которая отражает объективную структуру ситуации, т.е. события. Семантика предложения неоднородна по своей природе, структуре и способам выражения. Это обстоятельство и различия в подходах при изучении смысла предложения привели к различным взглядам на содержание понятия «семантическая структура предложения». Под последним мы понимаем широкое толкование данного термина, которое позволяет объединить два глобальных уровня смысла, присущих каждому

предложению: объективный, являющийся отражением действительности, и субъективный, являющийся отражением отношения мыслящего субъекта к этой действительности.

Преимущество такого подхода, позволяет наиболее адекватно описать семантическую структуру предложения с модальным значением целесообразности.

Актуальность исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопроса о семантической (диктумно-модусной) организации предложения с модальным значением целесообразности.

Диктум как объективная часть смысла противопоставлен модусу как субъективной части смысла. Диктум охватывает объективное содержание предложения, в то время как модус сфокусирован на выражении собственно-субъективных смыслов. Данная точка зрения характерна для предложения, о чем неоднократно говорилось в работах Ш. Балли, Т.Б. Алисовой, Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, И.А. Нагорного, Т.В. Шмелевой. Таким образом, модус – это субъективное начало в семантической структуре предложения (высказывания).

И модус, и модальность связаны с прагматическим аспектом высказывания. Модальность (особенно субъективная), как и модус – это выражение позиции субъекта, отношение, основанное на точке зрения «взгляда» говорящего.

Под модальным значением целесообразности мы понимаем действие, которое можно рассматривать с точки зрения логичности, практичности, полезности, выгоды (прагматическая оценка). Субъект должен осуществлять поставленную или намеченную цель, разумно, практично полезно.

В предложениях с модальным значением целесообразности, субъект также осуществляет сознательный выбор, выбор предвдваряет поступок, принимает решение и может перейти к его претворению в жизнь.

В процессе анализа исследуемого материала были выделены следующие лексемы с модальным значением целесообразности: *безопасно, благоприятно, выгодно, важно, достойно, логично, лучше, любопытно, недурно, поучительно, практично, разумно, результативно, романтично, спокойно, уместно, удобно, хорошо бы, эффективно* и др.

Среди выделенных лексем представляется возможным выделить лексико-семантическую группу, в которой действие оценивается с точки зрения логичности, практичности, полезности (прагматическая оценка): *важно, выгодно, дешево, доходно, логично, оригинально, плодотворно, правомерно, прибыльно, практично, полезно, неглупо, сознательно, результативно, целесообразно, предусмотрительно, обдуманно, сознательно, обоснованно, экономно, эффективно* и т.д. Например, *Люди только ловят ее признаки, сияют, творить в искусстве ее образы, и все стремятся, одни сознательно, другие слепо и грубо, к красоте, к красоте... к красоте!* (Гончаров, Обрыв). – *Где же тут держат жильцов? У вас и кабинета нет. А выгодно это? – обратилась она вдруг к Нине Александровне* (Достоевский, Идиот).

СОЦИАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНОЕ В АСПЕКТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ

А.Н. Андреев (Минск)

КАВЕРЗЫ ТЕРМИНОЛОГИИ

1. В современных гуманитарных науках термины, как правило, двойственны, амбивалентны; они становятся конкретными (то есть собственно терминами – понятиями, которые обозначают определенное отношение) только тогда, когда регламентируются определенным методологическим контекстом. Меняется контекст – меняется содержание термина. Таким образом, терминология в науках гуманитарных не существует сама по себе, она «обслуживает» методологию – обретает конкретное содержание тогда, когда задано содержание общее.

Примеров, которые могли бы подтвердить сказанное, более чем достаточно. Остановимся только на одном из них. Возьмем термин *пафос*, который актуален в течение многих столетий, однако исследователям никак не удается превратить дискуссионное понятие в общепринятый термин. Бессмысленно говорить о пафосе *вообще* или, как нередко поступают теоретики, углубляться в *историю термина* пафос, в историю бесконечных перемен конкретных значений, отвлекаясь от его методологических характеристик. Так теория социологически ориентированного литературоведения, в частности, марксистского, трактовала пафос, принимая к сведению эстетические разработки Гегеля как разновидность «идейно-эмоциональной оценки» (Г. Н. Поспелов), последователи М. М. Бахтина предпочитают интерпретировать пафос как «модус художественности» (В. И. Тюпа); что касается целостного литературоведения, социологический вектор в котором, безусловно, присутствует, но не доминирует, то здесь пафос понимается как «стратегия художественной типизации».

В последнем случае под пафосом имеется в виду сгусток, ядро определенного мирозерцания, которое в качестве духовно-эстетической категории выступает стратегией художественной типизации, стратегией эстетического зарождения, развития и завершения определенного типа личности.

Исходным основанием является тип эмоционально-оценочного, идеологического отношения к миру, и результат такого отношения – художественная парадигма.

Таким образом, чтобы определиться с количеством пафосов и их духовно-эстетическим качеством, необходима теория пафосов (теория в рамках методологии). В предложенной «целостным литературоведением» системе отсчета обнаруживается десять разновидностей пафоса: героика (гармония

Особый интерес вызывают антипословицы, представляющие собой структурно-семантические трансформации отрывков из художественных произведений. Так, известные строки из стихотворения Н.А. Некрасова «Поэт и гражданин» (*Поэтом можешь ты не быть, Но гражданином быть обязан*) сегодня бытуют в такой форме: *Ученым можешь ты не быть, но кандидатом быть обязан* [КП в Белоруссии, 20.08.2008]; *Спортсменом можешь ты не быть, но кеды в школу брать обязан* [«Русское радио», 04.06.2008]; *Поэтом можешь ты не быть, но музыкантом быть обязан* [к/ф «В бой идут одни старики»].

Или сравните, например, строки из стихотворения А.А. Блока «На поле Куликовом» (*И снова бой! Покой нам только снится!*) и их вариант (*Приемщик стеклотары (сам себе): И вечный бой. Покой мне только снится*). Лексические замены (*снова – вечный, нам – мне*), обыгрывание значений полисеманта *бой* (в стихотворении А.А. Блока *бой* – «сражение войск, армий», в составе антипословицы – «битое стекло») изменяют и сферу функционирования текста, и его тональность.

Контрастность основана на противопоставлении (или отрицании) смысловых позиций прототекста и антипословицы, которое иногда сопровождается и интонационной трансформацией. Ср.: *Не уверен – обгони и убедись?* [«Русское радио», 30.01.2008]; *Как утомительна в России тишина* [КП в Белоруссии, 29.02.2008] и т.д.

Еще одной моделью создания антипословиц является контаминация, в результате которой из семантически разнотипного материала (двух совершенно разных по семантике и по сфере употребления устойчивых сочетаний) создаются словесные трансформы. Такие антипословицы выполняют, как правило, аттрактивную и развлекательную функции. Ср.: *Любишь кататься – имей сто рублей* [«Очевидец» представляет», 31.08.2008] (ср.: *Любишь кататься, люби и саночки возить* и *Не имей (не держи) сто рублей, а имей (держи) сто друзей*); *Храни честь смолodu, а язык за зубами* [«Русское радио», 15.07.2007] (ср.: *Береги платье снову, а честь смолodu* и *Держи язык за зубами*); *Что с возу упало, тому и глаз вон* [«Программа максимум», 25.08.2008] (ср.: *Что с возу (воза) упало, то и пропало* и *Кто старое помянет (вспомянет), тому и глаз вон*).

Таким образом, стремление человека к обновлению (в том числе и в сфере речевой практики) способствует «оживлению» классических текстов посредством включения в них реалий сегодняшнего дня. Такое «инструментальное» отношение к слову призвано усилить прагматическую направленность высказывания.

В различных жанрово-стилевых разновидностях текстов наблюдается разное употребление лексем, выражающих один и тот же тип оценки, имеющих в своей структуре одинаковые семантические компоненты, которые отличаются конкретными условиями употребления. Например, в публицистических текстах лексема *полезно* используется, главным образом, в ситуации заботы о здоровье и внешности человека. Соответствующие высказывания представляют собой профессиональные советы врачей всех специальностей, косметологов, парикмахеров, психологов и т.п. Круг инфинитивов, выступающих в сочетании с лексемой *полезно* в подобных конструкциях, невелик: как правило, это глаголы питания (*полезно есть, употреблять, принимать, пить что-либо, когда-либо*); глаголы физиологической деятельности, в семантической структуре которых актуализирована сема “желательно (или обязательно) для сохранения (улучшения) здоровья” (*полезно гулять, спать, отдыхать, работать, бегать, заниматься спортом* и т.д.); глаголы ухода за кожей (*полезно протирать, смазывать, очищать, умываться*) и некоторые другие.

В художественных текстах лексема *полезно* используется, главным образом, как приносящий пользу, способный принести пользу. *Если мое содействие может быть полезно для многоуважаемой Дарий Ильиничны, она может располагать мною вполне по своему усмотрению* (Брюсов, Обручение Даши). *Он видел, что участие его было более полезно и приятно ему самому, но мало облегчало положение Веры, как участие близких лиц к трудному больному не утоляет его боли.* (Гончаров, Обрыв). *Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству* (Пушкин, Капитанская дочка).

Лексема *полезно* активно сочетается еще и с глаголами интеллектуальной деятельности, называемыми отдельные операции процесса познания, вступая тем самым в синонимические отношения с лексемами *важно, интересно, любопытно*: *полезно (важно) вспомнить, напомнить, запомнить, помнить, усвоить, изучить, составить, сопоставить, проверить (проверить)* и т.д. Например, *Если уж проводить аналогию с "судом", то полезно вспомнить, что в руках у Фемиды – весы, готовые "качнуться" в ту или иную сторону*. В данном случае подчеркивается важность изучения какого-либо теоретического вопроса для субъекта, а также преимущество определенного способа или метода научно-познавательной деятельности.

Следовательно, лексический состав изучаемых конструкций обнаруживает яркий отпечаток стиливой принадлежности речи, а соответственно – зависимость от содержания и ситуации общения.

Итак, в настоящее время достаточно большое внимание уделяется прагматическому аспекту предложения, которое обладает большим потенциалом. Язык предоставляет говорящему (пишущему) разнообразные возможности выразить в предложении свое отношение к предмету речи, к ситуации, о которой сообщается, к адресату. Эта прагматическая триада, реализующаяся в разных предложениях или полностью, или в какой-то своей части и взаимодействующая с его семантической структурой, делает предложение языковой единицей, обладающей глубоким и неоднотупенчатым смысловым строением.

ВОСПРИЯТИЕ УСТНОЙ ИНФОРМАЦИИ БИЛИНГВАМИ

Материалом для анализа послужили данные социолингвистического обследования, проведенного сотрудниками отдела белорусско-русских языковых связей Института языкознания имени Якуба Коласа НАН РБ в 2002 – 2003 гг. В данной работе изучаются некоторые из существенных аспектов современной языковой ситуации г. Минска, а именно: характер языковых предпочтений при восприятии и продуцировании различных видов устной информации, т.е. особенности пассивного и активного владения белорусским и русским языками в условиях белорусско-русского и русско-белорусского двуязычия.

Изучение названных аспектов основано на анализе ответов на вопросы специально разработанной для данного социолингвистического исследования анкеты. Полученные в результате анкетирования данные прошли соответствующую статистическую обработку. Количественные данные об использовании белорусского и русского языков, отмеченных в ответах респондентов как языки предпочтения, и обоих языков, в равной степени используемых в той или иной сфере языковой коммуникации, сопоставлялись с такими показателями, как пол, возраст, национальность и образование. Это связано с тем, что доля лиц, владеющих языком и использующих тот или иной язык, находится в зависимости от названных факторов, влияющих в определенной степени на выбор языка общения. Результаты сопоставлялись с учетом параметров, существенных для данного исследования.

На основании анализа ответов участников опроса получены результаты, касающиеся выбора языка общения. Как показал анализ полученных данных, в варьировании преимущественного использования того или иного языка проявляются специфические особенности, закономерности, порой существующие в виде определенных тенденций.

Существенное влияние на выбор языка в разных сферах коммуникации оказывает образование, а также специализация полученного образования. Общее число лиц со средним образованием, принявших участие в опросе, составило 443 человека, с незаконченным высшим – 157 человек, с высшим – 400 человек. Распределение участников анкетирования по специализации проводилось среди лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Вопросы, поставленные в анкете, предусматривали также возможность сравнения ответов участников опроса, имеющих высшее и незаконченное высшее по гуманитарным дисциплинам. Очень принципиальным, как оказалось, явилось выделение группы респондентов с филологическим образованием («белорусский язык и литература», «белорусский и русский язык и литература» и «русский язык и литература»), поскольку язык специальности непосредственно связан с выбором языка общения и в других коммуникативных областях, помимо профессиональной деятельности.

Стопроцентное владение русским языком указали практически все из 400 опрошенных участников анкетирования, имеющих высшее образование.

Страховой агент – это человек, который желает нам добра после зла [А. Вальтер, В.М. Мокиенко 2006].

Сегодня видоизмененные фразеологические выражения (крылатые слова, пословицы, поговорки, устойчивые сочетания номинативного характера) активно используются в печатных изданиях, телевизионных передачах с целью повышения экспрессивности высказываний.

По каким же моделям создаются антипословицы?

Как показали наблюдения, наиболее частотны (94.63%) так называемые формальные трансформации, которые связаны с аддацией, субституцией, контрапозностью.

Аддация предполагает расширение лексического состава прототекста. Ср.: *Жизнь бьет ключом, и все по голове* [КП в Белоруссии, 20.03.2008]. Традиционно выражение *жизнь бьет ключом* употребляется при характеристике активной, насыщенной событиями жизни. Конструкция *и все по голове* расширяет семантические границы устойчивого сочетания. В антипословице актуализируется уже другое значение полисеманта *бить*, а именно: ‘ударя, причинять боль кому-нибудь, избивать’, а не ‘стремительно вытекать откуда-нибудь’, как в классическом варианте.

Ср.: *Если счастье не в деньгах, то шлите их мне* [КП в Белоруссии, 13.02.2008]. Эта антипословица по форме напоминает частное объявление. Она сформировалась в результате расширения состава известного выражения *не в деньгах счастье* и преобразования этой исходной конструкции в сложноподчиненное предложение, выражающее условные отношения. Образная семантика прототекста изменяется в результате всплеска новых ассоциаций, появления ноток легкого юмора. Это вполне логично, поскольку «всякое изменение формы есть тем самым уже раскрытие нового содержания» [В.М. Жирмунский 1977].

Или, например, один из героев к/ф «Татьянин день» любит повторять: *«Все болезни от нервов, а все лекарства на спирту»*. Установка автора на эмоциональное воздействие текста реализуется благодаря структурно-семантической трансформации конструкции *все болезни от нервов*. По сути, оно синонимично известному выражению *куда ни кинь, все клин* и отражает особенности восприятия действительности многими современными людьми.

Субституция характеризуется замещением компонентов классического текста, как правило, с сохранением его фразеосхемы. Например, известные выражения *Тише едешь – дальше будешь*; *Меньше слов – больше дел*; *На Бога надейся, а сам не плошай*; *Автомобиль не роскошь, а средство передвижения* трансформировались в такие антипословицы, как: *Меньше слов – дешевле телеграмма* [АиФ, 08.04.2008]; *Тише едешь – дешевле обойдется* [КП в Белоруссии, 17.12.2007]; *На кремы надейся, а сам не плошай* [«Русское радио», 22.08.2008]; *Сердце не роскошь, а средство переживания* [«Русское радио», 07.05.2008].

Как видно, замена ключевых слов и соотношение с новым референтом приводят к переосмыслению текста в условиях иной коммуникативной ситуации, переносят акцент на новый тип отношений в современном обществе.

также такие семантические категории, как «обстоятельства интервью», «событие, к которому приурочено интервью», «тема дальнейшей беседы». Вводная часть информационного интервью представляет собой макроструктуру текста интервью и содержит резюме его главной новостной информации.

3. Сигналами семантической структуры основной части интервью служат вопросы интервьюера. Вопросы могут носить как макротематический характер, так и служить для уточнения фактов и пояснения причин. Цель автора портретного интервью – создать образ личности интервьюируемого. Линейное развертывание основной части портретного интервью отражает прежде всего профессиональную деятельность участника и представляет последовательность событий прошлого, настоящего и будущего, выражаемых категориями «путь в профессию», «деятельность на современном этапе», «планы на будущее». Семантические категории «семья», «увлечения», «личностные качества» и др. носят вторичный и факультативный характер. В информационном интервью смысловым ядром является событие культурной, политической или общественной значимости. Параметры события ограничены изложением «сухих» фактов.

Таким образом, интервью различных жанров обладают разным смысловым фокусом: событие (информационное интервью) и личность (портретное интервью). Вопросительные реплики задают семантическую структуру текста интервью и направляют внимание читателя на извлечение информации и понимание смысла текста.

А.В. Чуханова (Минск)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ АНТИПОСЛОВИЦ

Изменения, произошедшие за последние десятилетия в социально-экономической сфере Беларуси и зарубежных государств, безусловно, оказали влияние на современное состояние объекта исследования лингвистической науки. Сегодня акцент переносится на выявление структурно-содержательной специфики новых жанровых форм, на изучение особенностей функционирования лексических единиц на рубеже веков и, конечно, на анализ результатов «праздника вербальной свободы», который позволил человеку «поиграть» с богатым словесным материалом. Один из итогов таких экспериментов – языковые инновации, которые в современной литературе все чаще называют антипословицами (ср.: *Ученье – свет, а за свет надо платить; Хорошо там, где нас нет, но плохо, что нас нет там, где хорошо; С миру по нитке – нищему на бизнес; Запорожец не только герой анекдотов, но и средство передвижения*).

Антипословицы используются не столько для передачи конкретной информации, сколько для актуализации социальных предпочтений XXI в. Ср.: *Евро баксу не товарищ; Реклама – двигатель торговли, топливом которому служит терпение телезрителей; Ученье – свет, а неученье – армия;*

Картина владения белорусским языком достаточно пестрая и далеко не однозначная: 52,7% владеют свободно, 25,3% «могут общаться», 17% «понимают» и 4,5% «читают и пишут» по-белорусски. Наибольшая доля лиц, свободно владеющих белорусским языком, принадлежит участникам опроса, получившим высшее гуманитарное образование – 57%. Несколько меньше, однако достаточно велико число лиц, получивших образование по естественнонаучным и техническим и другим дисциплинам, которые также свободно владеют белорусским языком, – 46,5 % и 39 % соответственно.

Следует отметить, что в целом преобладающее число лиц с высшим образованием владеет как русским, так и белорусским языками. Степень владения белорусским языком, по данным обследования, достаточно высока. В тех случаях, когда ответы свидетельствуют не о свободном, а об ограниченном владении языком, можно предполагать также долю их критического отношения к своим языковым навыкам. Тем не менее, степень владения обоими языками можно считать позитивным моментом в функционировании близкородственного двуязычия среди данной категории участников социолингвистического опроса.

Восприятие устных форм речи следует отнести к пассивному владению языком. Как показали ответы участников опроса, этот тип языковой коммуникации является наиболее приемлемым для большинства из них при использовании белорусского языка. По результатам данного социолингвистического опроса, доля лиц, использующих белорусский язык в процессе слушания лекций и передач на общественно-политические темы, выступлений на профессиональные темы, просмотра (слушания) кинофильмов и спектаклей, наиболее высока. Более того, она превосходит данные, полученные в результате изучения восприятия письменной речи. Предпочтительность русского языка составляет примерно 50%, что свидетельствует об использовании его в восприятии устных форм речи половиной участников опроса с разным уровнем образования. Это относится прежде всего к лицам с высшим образованием, 4% из числа которых отдают предпочтение белорусскому языку и 44,4% используют оба языка, слушая выступления на общественно-политические темы; 6,3% предпочитают белорусский язык и 36,3% оба языка при восприятии выступлений на профессиональные темы (всего 42,6%), и 57,5% (4,4% отдают предпочтение белорусскому языку и 52% используют оба) во время просмотра фильмов и спектаклей, это самый высокий показатель использования белорусского языка в нашем опросе. Смотреть фильмы и спектакли (т.е. воспринимать этот тип речи) по-белорусски может значительное число респондентов и с незаконченным высшим и средним образованием: 40% и 37,5% соответственно. Очевидно, именно эта сфера языковой коммуникации является наиболее приемлемой, эстетически организованная информация является более легкой для восприятия на обоих языках, поскольку, помимо звукового, здесь включаются другие органы восприятия.

Вопросы восприятия и продуцирования языка взаимосвязаны, однако имеют и свои отличия, в том числе обусловленные социальными и психологическими причинами. Степень реального владения белорусским языком

представляет серьезный исследовательский интерес. Среди участников социолингвистического обследования, имеющих высшее и незаконченное высшее образование, четко выделяются группы лиц, связанных с той или иной профессией, со специализацией полученного образования. В ряде случаев оказалось, что даже если работа непосредственно связана с языком, литературой, искусством, историей и т.п., встречаются лица, не назвавшие белорусский язык даже в качестве языка пассивного владения. Однако, как показывает практика непосредственной работы в этой области и изучение вопросов, связанных с языком общения, в том числе и пассивного, с учетом близкородственной природы русского и белорусского языков, такое восприятие белорусского языка является практически стопроцентным. Поскольку большинство минчан-билингвов окончили среднюю школу с русским языком обучения, в качестве языка предпочтения они чаще указывают русский язык. Тем не менее, следует принимать во внимание тот факт, что жители Минска, получившие среднее образование в Беларуси, изучали белорусский язык и литературу в качестве обязательных предметов школьного обучения.

Своеобразие языковой ситуации в г. Минске состоит в том, что в таких сферах языковой деятельности, как слушание лекций и передач на общественно-политические и профессиональные темы, чтение художественной литературы, прессы и специальной литературы используются оба языка – белорусский и русский. Просмотр кинофильмов и спектаклей, как мы и предполагали, в равной степени активизирует восприятие на обоих языках, из-за большей доступности и понятности, благодаря действию целой группы экстралингвистических факторов, зрительному и образно-эмоциональному воздействию на человека.

Результаты выборочного социолингвистического обследования представляются обоснованными и достоверными для характеристики языковой ситуации столичного города, поскольку они охватывают достаточно широкую аудиторию. Восприятие устной речи, по результатам нашего опроса, оказалось более легким процессом, по сравнению с восприятием письменной речи, однако он также зависит от объективных и субъективных факторов, в частности, от языковых навыков и индивидуальных склонностей воспринимающего субъекта. В обозначенной сфере языковой коммуникации участвуют оба языка – русский и белорусский. Преимущество остается за русским языком, однако белорусский язык также выполняет названные функции.

М.А. Раткевич (Минск)

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В БССР В 20-30 гг. XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛЬСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНЬШИНСТВА)

Под языковой политикой, вслед за Ю.Д. Дешериевым, понимается «концентрированное выражение идеологических и социальных принципов, определяющих политическое, теоретическое и практическое отношение той или иной идеологической системы и государства к функционированию, развитию и взаимодействию языков...».

Термин “вопрос” в интервью весьма условен, поскольку в формальном выражении он не всегда представляет собой вопросительное высказывание. Вопрос по смыслу может быть утвердительной конструкцией по форме: *Мне даводзілася неаднойчы чытаць, быццам бы рэйтынгі ў гэтай сёмай «Фабрыкі» былі самыя нізкія...* Вопросы-утверждения заранее сформулированы интервьюером и рассчитаны на определённый ответ. Адресатом таких вопросов-утверждений является читатель, которому сообщается дополнительная информация. Реплики коммуникантов в газетном тексте интервью могут иметь невербальный характер и выражаться только графически в виде последовательности знаков пунктуации. Например, ??? как реплика интервьюера выражает глубокое удивление и потребность в дополнительной информации, поясняющей предыдущее высказывание.

Связь реплик диалогического единства на семантическом уровне порождается единством темы и микротемы. Т. ван Дейк отмечал, что диалогическое единство – это тематическое единство. Тема представляет собой наиболее важный компонент семантической организации диалогического текста. Как следует из проведённого анализа, в рамках интервью происходит дробление общей темы на микротемы, равные по протяженности двучастным или многочастным диалогическим единствам. Тематические фрагменты диалога связаны с макротемой на лексико-семантическом уровне либо посредством ассоциативной связи. Как полагает И.В. Арнольд, общая предметная тема реализуется через систему номинаций в пределах тематического поля. Например, в интервью с Ольгой Плотниковой из газеты «Звязда» единство категории участника поддерживается группой номинаций «*дзяўчынка-запальнічка*», *артыстка*, *спявачка*, *маладая ды ранняя*, *папулярны выканаўца*, *вакалістка*, *Вольга Плотнікава*, *Оля*, *дзяўчына*. Начало тематического фрагмента обозначено инициальной фразой в форме вопроса, содержащей ключевые слова предметной темы последующей реплики либо группы реплик.

Как показали результаты исследования, портретное и информационное интервью имеют ряд особенностей структурно-семантической организации.

1. Заголовок печатного интервью вводит макротему или часть макротемы текста. Заголовок портретного интервью отвечает на вопрос, о ком говорится в интервью. В заголовке, как правило, отображено имя интервьюируемого и его главная мысль («*Віктар Бака: «Мае карціны як аўтамабілі «Ферары...»*; «*Weekend Interview with Pat Mandy*»). Заголовок информационного интервью отвечает на вопрос, о чем говорится в интервью, сообщает его главную новость («*Бальная сістэма будзе бездакорнай і празрыстай*»; «*A Call to Action in Darfur*»).

2. Вводная часть представляет собой верхушку семантической структуры интервью. Вводная часть портретного интервью характеризуется наращиванием информации об участнике с целью восполнения пресуппозиционной лакуны. Чем меньше читателю известно об интервьюируемом, тем более развернутой является вводная часть, охватывающая факты биографии, основные профессиональные достижения и т.д. Вводная часть может включать

ляется его двуадресность. Интервьюер задает весь ход коммуникативного обмена и выстраивает сценарий беседы с интервьюируемым в расчете на восприятие читателя, стремясь соответствовать его коммуникативным ожиданиям.

Исследуя особенности смысловой структуры диалогического текста мы рассмотрели 38 газетных интервью с известными общественными деятелями и выдающимися представителями науки, культуры и искусства в белорусскоязычных изданиях «*Звезда*», «*Культура*», и англоязычных изданиях «*The USA Today*», «*The Toronto Star*». Материалом для исследования послужили интервью двух типов с разной стилистической фактурой и смысловым центром: портретное интервью, коммуникативная цель которого дать представление о личности интервьюируемого, и информационное интервью, ориентированное на получение информации, не связанной непосредственно с личностью интервьюируемого.

Каждое конкретное интервью имеет свои особенности на уровне структуры текста и её компонентов, однако композиционная организация письменного текста интервью остаётся стабильной и включает заголовок, вводную часть и собственно интервью. Семантическая структура интервью определяется его диалогическим характером, интенцией адресанта, зонами пересечения пресуппозиций. В основе содержательной композиции интервью как диалогического текста лежит структурно-семантическое объединение взаимообусловленных реплик, которое Н.Ю. Шведова предложила называть диалогическим единством. Формально такое объединение чаще всего представляет собой комплекс вопросно-ответных конструкций.

Размещение вопросов и связи между ними являются важными факторами в организации семантики текста интервью. Коротко означая темы следующих за ними сегментов текста – ответов, вопросы делают содержательную структуру текста легко обозримой. Читатель может получить представление о теме или микротеме, опираясь на выделенные жирным шрифтом вопросы интервьюера.

Проведённый анализ позволил выделить гибкую и жёсткую схемы смысловой композиции текста интервью. Текст интервью с гибкой композицией отличается тем, что вопросы в нём можно менять местами, так как они едины лишь своей макротематикой, предметом разговора. Перестановка вопросов может привести к изменению акцентов, но не повлияет на смысловую связанность и цельность текста. В исследуемом материале такая структура встречается преимущественно в информационном интервью и в портретном интервью анкетного плана. Портретное интервью зачастую предстаёт в форме зафиксированного спонтанно порождаемого диалога, в котором реплики носят полифункциональный характер (и стимул, и реакция); ответ интервьюируемого инициирует последующий вопрос. Перестановка вопросно-ответных единств здесь невозможна без нарушения логических связей. На более часто (80% исследуемых текстов) интервью имеет смешанную композицию, при которой к заранее подготовленным вопросам интервьюер добавляет уточняющие.

Вопросам, связанным с сосуществованием и развитием наций и языков на территории бывшей царской России, посвящен один из первых законодательных актов советской власти – «Декларация прав народов России». В этом документе провозглашены принципы равенства и суверенности народов России, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств. Именно эти постулаты легли позже в основу первой конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии, которая была принята в 1919 г.: свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды, полное и всенародное бесплатное образование, равные права всех граждан ССРБ, независимо от их национальной или расовой принадлежности.

В 1923 г. состоялась Всебелорусская конференция КП(б)Б по национальному вопросу. В резолюции конференции одним из условий успешного возрождения советской Белоруссии называется и укрепление культурно-просветительской работы на родных – белорусском, еврейском, русском и польском – языках. В этом документе эти языки впервые упоминаются как официальные языки БССР, на которых в ближайшие годы будет организован выпуск периодических изданий, начальное, среднее и высшее образование, работа общественных и культурно-просветительских организаций.

Как официальные языки БССР белорусский, еврейский, русский и польский были закреплены и в Конституции БССР 1927 г. Статья 23 Конституции гласила, что «опубликование важнейших законодательных актов производится на белорусском, еврейском, русском и польском языках». Белорусский язык определяется как «язык, преимущественный для сношения между государственными, профессиональными и общественными учреждениями и организациями», так как в БССР преобладало население белорусской национальности. Однако граждане БССР имели право свободно пользоваться родным языком на съездах, в суде, управлении и общественной жизни. Все четыре языка имели равные права в государственных и общественных учреждениях БССР, а национальным меньшинствам обеспечивалось право и реальная возможность обучения в школе на родном языке, о чем свидетельствуют данные по различным сферам общественной и культурной жизни поляков, проживающих в БССР в 20-е гг.

Непрерывно, начиная с 1918 г., на территории Беларуси выходили периодические издания на польском языке: газета «Молот» (1918-1926), «Звезда молодежи» (1922-1928), «Пахота» (1926-1937). В Дзержинском районе издавалась газета «Штурмовик Дзержинщины» (1932-1937). В 20-е гг. на территории БССР действовало несколько польских театров, самым крупным из которых был государственный польский театр Беларуси (основан в 1926г). В Минске с 1922 г. существовало книжное общество «Культура», которым с 1922 по 1927 гг. было издано 115 наименований польских книг, в основном учебно-методического характера. Они были необходимы для польских школ, число которых на протяжении 20-х гг. постоянно увеличивалось: с 73 в 1921/22 учебном году до 111 в 1926/27 учебном году. В 1928 г. польских школ было 145, а в 1934 – 252. К сожалению, нет статистических данных по

польским школам в 30-е гг. Как уже отмечалось выше, подготовкой учительских кадров занимался Польский педагогический техникум, основанный в 1922 г. на базе педагогических курсов. В 1932 г. был создан Дзержинский район, в котором проживали преимущественно поляки. На территории автономии официальным языком являлся польский язык, работали польские национальные советы, суды, выходила газета.

В конце 20-нач.30-х гг. на страницах польскоязычных изданий развернулась дискуссия о необходимости реформы польской орфографии, результаты которой были представлены в 1932 году в сборнике «Дискуссионные материалы по реформе польской орфографии». Дискутировали, прежде всего, по конкретным изменениям в орфографии: в каких случаях уместно писать «i», а в каких «j», делать или не делать различий в отражении на письме таких звуков, которые произносятся одинаково, например, y/ u, i/rz и т.д. Основным аргументом необходимости проведения реформы является то, что новая орфография облегчит обучение народных масс и таким образом имеет непосредственное отношение к скорейшей победе социализма.

Реформа польской орфографии, однако, не была осуществлена. В 30-е гг. начался так называемый откат от поддержки национальных меньшинств, развития их языков и культур. Реформы касались, в первую очередь, сферы образования. С одной стороны, расширялась сеть образовательных учреждений, прежде всего, школ. С 1930 г. введено всеобщее обязательное начальное обучение в объеме не менее 4-летнего курса национальной школы, а также всеобщее обязательное обучение в объеме школы-семилетки всех детей, окончивших первую ступень (4-летнюю школу). Был взят курс на развертывание сети фабрично-заводских школ-семилеток.

С другой стороны, как отмечают исследователи, уже к середине 30-х гг. начало сворачиваться национальное обучение, которое к концу 30-х гг. практически перестало существовать. Можно сказать, точку в этом вопросе поставило Постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 13 марта 1938 г. «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей», которое в марте-апреле продублировали все союзные республики. За этим последовали реальные мероприятия, такие, как увеличение количества часов на изучение русского языка, расширение подготовки учительских кадров и соответствующей методической базы. О негативной тенденции развития процесса образования среди польского меньшинства БССР свидетельствует факт отсутствия конкретных статистических данных по изучению польского языка в школах и по организации польских школ в БССР с середины 30-х гг. Вместе со школьным образованием ликвидировались и другие очаги общественно-культурной жизни польского населения БССР: в 1937 г. прекратился выход газеты «Пахота» на польском языке, в июле 1937 г. Постановлением ЦИК БССР был ликвидирован Дзержинский район. Образование на польском языке, а также издание газет, существование общественных объединений стало возможно только в конце 80-х гг. XX в.

Подводя итог, можно сказать, что культурная и общественная жизнь национальных меньшинств, проживающих на территории БССР в 20-30-е гг.

‘1) хватка у собак, при которой челюсти долго не могут разомкнуться; 2) (у кого) о действиях того, кто не отступит, пока не добьется своего’ (МАС, II, с. 225) и ФО *мертвая петля* ‘2) одна из фигур высшего пилотажа, полет по замкнутой кривой линии в вертикальной плоскости’ (МАС, II, с. 225), имеющие общий компонент *‘мертвая’*. Семантика (причем сразу оба значения) одного ФО накладывается на семантику второго, а исходные фразеологические образы, мотивирующие каждый из фразеологизмов, сливаются в один сложный, парадоксальный и, безусловно, гиперболизированный образ. При этом входящие в состав трансформы фраземы усиливают экспрессивность друг друга, а стилистическим результатом игры значений становится авторский каламбур.

Окказиональные преобразования фразем и паремий в русских газетных текстах могут также осуществляться с помощью различных сочетаний индивидуальных приемов. Спектр сочетаемости приемов ситуативных преобразований является весьма разнообразным. При этом чаще всего сочетаются приемы, отмеченные изменением количественного состава ФО и паремий, (преимущественно те из них, которые направлены на сокращение количества компонентов клише: редукция, эллипсис и др.) с приемами, основанными на сохранении номинативного состава клише (замена, негация).

Таким образом, широкое употребление в русских газетных текстах окказионально трансформированных узуальных клише позволяет нам говорить об индивидуально-авторском преобразовании фразем и паремий как о системном признаке языка газетной публицистики.

Л.С. Соболевская (Минск)

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТА ГАЗЕТНОГО ИНТЕРВЬЮ НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Осмысление такого сложного явления, как текст, невозможно без учёта семантического аспекта. Существующие методы отображения семантической структуры текста различаются разнообразием подходов. Содержательный анализ текста ведётся с позиций ключевых концептов (А. Вежбицкая, Ю.С. Степанов), смысловых узлов (И.В. Арнольд, Л.Н. Мурзин), информационных инвариантов (И.Р. Гальперин, Т.М. Николаева), методик формализации (А.И. Новиков, Т.П. Карпилович), когнитивного анализа (Т. ван Дейк, А.Г. Баранов). Проблема компонентов семантической структуры текста трактуется в современной лингвистике неоднозначно и не является окончательно разработанной. Некоторые её аспекты, как представляется, могут быть уточнены в связи с анализом диалогических текстов.

Жанр интервью многие лингвисты (Н.М. Кожина, Г.Я. Солганик) называют самым актуальным жанром современной публицистики. Интервью в газете представляет собой сложный диалогический текст, в рамках которого проявляются черты как устной, так и письменной речи. Наличие цели, планирования и контролируемого взаимодействия отличает интервью от повседневного разговора (М.В. Стрельникова). Своеобразной чертой интервью яв-

воначальному смысл. Изменение структуры клише в данном случае ведет к нарушению его смысловой целостности. Например, индивидуально-авторская негация осуществлена в газетном заголовке «Хозяин – не барин» (о произвольных перепланировках в многоквартирных домах) (СБ, № 7, 2007, с. 14). В окказиональном варианте паремии “*Хозяин – барин*” предикативная структура перешла из утвердительной в отрицательную, а смысл исходной паремии обратился в противоположный. Кроме того, автор, выражая свое отношение к излагаемой в статье информации, усиливает дидактизм исходной паремии, придавая ей характер запрета.

Внутрисистемные изменения клише, основанные на замене компонентов, преобладают над другими видами трансформаций. Во фразеологизмах и паремиях, извлеченных из русских газетных текстов, наблюдаются замены различного характера: заменяемый компонент клише и его субститут могут связывать отношения паронимии, антонимии; субституты могут подбираться по тематическому принципу (заменяемый компонент и его субститут объединяет общность тематики), просодическому принципу (заменяемый компонент и его субститут объединяет схожесть звучания, при этом ритмическая организация клише подвергается минимальным изменениям) либо не быть связанными с исходными компонентами никакими внутрисистемными отношениями.

В составе многокомпонентных фразеологизмов и паремий могут также одновременно замещаться два и более компонента клише. При этом в качестве субститута могут выступать не только отдельные слова, но и группы слов, предложения, части других фразеологизмов и паремий. Однако замена в таких масштабах встречается преимущественно в художественной литературе, но не в газетных текстах.

Перестановке, разрыву, негации и замене компонентов при окказиональном употреблении фразеологических оборотов и паремий противопоставляются приемы, отмеченные отклонениями от количественной стабильности компонентного состава. Здесь возможны три случая: распространение клише, его сокращение, а также контаминация фразеологизмов или паремий, имеющих общий компонент либо семантический блок.

Распространение ФО наблюдается в газетном заголовке «Допрос с криминальным пристрастием» (статья о жителе населенного пункта Н. под Бобруйском, совершившем самосуд над односельчанином) Сергей Голесник (СБ, № 7, 2007, с. 4). Здесь исходный ФО *допрос с пристрастием* ‘(устар.) допрос с применением пытки’ (МАС, III, с. 444) осложнен вклинившимся окказиональным атрибутивным компонентом ‘*криминальным*’, уточняющим и гиперболизирующим значение фразеологизма.

Окказиональная контаминация двух фразеологизмов произошла в заголовке «Хватка мертвой петли» (статья об авиакатастрофах) Татьяна Щедренко (СБ, № 6, 2007, с. 10). Так газетный заголовок отражает отношение героев статьи к своему увлечению: всевозможные авиатрюки так захватывают и увлекают пилотов, что хочется повторять их снова и снова, несмотря на риск для жизни. В заголовке друг на друга были наложены ФО *мертвая хватка*

(в том числе и поляков), получила интенсивное развитие благодаря проводимой в это время языковой политике. Такая политика позволила многим национальностям вернуть в активную жизнь свою культуру и язык, что создавало неповторимый облик культурного пространства Беларуси.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

А.С. Белая (Нежин)

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ В НАИМЕНОВАНИЯХ РЕАЛИЙ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

Целью нашего исследования является рассмотрение условий функционирования и формирования социальной терминологии на современном этапе развития общества, описание и представление социальной маркированности терминов, репрезентирующих социальную картину, социальное пространство жизни современных социумов. Материалы этих исследований много раз общались автором на различных конференциях («Язык и социум» – 1998, 2000, 2002, 2004, 2006 гг. в Минске; на конференциях по терминологии в Украине, в Санкт-Петербурге и т.д.).

Современное общество находится в таком динамичном процессе своего развития, что приходится говорить не только об особенностях функционирования многих языков в определённом социуме, но и об их роли в расширении, обогащении и формировании огромного пласта слов, называющих реалии социальной действительности к. XX – н. XXI в. Особенности современной массовой коммуникации, имеющей характер информационный, пропагандистский и воздействующий, а следовательно, экспрессивный, обусловили широкое использование элементов разговорной речи даже в таком пласте слов, как социальная терминология. Раскрывая особенности её формирования на современном этапе, на наш взгляд, следует не забывать о том, что социальные термины не только информируют и являются средством коммуникации, но и отражают ментальность представителей многоязычного социума. Поэтому в средствах массовой коммуникации наблюдается использование строго официальных, получивших широкое применение терминов: *гонка вооружений, ваучеризация, приватизация, регионализм, народный Рух, спикериада, массовая коалиция, выборы по-украински, герои Майдана, идеалы Майдана, регионалы, кучмисты, бютовцы, ющенковцы* и т.д., среди которых, как видим, много слов, называющих реалии украинской действительности, т.е. имеющих социальную маркированность и привязанность к жизни определённого социума.

Давно замечено, что в периоды бурных событий в обществе язык живо реагирует и откликается новыми образованиями разного характера. Это могут быть суффиксальные и префиксальные образования (*спикериада, коалицизация, ваучеризация, эсэнговский, перестройка, перевыборы, антимайдановцы, суверенизация...*), а также множество сложных образований, включающих в себя украинские и другие национальные реалии (*помаранчевая ре-*

Первый дифференциальный признак, выделяемый в составе группы структурно-семантических преобразований клише, определяется тем, что при индивидуально-авторских трансформациях порядок следования компонентов фразеологического оборота или паремии может либо оставаться неизменным, либо изменяться. В первом случае изменения лексико-синтаксической структуры клише не происходит, однако возможна деформация семантики. Во втором трансформация выражается в семантически и стилистически значимом нарушении традиционного порядка расположения отдельных компонентов внутри структуры клише, т.е. в их перестановке или перемещении относительно друг друга. К таким структурным трансформациям относятся разрыв и перестановка компонентов клише.

Окказиональный разрыв происходит, если фразеологизм или паремия без видимых изменений состава разбивается на части, находящиеся в самостоятельных синтаксически оформленных предложениях. Данный прием используется автором с определенной стилистической целью. При этом деформируется структура клише, однако его устойчивость на семантическом уровне сохраняется. Прием окказионального разрыва ФО и паремий в русских газетных текстах не представлен.

Семантико-стилистическая значимость окказиональной перестановки обусловлена тем, что в обычных условиях употребления фразеологизмов и паремий составляющие их элементы всегда находятся в одной и той же линейной последовательности. Семантическим результатом подобного перемещения оказывается изменение смысла исходной единицы на обратный, а стилистическим – возникновение эффекта парадоксальности. Например, окказиональная перестановка произошла с ФО *не в службу, а в дружбу* ‘не по обязанности, а из дружеского расположения’ (Ожегов, 1984, с.184) в газетной статье, имеющей подзаголовок «Не в дружбу, а в службу» (СБ, № 6, 2007, с. 1) («Случай в Чериковском районе: крестьянин завел себе “крепостных”. Ошеломляющая до неверия правда лишь недавно грязно-белым туманом выползла наружу... Хаценков превратил своих домработников в ... бесправных рабов...»). Семантика трансформированного фразеологизма, выступающего в контексте в качестве антонима прототипа, вступает в резонанс с традиционным значением ФО. В результате возникает эффект парадоксальности.

Преобразования, маркированные изменениями в составе традиционных компонентов фразеологизма или паремии, в свою очередь распадаются на два разряда, различающиеся между собой по признаку сохранения или изменения фиксированного в языке количества структурных элементов.

При сохранении количественного состава номинативных компонентов клише окказиональные трансформации, образующие первый разряд, осуществляются с помощью приема негации либо путем замены компонентов окказиональными структурными элементами, не входящими в состав прототипического клише.

Семантико-стилистическая релевантность негации состоит в том, что исходный фразеологизм или паремия в результате своего окказионального употребления с элементами отрицания приобретает противоположный пер-

ГДС позволяет более точно, чем однословные глагольные номинации выразить требуемое понятие;

2) средство «возвышенной стилизации», «манерность грамматических конструкций» (ср., *произвести ремонт – сделать ремонт – отремонтировать*). Подобного рода ошибки связаны с тем, что авторы забывают об одном из главных правил: при написании статьи следует отдавать предпочтение разговорному языку, а не письменному. Он менее искусственный и стандартный.

На границе правильности использования находятся ГДС, возникшие по аналогии с уже существующими, но нарушающие значение аналитической конструкции в целом. Ср. *совершить поступок, совершить попытку, совершить ошибку и совершить акцию, совершить протест, совершить работу*.

Интересно нарушение семантики в группе ГДС с вербализатором *вызывать*. Глагол *вызывать* сочетается, как правило, с названиями различного рода чувств и эмоций негативного характера (*вызывать беспокойство, вызывать гнев, вызывать сожаление, вызывать неприязнь, вызывать зависть* и т. п.), однако встречаются и ГДС типа *вызывать восхищение, вызывать радость, вызывать веселье*, что свидетельствует о расширении указанной группы ГДС.

Анализация языка газетных текстов ведет к затруднению их понимания, грамматическому и семантическому усложнению, что противоречит основному принципу: информация должна быть понятна массовому читателю.

И.В. Симонова (Минск)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕМ И ПАРЕМИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТОВ)

В докладе представлены результаты систематизации приемов окказиональных структурно-семантических трансформаций фразеологических оборотов (далее ФО) и паремий, выявленных в текстах русскоязычных газет.

Обобщение и систематизация приемов преобразований клише производились на основании следующих частных различительных признаков: а) признака сохранения или изменения порядка следования компонентов клише; б) признака сохранения или изменения компонентного состава клише, в том числе количества его компонентов.

В задачи исследования также входило определение продуктивности использования различных приемов окказиональных трансформаций ФО и паремий в русских газетных текстах.

Материалом для исследования послужили тексты русскоязычного издания СБ – Беларусь сегодня (№ 1 – 40 за январь, февраль 2007г). В ходе исследования было извлечено 100 фактов употребления трансформированных фразеологических оборотов и паремий.

В работе использовались методы компонентного и контекстуально-интерпретационного анализа, элементы количественного анализа при обобщении и систематизации данных.

волюция, революция роз, процесс стикеризации, конституционное большинство, антикризисный саммит...). Каждый из названных терминов выступает в роли кода современного социума. Эта актуализированная терминология расширяет наши познания в области социальных процессов, происходящих в социуме. Образование новых слов (*регионалы, нацисты, нунсовцы...*), изменение стилистической окраски давно известных слов, семантические преобразования отдельных лексем (*демократ, партократ...*), номинативная переориентация (*мэр, дума, губернатор, рада...*) – всё это наблюдается в современных средствах информации и свидетельствует о том, что такие единицы востребованы речевой практикой коммуникантов на данном этапе. Это обуславливается разными причинами: активизацией новых наименований тех процессов, объектов, участников, которые появились на данном этапе; стремлением вернуть в употребление старые слова, как вехи, напоминающие о прошлой культуре общества; стремлением пополнить нашу терминологию интернациональными лексемами, чтобы укоренить процесс унификации социальной терминологии, сделать её доступной и употребительной на всех уровнях образованного общества. Однако, несмотря на такие «глубинные» процессы, происходящие в терминологии, её национальная специфичность отчётливо просматривается даже в близкородственных языках, носители которых оказались в сходных общественно-политических условиях жизни. Процесс интернационализации терминов, возможно, приостановит манипулирование общественным сознанием членов социума.

Думается, что отражение в лексике и терминологии социальных приоритетов – это и есть один из моментов реализации не только языковых единиц, социально ориентированных, но и возможность средствами языка, средствами социальной терминологии способствовать формированию и закреплению социально-этических норм в обществе. С этой точки зрения можно говорить о прагматическом подходе к изучению рассматриваемого нами пласта слов. Социальная напряжённость в обществе, смена правительств, образование новых партий, фракций, блоков, взаимоотношения на уровне этих и других объединений – всё это свидетельствует о том, что современную социальную терминологию следует рассматривать как специфический вид социально маркированных языковых единиц, имеющих часто национальную окраску и составляющих в языке отдельные тематические группировки слов, в каждой из которых можно отметить продуктивные словообразовательные модели и семантические процессы, выделить ключевые слова эпохи, так как терминология – неотъемлемая часть лексического состава языка.

Ю.Е. Величко (Минск)

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНСТРУКЦИЙ КАК ЯВЛЕНИЕ ДИНАМИКИ СИНТАКСИСА СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Язык – живая и подвижная сфера, подверженная кодифицированным и некодифицированным изменениям. Некоторые уровни языка меняются стре-

мительнее (например, лексический), другие медленней, но изменения происходят. Синтаксис – это прежде всего система связей и отношений. Нельзя рассматривать его в статике. Многие современные исследователи синтаксиса, например Н.Д. Арутюнова, отмечают, что современная теоретическая концепция определяется наметившейся в начале второй половины XX в. тенденцией изучения развития русского синтаксиса от статического состояния к динамическому. Такие изменения произошли неслучайно: меняется отношение людей к печатному слову, нормы становятся пластичными, общение в Интернете посредством текста прочно вошло в обиход. Надо отметить опрощение грамматической системы и простую грамматическую небрежность, тоже ставшую коллективной манерой, языковой модой. Происходит нарушение, а часто и отказ от естественных связей, соотношений, пропорций в искусстве авангарда, модернизма, постмодернизма и других культурных парадигм. Аналогичные изменения происходят и в синтаксисе русского языка: ослабевают и распадаются связи, нарушаются естественные грамматические и интонационные границы предложения, широко используются грамматически не связанные структуры.

Появляются новые синтаксические явления. Такие, как неполнота предложения, вставочные конструкции, сегментация и ее наиболее распространенная разновидность – конструкция с именительным темой, повтор, неграмматическое (коммуникативное) обособление второстепенных членов. Их общей особенностью является актуализация наиболее важного компонента информации, который в формальном отношении может занимать весьма незначительное место. При его выделении возникает несоответствие между структурно-грамматическим и актуальным членением предложения: на первый план выходит тот компонент, который играет незначительную структурную роль, а главный член предложения остается в тени, вплоть до того, что он может и опускаться в неполном предложении.

Цель нашего исследования – проследить динамику функционирования таких синтаксических конструкций на материале русскоязычных белорусских газет, ведь пресса прежде всего отражает социальные, лингвистические и экстралингвистические явления.

Наверняка вам встречались в печати необычные словосочетания, привлекающие внимание, заставляющие остановиться и задуматься над точностью и емкостью формулировки. Скорее всего, это и есть искомые конструкции. Их можно разделить по уровням.

На уровне словосочетания – элиминация, т.е. устранение, исключение компонентов в результате опрощения (*денежные люди, теннисные новости*). Такие необычные словосочетания имеют все шансы закрепиться в речи, стать штампом и активно употребляться.

На уровне предложения – сжатие и опрощение, когда некоторые элементы предложения сворачиваются. Это такая максимально точная и экс-

позитивный текст высоким, придать якобы больше достоинства описываемым явлениям» [Miodek, J. 1974, s. 231].

Определенное влияние на появление большого числа ГДС в рассматриваемом типе текстов имеет процесс их создания: важно быстро подготовить статью на заданную тему, при этом гораздо легче использовать готовые, в некоторой степени шаблонные конструкции, чем создавать новые, что зачастую приводит к схематизации текстов.

Еще одна особенность газетных текстов заключается в том, что они обращены к массовому читателю, ориентированы на его речевые навыки и оцениваются как продукт социально-группового использования языка. В таких текстах реализуются коллективные представления о правильности, допустимости того или иного языкового выражения. Газетный язык синтезирует разные и неоднородные речевые навыки, в результате могут появиться ГДС, которые совмещают в себе книжные и разговорные элементы (*совершить развал*).

Примеры использования исследованных ГДС можно разделить на следующие группы:

I. Правильное использование:

1) общие штампы – их использование обусловлено тематикой статей, их стилем, близким к официально-деловому (*принять решение, заключить соглашение, заключить договор, вынести постановление, вносить дополнение, вносить изменения, совершить процедуру, осуществить пересмотр и т. п.*);

2) ГДС нейтрального характера, имеющие однословные соответствия (*принять участие, произвести впечатление, проводить обследование, испытывать злость, испытывать зависть, совершить попытку, причинять беспокорство и т. п.*). Употребление ГДС, а не односложного глагольного коррелята связано с тем, что «более сложный, чем слово, его номинативный эквивалент обычно обладает большими дифференцирующими возможностями и поэтому может актуализировать те элементы номинации, которые стираются в самом слове» [Никитевич, 1985, с.121]. Ср.: *совершить поступок – поступить, произвести учет – учесть*;

3) ГДС, не имеющие однословных соответствий (*вызывать подозрения, выразить надежду, совершить жестокость, испытывать удовольствие, причинять ущерб, вести переговоры и т. п.*).

II. Неправильное использование:

1) нарушение закона языковой экономии, гласящего, что предпочтение, если это возможно, должно отдаваться номинативной единице более простой структуры. ГДС приводят к излишнему усложнению высказывания. Такое усложнение особенно заметно, когда рядом употребляется еще одна аналитическая конструкция (пример так называемого двойного анализма – вербализатор сочетается с конструкцией «существительное + существительное»): *совершить акт возмездия, испытывать чувство зависти, осуществить процесс обучения и т. п.* При этом следует помнить о сохранении принципа ясности – удобства мгновенного восприятия. Расчлененная структура

Г.В. Пальянова (Минск)

ГЛАГОЛЬНЫЕ АНАЛИТИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ: ПРАВИЛЬНОСТЬ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ГАЗЕТНЫХ ТЕКСТАХ

Исследование проведено на материале газеты «СБ. Беларусь сегодня» и текстов печатных СМИ, размещенных в национальном корпусе русского языка. В качестве объекта изучения был выбран один из типов глагольных аналитических конструкций, так называемые глагольные деривационные сочетания (ГДС), под которыми понимаются такие аналитические конструкции, которые состоят из десемантизированного глагола-вербализатора и полнозначного именного компонента, находящихся в отношениях структурно-семантической взаимозависимости, при этом именной компонент соотносится с корневым аффиксом реального или потенциального аффиксального глагольного производного в соответствующем значении, вербализатор же соотносится с глагольным формантом как совокупностью аффиксов. ГДС выступают как коммуникативные эквиваленты таких производных либо являются единственным средством выражения требуемого понятия. Например: *совершить ошибку – ошибиться, совершить полет – полететь, совершить подвиг – ∅, совершить чудо – ∅*.

ГДС должны соответствовать следующим характеристикам: 1) компоненты имеют взаимообусловленный характер – глагол и именную составляющую, при этом семантическим ядром является именной компонент, глагол десемантизирован, включает в себе грамматическую информацию и соотносится со словообразующим аффиксом (аффиксами) соответствующего реального или потенциального синтетического деривата; 2) знаковое родство с мотивирующим словом – ГДС и соответствующая однословная номинация должны иметь одну деривационную базу; 3) регулярность сочетания компонентов; 4) коммуникативная функция.

Цель исследования – установить, каким образом ГДС функционируют в газетных текстах и насколько правильно их употребление. Газетные тексты были выбраны не случайно, именно в них в сравнении с текстами других стилей используется наибольшее число ГДС. Это связано, прежде всего, с вторичностью текстов массовой информации, использованием готовых конструкций, речевых штампов. ГДС – готовый воспроизводимый знак, имеющий относительно устойчивый характер, но при этом не исключающий возможность творчества (именной компонент может варьироваться). Ср., *испытывать наслаждение, испытывать радость, испытывать удовольствие, испытывать страх*.

В ряде исследований, посвященных проблемам аналитизма, отмечается, что аналитические конструкции (в том числе ГДС) в текстах газетно-публицистического стиля появляются чаще, чем их однословные соответствия. Это связано, прежде всего, с желанием сделать высказывание более значимым, возвышенным. В качестве главной причины частого использования аналитических конструкций следует признать «преувеличенное желание сде-

прессивная фраза, максимально уплотненная за счет отсутствия предиката (*зимний и летний избиратель, «нефтяные» возможности*).

На уровне текста – компрессия, т.е. стяжение состава поверхностной структуры. Тут и небольшой объем, и емкость: *Дама с ружьем. Противотанковым*.

Вычленение новых конструкций позволит расширить границы изучаемых синтаксических конструкций, обратить внимание на современные явления и процессы.

А.И. Головня (Минск)

СИСТЕМНОСТЬ МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНОЛОГИИ

Своеобразие метафорического способа выражения определяет возможности реализации прагматико-риторических функций метафоры и служит для обеспечения понимания в соответствии с уже сложившейся в данной культурной традиции системой значений, символов, образов. Поэтому метафора может использоваться в концептуальных разработках науки и философии. «Метафора весьма эффективна в организации знаний способами, которые могут обслуживать наши социальные и политические цели... Возможно, что метафора есть вообще наиболее мощный лингвистический инструмент, который мы имеем в нашем распоряжении для преобразования действительности в мир, способный адаптироваться к целям и задачам человека. Метафора «антропоморфирует» социальную, а иногда даже физическую реальность и, осуществляя это, позволяет нам в истинном смысле этих слов приспособиться к окружающей действительности и стать для нее своими» [Анкерсмит, 2003].

Человек как центр предметной области «человек» представляет наиболее полную и развинувшуюся систему. И поэтому в большинстве случаев при номинации он метафоризирует мир, присваивая его объектам и деталям освоенные имена (ср.: *ручка (двери, машины, чемодана), глазок (двери, вязки, картофелины)*). Аналогичная картина отмечается с глаголами, прилагательными, наречиями. Поэтому первый срез предметных областей должен быть представлен подсистемой «человек».

Термин метафора отмечается в разных словарях, от логического до поэтического, приблизительно в одной и той же формулировке, восходящей к Аристотелю. «По определению Аристотеля, метафора есть перенесение имени или с рода на вид, или с вида на род, или по аналогии... Слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство (в природе). В основе метафоры лежит неназванное сравнение предмета с каким-либо другим предметом на основании признака, общего для обоих сопоставляемых членов» [Квятковский, 1966, с.156].

По этому определению должны иметься: а) объекты, б) существовать операция сравнения, в) выясняться наличие сходства, г) при этом выделяются и различия (несходства по некоторым признакам (П). При условии, что

процесс имеет симметрично-асимметричный характер, продукт должен характеризоваться всеми свойствами пары категорий «симметрия: асимметрия» [Карпов, 2003].

По мнению Н. Д. Арутюновой, в современной науке о языке интерес к метафоре «вспыхнул в связи с обсуждением проблем семантической правильности предложения и выделением разных типов отклонений от нормы. Метафора рассматривается с этой точки зрения в кругу явлений «интерпретируемой аномалии», т.е. того вида семантической неправильности, который возникает в результате намеренного нарушения закономерностей смыслового соединения слов» [Арутюнова, 1979, с.147].

Надо отметить, что наиболее остро проблема метафоры в языке воспринимается применительно к задачам автоматического анализа и синтеза произвольных текстов и реализации диалога «человек: ЭВМ», так как возникает необходимость формализации метафоричности как общности признаков, связывающих два конкретных объекта или даже классы объектов. Формализация необходима и по отношению к процессу метафоризации как операции, т.е. для алгоритмизации процесса перехода от одного объекта к другому, приписывания (обнаружения) в коде или контексте возможностей такого перехода. Спектр общих свойств, обнаруживаемых при сравнении двух объектов, должен быть значимым, т.е. сущностным и существенным. Сущностный аспект есть всегда, когда два любые произвольные объекты-системы сравниваются и обнаруживают системные различия и сходства. Существенный аспект касается количественно-качественной степени сходств и различий, при этом качественная (семантическая) сторона является доминирующей.

В работе «Критика антропоморфизма в биологии» В.Я. Далин однозначно отрицает возможность использования метафоры в терминологии: «Включение в научный оборот литературной лексики должно основываться на тщательном отборе. Это значит, что если использование метафор, образов и допустимо в научной литературе, то лишь условно без придания им статуса научных терминов» [Далин, 1988, с. 144 – 156].

Но метафора является не прихотью того или иного автора, а системой. Множество таких систем создают систему своего рода. Обратимся к пятитомной «Математической энциклопедии» и обнаружим, что здесь царство метафор.

С точки зрения структуры метафора двупланова – собственно метафора и метафора-словосочетание или композиция. Чаще всего, по данным НИЛ ТиПЛ, реализуются две модели терминообразования: «прил. + сущ. в им. п.» и «сущ. в им.п. + сущ. в род. п.». Эти же модели чаще поддаются метафоризации в математической терминологии: *грубая система, дикая сфера, дикое вложение, блуждающая точка, дизная норма, бемольная норма, неразветвленный идеал, тонкое множество, вялый пучок, мягкий пучок; теория возмущений, теория кос, интеграл в замороженности, теория пучков, теория игр,*

киберспартсмен ‘спартсмен, які займаецца камп’ютэрнымі тэхналогіямі і гульнямі’ («Звязда», 09, 2005, с. 4).

Назоўнікі, што абазначаюць асоб мужчынскага полу, якія займаюцца пэўным відам спорта, утвараюцца суфіксальным спосабам з выкарыстаннем прадуктыўнага суфікса *-іст-*: *страйкбаліст* ‘спартсмен, які займаецца страйкболам’ («Звязда», 09, 2005, с. 5); *трыяліст* ‘спартсмен, які займаецца трыялам’ («Звязда», 07, 2005, с. 4); *фрыстайліст* ‘спартсмен, які займаецца фрыстайлам’ («Звязда», 04, 2005, с. 4).

Зафіксаваны таксама адпаведны назоўнік са значэннем асобы жаночага полу, утвораны пры дапамозе суфікса *-к(а)*: *фрыстайлістка* ‘спартсменка, якая займаецца фрыстайлам’ («Звязда», 03, 2004, с. 3)

Некалькі субстантываў спартыўнай тэматыкі маюць прэфіксальны спосаб утварэння. Да іх адносяцца назоўнікі з прыстаўкамі *анты-* і *супер-*: *антыфутбол* ‘дрэнная гульня ў футбол’ («Звязда», 05, 2004, с. 7); *супергол* ‘лепшы гол’ («Звязда», 10, 2004, с. 12).

Невялікую групу неалагізмаў, утвораных на базе лексікі іншамоўнага паходжання, складаюць прыметнікі з агульным значэннем ‘які адносіцца да таго, што называе ўтваральная аснова назоўніка’. Яны ўтвараюцца пераважна пры дапамозе суфікса *-н-*: *пейнтбольны* ‘які адносіцца да пейнтбола’ («Звязда», 07, 2005, с. 4); *страйкбольны* ‘які адносіцца да страйкбола’ («Звязда», 09, 2005, с. 5); *трыяльны* ‘які адносіцца да трыяла’ («Звязда», 08, 2005, с. 4); *кіберспартыўны* ‘які адносіцца да кіберспорту’ («Звязда», 07, 2005, с. 4).

Іншы раз пры ўтварэнні адносных прыметнікаў, ужываецца суфікс *-ск-*: *байкерскі* ‘які датычыцца байкераў’ («Звязда», 06, 2004, с. 4).

У сферы спартыўнай лексікі ўтвараюцца таксама аказіянальныя назоўнікі і дзеясловы. Аказіяналізм *спорт-тайм* ‘час спорту’ («Звязда», 10, 2005, с. 4) утвораны складаннем асноў субстантыва *спорт* і запазычанай лексічнай адзінкі *тайм* (англ. *time* ‘час’).

Прэфіксальны назоўнік *беззрадніца* ‘спартсменка, якая не мае спартыўнага разраду’ («Звязда», 06, 2004, с. 7) утворана далучэннем прыстаўкі *без-* да ўзуальнага намінатыва *разрадніца*.

Аказіянальнае ўтварэнне *КАНКУРыраваць* ‘спаборнічаць у канкуры’ утворана шляхам міжслоўнага накладання матывавальных частак: назоўніка *канкур* і дзеяслова *канкурыраваць*, дзе агульны фанемны адрэзак выдзяляецца графічна («Звязда», 08, 2005, с. 8).

Такім чынам, спартыўны пласт лексікі сучаснай беларускай мовы дынамічна папаўняецца наватворамі за кошт утварэння новых лексічных адзінак на базе ўласных марфалагічных сродкаў.

Матывавальнымі асновамі выступаюць як асновы іншамоўнага паходжання, так і ўласнабеларускія лексічныя адзінкі. Найбольш прадуктыўнымі спосабамі словаўтварэння ў сферы спартыўнай лексікі з’яўляюцца складанне і суфіксацыя.

Наватворы ў лексіцы спорту ўтвараюцца пры дапамозе марфалагічных сродкаў беларускай мовы як на базе ўласнага лексічнага матэрыялу, так і на аснове запазычаных лексічных адзінак. Адным з найбольш прадуктыўных спосабаў утварэння новых назоўнікаў у сістэме спартыўнай лексікі ў мове сучаснай публіцыстыкі з'яўляецца складанне.

Складаннем асноў новага запазычання і агульнажывальнага слова ўтвараюцца назоўнікі, якія абазначаюць:

а) новыя віды спорту: *таб-аэробіка* (англ. *tab* + *аэробіка*) 'від аэробікі, які ўключае інтэнсіўнае выкананне аднолькавых практыкаванняў' («Звязда», 09, 2005, с. 4); *бэнч-прэс* (англ. *bench* 'лаўка' + *прэс*) 'жым у лежачым стане' («Звязда», 11, 2005, с. 8);

б) спартыўныя спаборніцтвы, выставы: *байк-фэстываль* (англ. *bike* 'веласіпед, матацыкл' + *фэстываль*) 'фэстываль байкераў з паказам трукаў, рухаў і практыкаванняў на матацыклах' («Звязда», 05, 2004, с. 1); *матар-шоу* (англ. *motor* 'рухавік, аўтамабіль' + *шоу*) 'дэманстрацыя аўтамабіляў і іх магчымасцей' («Звязда», 05, 2005, с. 3);

Намінатывы, утвораныя шляхам складання асновы агульнажывальнага слова з асновай новага запазычання, называюць новыя віды спорту і спартыўныя сродкі руху: *інтэрнэт-карт* (*інтэрнэт* + англ. *cart* 'гоначны аўтамабіль') 'гоначны аўтамабіль у камп'ютэрных гульнях' («Звязда», 06 2005, с. 2); *інтэрнэт-картынг* (*інтэрнэт* + англ. *carting* 'картынг') 'камп'ютэрныя гонкі на аўтамабілях тыпу карт' («Звязда», 11, 2004, с. 1).

Сярод наватвораў фіксуюцца кампазіты, утвораныя спалучэннем інтэрнацыянальных тэрмінаэлементаў з асновай запазычання або агульнажывальнага слова. Гэтыя назоўнікі абазначаюць новыя віды спорту, спаборніцтвы і выставы: *велатрыял* (*вела-* 'першая частка складана-скарочаных слоў, якая па значэнні адпавядае слову веласіпедны' + англ. *try all* 'спрабаваць усё') 'экстрэмальны від спорту з выкананнем трукаў, небяспечных практыкаванняў на веласіпедах' («Звязда», 08, 2005, с.4); *мотазлёт* (*мота-* 'першая частка складаных слоў са значэннем маторны, матацыклетны' + *злёт*) 'збор матацыклістаў у адным месцы з мэтай выставы матацыклаў і выканання трукаў'; *мотасезон* (*мота-* + *сезон*) 'перыяд часу актыўнага дзеяння матацыклістаў, звычайна з вясны да восені' («Звязда», 10, 2004, с. 4); *мікрацыкл* (*мікра-* 'першая частка складаных слоў са значэннем "які мае адносіны да малых памераў"' + *цыкл*) 'невялікі турнір' («Звязда», 06, 2004, с. 3).

Шырокае кола намінатываў, што абазначаюць віды спорту і спартсменаў, утвараецца пры дапамозе немарфемнага скарачэння асновы назоўніка *кібернетыка* да формы *кібер-* са значэннем 'камп'ютэрны': *кіберспорт* 'від спорту, заснаваны на камп'ютэрных тэхналогіях і гульнях, у якім спартсмены паказваюць свае здольнасці працаваць на камп'ютэрах' («Звязда», 07, 2005, с. 4); *кібератлет* 'спартсмен, які займаецца камп'ютэрнымі тэхналогіямі і гульнямі' («Звязда», 12, 2004, с. 21);

скелет катэгорыі, коэфіцыент доверыя, ядро ігры, избыток трюгальніка, праблема следов. К гэтым двум моделям прымыкае яшчэ адна – «суц. в ім.п. + предлог + суц. в косвенном падеже»: *седло в бесконечности, игра на графе, канал без памяти, норма на теле, игра с квотой* и т.д.

Метафора ў медыцынскай терминологиі звязана з асоціатывнымі тэрмінамі, мотывіровка которых выражаецца косвенно, опосредованно, с помощью разного рода ассоциаций, без прямого называния мотивирующего признака. Такие наименования отличаются образной природой и основаны на метафорах и сравнениях: *заячья губа, волчья пасть, опеченение, петушиная походка, растормаживание, шприц-автомат*. В некоторых наименованиях ассоциация вызывается упоминанием литературного или мифологического персонажа, обладавшего соответствующими чертами личности или судьбы: *синдром Агасфера, Мюнхаузена, Робина Гуда, садизм, нарциссизм*. Иногда ассоциации, возникшие у автора термина, не свойственны широкому кругу специалистов, и мотывіровка требует дополнительного разъяснения: *болезнь кленового сиропа, синдром вечеров коктейлей, синдром менеджера, феномен медной проволоки*.

Образность некоторых асоціатывных терминов скрыта за их иноязычным происхождением. Например, термин *лихорадка денге* происходит от *dengue* – переделанного на испанский лад английского слова *dandy* (шеголь, франт), поскольку одним их характерных признаков болезни является расквашивающаяся «франтоватая» походка больного. В наименованиях некоторых вирусов (*орф-вирус*) используется терминологический элемент *орф-*, а в аббревиатурах (*ЕСНО-вирусы* и др.) – буква «о» произошла от английского слова *orphan* (сирота). Это связано с тем, что ученые долгое время не знали, ткани какого органа служат местом обитания этих вирусов и считали их бездомными, без рода, без племени. Метафоричность возникает у некоторых устаревших терминов: *карантинный дом* (истор.) – 'дом, где в 18 в. содержались больные оспой'; *козья ножка* (истор.) – 'инструмент, применявшийся для удаления зубов и корней зубов'.

Интересно, что большинство асоціатывных терминов имеют синонимы как среди квалификативных терминов, так и среди асоціатывных и нейтральных (эпонимических): *китовый ус – клетка, несущая вирус; комфортная зона – зона теплового комфорта; лихорадка пятнистая скалистых гор – болезнь голубая, риккетсиоз клещевой американский, тиф сытной бразильский, тиф сытной Сан-Пауло; микробный пейзаж – микрофлора; морской конек (устар.) – гиппокамп; мутное набухание – дистрофия зернистая; некросадизм – вампиризм; радужка – радужная оболочка; «раковые жемчужины – канкроидные тельца*.

Чаще метафоризации подвергаются модели «суц.+прил.»: *радужка «бомбированная, ноготь башенный»; «прил.+суц.»: млечная линия, млечное поле, медвежья лапа, меловое пятно; «суц. в ім.п.+суц. в род.п.»: ноготь*

Гипократа, миграция яйца, миндалина мозжечка, распад речи, растормаживание влечений, расщепление сознания, резерв улитки.

Некоторые медицинские термины имеют целый ряд метафоризаций: мысли (24) *отнятые, убегающие, внушенные, навязчивые, сделанные, суицидальные, хульные; речь (20) автоматическая, внутренняя, вычурная, жестовая, импрессивная, манерная, монотонная, моторная, слащавая; мания (21): мания без бреда; мания величия, печали; мания гневливая, спутанная; обонятельное (18) поле, борозда, булава, луковица, волосок, клубочек, ямка, полоска, нить.*

Ассоциативным медицинским терминам, кроме синонимии, присуща и антонимия: реакция «*трансплантат против хозяина*» (син. *болезнь гомологичная*) – ант. реакция «*хозяин против трансплантата*» (син. *реакция отторжения трансплантата*).

Слов типа *вмороженность, квазихарактер, некольцо, псевдоразность, псевдовогнутость, полупростота, почтикольцо* и массы других такого рода при всей их нематематичности не найти ни в одном представительном словаре, кроме математической энциклопедии. Но если бы математики ждали, пока лингвисты создадут для них терминологию или хотя бы ее часть, то мы лишились бы приличной части математики. Как видим, наиболее древние и представительные терминологии (медицинская и математическая) имеют развитую систему метафор, которым присущи и такие языковые явления, как синонимия, антонимия и т.п.

А.А. Дерунова (Минск)

НАЗВАНИЯ ДОКУМЕНТОВ В РУССКОМ ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XI - XVII вв.: ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В системе номинативных средств русского языка XI-XVII вв. наименования документов занимают важное место. Это обширная группа единиц, именующих письменные средства фиксации различных социальных отношений, развитую систему древнего делопроизводства. Разные документы обслуживали государственную переписку, судопроизводство, торговлю, юридическую практику. Социально-экономические отношения проявлялись в самых разных действиях и фактах, сведения о которых документально фиксировались.

Одним из самых древних названий документов, известных на Руси, была *грамота*. Первоначальное значение слова – ‘письменность, письмо, азбука’ – относится к 898 г. и зафиксировано в Лаврентьевской летописи [СРЯ, 4, с.119]. В результате семантической деривации развилось новое значение слова. Грамотой стали называть документ, акт. С таким значением слово зафиксировано в 945 г. [СРЯ, 4, с.119]. По Словарю русского языка XI-XVII вв. и другим источникам нами зафиксирована 181 единица однословных и двухсловных наименований со словом *грамота*. Этот список может быть продолжен.

у моря, или Родная незлекторальная глухомань; Литература седьмого сегмента, или «... почему люди сняты друг другу?»).

Экспрессивность заголовкам придает и особое расположение компонентов предложения (инверсия): *В России партий нет, но завтра они должны появиться; Чужие письма читать рекомендуется; В Ярославле литературы нет.* Подобная позиция членов предложения способствует логической, смысловой и эмоциональной актуализации мысли.

Особое место среди заголовков-предложений занимают заголовки-цитаты. Такие заглавия содержат цитаты из произведений писателей, которым посвящен материал («*Я не ранен. Я убит...*»; «*Ощутить, уже не ощущая...*»); высказывания известных деятелей науки, искусства и литературы («*Меня упрекали во всем, кроме погоды...*»; «*Я всегда хотела быть самыми разными людьми, которых я сама придумую...*»).

Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует о том, что в журнале «Знамя» отдается предпочтение названиям традиционного типа – предложениям и номинативным сочетаниям. Вместе с тем авторы публикаций используют особые синтаксические построения, усиливающие экспрессивность заголовка (сегментированные, инверсированные конструкции, предложения-цитаты).

М. В. Мацюшэнка (Мазыр)

НАВАТВОРЫ Ў ЛЕКСІЦЫ СПОРТУ (НА МАТЭРЫЯЛЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ ПУБЛІЦЫСТЫКІ)

Мова сучаснай беларускай публіцыстыкі актыўна адлюстроўвае змены, якія адбываюцца ў лексічнай і словаўтваральнай падсістэмах мовы, і абумоўліваюцца перш за ўсё развіццём сусветнай палітыкі, эканомікі і станам сучаснага грамадства. Дэмакратызацыя жыцця народа дае свабоду для самавыяўлення асобы, што праяўляецца ў мове паяўленнем новых слоў розных лексіка-семантычных груп.

Лексічны склад беларускай мовы 90-х г. мінулага стагоддзя, паводле В. Уласевіч, пашыраўся за кошт сацыяльна-эканамічных і палітычных тэрмінаў, тэрмінаў інфарматыкі і вылічальнай тэхнікі, культуры і мастацтва. На сучасным этапе лексіка беларускай мовы дынамічна папаўняецца лексічнымі адзінакамі спартыўнай тэматыкі, якія яшчэ не былі зафіксаваны і прааналізаваны даследчыкамі.

Мэтай нашага даследавання з’яўляецца структурна-семантычны аналіз наватвораў лексікі спартыўнай сферы на матэрыяле беларускай публіцыстыкі XXI ст.

Пастаўленая мэта абумовіла выбар метадыкі збірання і вывучэння фактычнага матэрыялу. Пры даследаванні неалагізмаў выкарыстоўваліся апісальна-аналітычны метады, прыёмы семантычнага і этымалагічнага аналізу.

Утварэнне новых лексічных адзінакаў спартыўнай тэматыкі звязана з паяўленнем новых відаў спорту, развіццём сучасных тэхналогій і зацікаўленасцю моладзі ў экстрэмальных відах дзейнасці.

оценочным значением (лукавый, светлый, творящий, бездарный, трусливый и др.).

Среди номинативных названий большое распространение получили «осколочные» [Попов А.С.] заглавия, которые соотносятся с отдельным изолированным членом предложения. Их можно разделить на три разновидности: 1) синтаксема «о + предложный падеж»: *О пользе чтения старых книг; О единстве, гласности и плюрализме; Еще раз о временном увековечивании*; 2) синтаксема «в + предложный падеж» (менее распространенные): *В поисках невозможного; В поисках зачеркнутого времени*; 3) синтаксема «из + родительный падеж»: *Из жизни одного издательства; Из глубины*.

Заголовок может быть оформлен и как предложение различного типа:

- 1) простое: *Мир больше не будет большим; В России неудачник не плачет*;
- 2) сложное – сложносочиненное или бессоюзное: *В России партий нет, но завтра они должны появиться; Казнить нельзя – помиловать*;
- 3) повествовательное: *Слово берет влюбленный; Наш век – это век Иуды*;
- 4) побудительное, в котором может выражаться значение повеления, желания и др.: *Остановись, мгновенье; Драматурги, вперед!; За здоровье постмодернизма*;
- 5) вопросительное с различными вопросительными словами: *Когда закончится Вторая мировая война?; Нужна ли России наемная армия?;*
- 6) полное: *Одиссей взрывает Итаку; Я люблю тебя, империя*;
- 7) неполное – эллиптическое: *Через апокалипсис – к норме; О черном пиаре – с любовью*;
- 8) двусоставное: *Бог хранит не все; Люди жаждут*;
- 9) односоставное: *В Ярославле литературы нет; Чужие письма читать рекомендуется*.

Среди повествовательных предложений-заголовков выделяются конструкции, построенные по модели вопросительных с вопросительно-относительным местоимением. Содержание статьи разъясняет конкретный смысл этого местоимения: *Когда поэты были молодыми; Когда зачитывается корректор; Как власть нашла себе партнера*. Вопросительное местоимение теряет вопросительную интонацию и получает указательное, утверждающее значение.

В исследуемом материале представлены заголовки - сегментированные конструкции разных типов: 1) сегмент – наименование места (город), базовая часть – комментарий об этом месте (*Харьков: признаки жизни; Томск: одиссеи под кедрами; Берлин: попытка пейзажа*); 2) именная конструкция с пояснительными отношениями, состоящая из двух заглавий, связанных разделительным союзом *или* (*Жизнь в тексте, или По ту сторону Красных ворот; Храм после евроремонта, или Как сделано «высокое» в школе-студии А. Васильева; Виртуальный апокалипсис, или Русские в 2000 году*); 3) сегмент – предмет речи, базовая часть – оценка с вопросительной интонацией (*Продажа оружия – выгодна или разорительна?; Национальная специфика литературы – выгодна или разорительна?*); 4) сегмент – цитата, базовая часть – пояснение («*Мы вышли к огромной воде*»: поэзия эпохи глобализации); 5) совмещение приемов сегментации (*Архангельск: провинция*

Чтобы проследить мотивы возникновения предметных наименований, к анализу названий грамот можно подойти с ономазиологической стороны. В составе неоднословных наименований отчетливо выделяется акциональный тип, к которому относится большинство грамот. Грамота данного типа называлась по действию, которое в ней фиксировалось: *выводная, приписная, докладная, вытягальная доправная, погонная, рядная посыльная, вывозная, поклонная отпустная, зазывная, береженная* и др. Всего – 122 единицы. *Нам с вами опришьни миръ, взялЪ есте у нашихъ купцовъ товаръ в НовЪгородЪ у юрьевъцовъ и в (ин)ыхъ городовъ и на сомъ поморьи, и на опасной грамотЪ, что есте к намъ прислалЪ за посадницею пецятью Василья Ивановича и тысяцького Григорьи Ивановича* [Гр. Новг. и Псков., 1392] – *опасная грамота < Опасати – 1. опасаться, остерегаться. 2. предостерегать. 3. оберегать, охранять – охранная грамота* [СРЯ, 13, с.9].

В данном типе наименований предмет получил свое имя по действию, совершаемому им или кем-то другим. Также можно говорить о структурировании данного ономазиологического признака, т.е. в неоднословных наименованиях актуализируется действие, которое выполняет сам деятель, и действие, направленное на кого-то. Например, *проЪздная грамота – документ на право проезда (1543): И Яковъ изъ Литвы приЪхалъ, и грамоты отъ короля привезъ проЪздные чрезъ Литовъскую землю въ Волохы* [Ник. лет. XIII в., СРЯ, 20, с.125]; *повелЪнная грамота – документ, предписывающий что-либо, содержащий распоряжение, повеление: Никифоровъ...повелЪнную грамоту от ѿра Леонта пришьмь, смърть Василюву исповЪдающу, възвращение повелЪвающю* [Хрон. Г. Амарт, 526, XV в., СРЯ, 15, с.146].

Следующий тип предметных наименований – объектный. Объект – это то, на что направлена предметно-практическая и познавательная деятельность субъекта. Эта категория также важна для субъекта при выборе имени, и в этом случае значимой может стать его связь с другим предметом (объектом), что приводит к оформлению объектного признака. Предмет получает свое название в зависимости от того, какой объект непосредственным образом связан с ним [Трофимович, 2003, с.78 - 79].

Знания об объекте легли и в основу наименований грамот. Зафиксировано 33 наименования. Так, грамоты *льготная, вольная, вольностная, мочная, милостивая* названы по видам льгот, привилегий, которые предоставлялись в этих документах. *Льготная грамота – грамота, дающая освобождение от платежа податей или оброка на определенный срок (1490 г.)* [СРЯ, 8, с.320].

В следующей группе наименований грамот объектом, по которому документы получают название, стал человек, а именно, подневольные люди, которые также становились предметом купли-продажи. *Полная грамота – документ, оформляющий владельческие права на полных (обельных) холопов (1497 г.)* [СРЯ, 16, с.230]. *Беглая грамота – разрешение на розыск беглых*

(1497 г.) [СРЯ, 1, с.86]. *Захребетная – грамота об условиях найма батрака (захребетника) (1605 г.)*.

Еще одна группа наименований грамот получила свое название по объекту, который отдавали в пользование, продавали – земле, угодью и т.д. Земля была главным показателем богатства и главным средством пропитания. Именно поэтому человек стремился отразить этот объект в наименовании. Известны такие наименования грамот, фиксирующие земельные сделки: *вотчинная, усадская, помѣстная; помѣстная грамота – документ, закрепляющий пожалование поместья (1539 г.)* [СРЯ, 17, с.12]. Трофимович Т.Г. относит эти примеры к локативному типу предметной номинации, потому что названия документов могли быть связаны с местом, так как закрепляли право пользования им [Трофимович, 2003, с.151].

Важно отметить, что признак, который лег в основу наименования, при развертывании цепочек может оказаться далеко стоящим от поименованного предмета, но так как именно он является важным в процессе наименования, то он и положен в основу названия. Представим это на примерах. *Серебряная грамота – вид долгового денежного обязательства* [СРЯ, 24, с.83]. При развертывании цепочки можно предположить, что *серебряная грамота* – это грамота, фиксирующая долговое денежное обязательство, оплата по которому производится серебром.

Посессивность является одной из универсальных понятийных категорий языка, основное значение которой состоит в том, что название объекта определяется через его отношение к какому-либо лицу или предмету [ЛЭС, с.388]. Под посессивностью могут пониматься логически разнородные явления, которые объединяют факты принадлежности и обладания. К производным предметным наименованиям посессивного типа относятся те, в которых присутствует посессивный признак. Предмет получает свое имя потому, что замеченным и привлеченным в именование оказался признак по принадлежности или обладанию [Трофимович, 2003, с.111-112].

Таким образом, следующий тип предметных наименований – посессивный. Эта группа грамот получила свое название по лицу, которому эта грамота выдавалась, следовательно, по тому, кто получал право обладания ею. Всего 10 единиц. *Выѣзжая грамота – грамота, выданная приехавшему на службу иностранцу, с указанием привилегий* – слово *выѣзжий* в 3-ем значении выступает в роли существительного и означает: *‘Тот, кто приехал на службу, прибыл на службу из-за рубежа’*. *И тому, государь, выѣзжему велѣли мы дати дворъ, и быти у него для береженья приставу* [Переп. Мих. Фед., 1630 г., СРЯ, 3, с.201].

Особенности социально-экономических отношений находят в категории посессивности свое непосредственное отражение. В русском деловом языке по принадлежности чаще всего названо имущество, люди, документы, деньги, пошлины. Имущественные отношения напрямую отразились в составе прилагательных неоднословных наименований. Процесс укрепления Рус-

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖУРНАЛЬНЫХ ЗАГОЛОВКОВ

Заголовок, в том числе и журнальный, выполняет следующие функции: 1) номинативно-информативную, поскольку заголовок – единица, сообщающая читателю краткое содержание журнального материала, например: *О конвенциях морали и моральности конвенций; Из жизни одного издательства; История времен перестройки и гласности*; 2) рекламнo-экспрессивную, т.е. имеется в виду способность заглавия заинтересовать читателя, например: *Бездарный гений и трусливый герой; Пусть «X» значит «Любовь»; Еще не там, уже не тут*. На практике же каждое заглавие чаще выполняет обе эти функции, ср.: *О черном пиаре – с любовью; Россия – между серпом, рублем и молотом*. Функциональное назначение заголовков тесно связано с формой, в частности с синтаксической организацией заглавия. Цель данной работы – охарактеризовать синтаксическую структуру названий статей, опубликованных в журнале «Знамя» за 2000 – 2003 годы, и определить предпочтения авторов в использовании синтаксических единиц в указанной функции.

В исследуемом журнале господствующий тип заглавий – номинативная конструкция, т.е. субстантивные сочетания. Среди таких заголовков можно выделить построения с сочинительными и подчинительными отношениями. К первому типу можно отнести следующие: *Свидетельство и лжесвидетельство; Бандерша и сутенер; Светлый лик и ясная мысль*. Наибольшее распространение получили заголовки второго типа, представляющие собой словосочетание, например: *Привычка к странствованиям; Ностальгия по несостоявшемуся; Укрощение строптивых*. В последнем случае авторы публикаций чаще используют заглавия, в которых зависимое слово выражено существительным в косвенном падеже. Такие модели могут быть как предложные (*Новизна в каноне; Разговор о разговоре; Книга про певца*), так и беспредложные (*Приятельницы матерей; Призрак свободы; Реаниматоры традиций*). В качестве заголовков также используются субстантивные словосочетания с зависимым словом, выраженным субстантивированным прилагательным или причастием, например: *Корысть бескорыстных; Новизна узнаваемого; Песня проигравшего*. По таким же моделям построены и заголовки, представляющие собой сложные словосочетания субстантивного типа: *Скромное обаяние расизма; Путевые работы в беспутной области; Пара слов о стареющих юношах*.

Второе место по частотности использования занимают номинативные заголовки, построенные по модели словосочетания со связью согласования: *Интимная магия; Слабое сердце; Косвенные свидетельства*. В таких заголовках зависимое слово выражено прилагательным или причастием с

Особую роль в формировании лексической игры на страницах газет выполняют слова и выражения с метафорическим значением. Метафора несет на себе оценочную нагрузку. Большинство метафор, используемых СМИ, являются ассоциативными, воздействуют не на мышление читателей, а на их эмоционально-экспрессивное восприятие события. Поэтому метафора служит косвенным средством формирования отношения к теме. Напр.: *Педагогический зуд реформаторства* [СБ, 2008, №44] 'статья А. Рубинова о школьной реформе'. *Грошы – у балоце* [«Звезда» 3, 2008, №73] 'об эффективности программы «Торф»'. Успешность воздействия метафоры определяется ее умелым взаимодействием с контекстом (широким и более узким). С ее помощью можно создать новые модели языковой игры, но эффект метафоры, как правило, возникает только тогда, когда старый смысл слова еще не стерт. Напр.: *Букет сомнений* [СБ, 2007, № 169] 'о жалобах потребителей на качество купленных цветов'. *Норковые шубы коридор не прошли* [«Рэспубліка» (Р), 2007, №235] 'о задержании контрабандного товара'. *Цімашэнка зноў закрыла рот Юшчанку* [З, 2008, №87] 'об инциденте в парламенте Украины'. *Крым готовит кулак для НАТО* [Р, 2008, №76] 'об акциях протеста в Крыму'.

Необходимо отметить и то, что некоторые современные публикации могут получить статус двусмысленных, размытых в восприятии, когда адресат не может адекватно отреагировать на предложенный текст. Напр.: *Юзабилити? У нас это уже носят* [Р, 2008, №89] 'об инженерно-психологическом обеспечении информационных технологий'. *Даеш кожнаму па «мяккаму месцу»* [З, №183, 2008] 'о производстве мягкой мебели'.

В условиях функционирования двух близких языков нельзя не заметить и такую приметную черту, как использование в русскоязычных газетах вкраплений на белорусском языке. С точки зрения ЯИ, это делается, чтобы показать эмоциональное отношение автора, способствовать установлению контакта с адресатом, придать тексту национальный колорит. Напр.: *К соседу на «бяседу»* [СБ, 2007, №187] 'о выставке «Беларусь ЭКСПО-2007» в Вильнюсе'. *Это наша «спадчына»* [ЗН, 2007, №27] 'об акции БРСМ'.

Таким образом, языковая игра является ярким изобразительно-выразительным и характерологическим средством. Использование разнообразных игровых ресурсов создает условия для реализации различных авторских коммуникативных задач, придает газетному тексту стилистическую многоплановость, направляет внимание и восприятие читателя, обеспечивает диалог между автором и реципиентом, отражает факты, события, явления в жизни общества, оказывает определяющее влияние на формирование общественного мнения и читательского вкуса.

ского централизованного государства подразумевал законодательное закрепление принадлежности имущества, слуг, денег [Трофимович, 2003, с.132].

Локативный тип предметных наименований также зафиксирован среди выявленных единиц. В данном случае предмет получил свое название в зависимости от места расположения, нахождения, пребывания, работы, службы [там же, с.136]. Зафиксировано 16 наименований.

К этому типу относятся грамоты, регулирующие деятельность государственных органов, мест: *вмѣстная грамота – грамота, относящаяся к сословным, местническим делам (1646 г.)* [СРЯ, 2, с.233]; *губная грамота – грамота верховной власти, определяющая в XVI – XVII вв. организацию и компетенцию органов самоуправления в уезде (губе) (1542 г.)* [СРЯ, 4, с.153].

Такие грамоты могли отражать назначение на место, и назывались они по названию этого места: *настольная грамота – документ о назначении на высокую церковную должность (митрополита, епископа, игумена и т.п.; в к. XVII в. – также протопопа, келаря) от настоліе – епископская кафедра, должность епископа XI в.* [СРЯ, 10, с.269-270].

Среди проанализированных грамот выявляются следующие типы предметных наименований: акциональный, объектный, посессивный, локативный. Наиболее многочисленным среди них является акциональный тип, т.к. обозначение действия было очень важно для человека. В данных наименованиях нашли отражение различные явления общественной жизни. Все они требовали законодательного закрепления, поэтому и были зафиксированы на бумаге.

О.В. Зуева (Минск)

К ПРОБЛЕМЕ РЕГИСТРОВОЙ СТРАТИФИКАЦИИ ДРЕВНЕРУССКИХ ЭПИСТОЛЯРНЫХ ТЕКСТОВ

Место эпистолярных текстов в жанрово-стилистической системе древнерусского языка до настоящего времени остается неопределенным. В известных моделях книжных и некнижных жанров – С.И. Коткова [Котков, 1970, с.44], Н.И. Толстого [Толстой, 1988, с.69] и др. – упоминаются отдельные виды посланий, однако без учета их тематического и лингвистического разнообразия. Необходимость установить языковые особенности произведений эпистолярного жанра и обозначить место последних в системе средневековой письменности определили актуальность исследования.

В современной исторической стилистике общепризнанной является разработанная в исследованиях М.Л. Ремневой, В.М. Живова, Б.А. Успенского концепция регистровой стратификации русского языка донационального периода [Ремнева, 1982; Живов, 1988; Успенский, 1995], согласно которой функциональное соотношение в тексте книжных и некнижных – генетически церковно- и восточнославянских – равноуровневых языковых единиц конституирует один из стандартов языкового употребления, или регистр, отражающий речевые навыки автора. Данный подход антропоцентричен; по словам

Б.А. Успенского, «книжный и некнижный языки объединялись в языковом сознании, выступая как взаимодополняющие регистры единой коммуникативной системы» [Успенский, 1995, с.89]. Наличие у текста ряда формальных морфолого-синтаксических признаков позволяет рассматривать его как представляющий один из четырех регистров: стандартный церковнославянский (1); гибридный церковнославянский (2); деловой (3) и бытовой (4).

Различение регистров во многом поддерживается жанровой дифференциацией памятников. Политематичность писем обусловила широкое стилистическое варьирование используемых в них языковых средств, поэтому образцы эпистолярного жанра представлены среди текстов всех регистров письменности, например: (1) – официальные духовные послания, (2) – частные духовные и официальные служебные (агитационные) послания, (3) – официальные служебные (распорядительные), (4) – частные бытовые, деловые, фатические письма. Список не исчерпывает разнообразия видов посланий [Зуева, 2008].

Возможность использования в письмах любых лингвостилистических ресурсов есть основное панхроничное свойство эпистолярного типа текста, предопределившее отсутствие эпистолярного стиля в системе функциональных стилей современного русского языка. Памятники, характеризующие единством жанровой формы, отражают различные способы ее языкового наполнения.

Наблюдения над функционированием языковых грамматических средств в письмах XI-XIV вв. показывают, что язык даже одного вида текстов (например, частных бытовых, официальных служебных посланий) стилистически дифференцирован. Выбирая фрагменты, содержательно тождественные или однотипные (т.е. исключая обусловленность использования языковых средств предметом речи), обнаруживаем, что главным фактором дифференциации является социокультурный статус адресанта. К примеру, частные бытовые письма традиционно создаются на некнижной разновидности языка, к грамматическим признакам которой относятся (текстовые фрагменты извлечены из берестяных грамот [Зализняк, 2004], приводятся в упрощенной орфографии): 1. уровень языковых ресурсов: форма л-причастия в значении претерита (*я дала тебе а нежате не дала*, № 644, 1110-1120 гг.; *я запла- тиль 20 грвнь*, № 421, 1120-1130 гг.), причастия на *-учи/-ачи* (*хотяци ся не цѣтися* – ‘хотя бы не считайся’, *неюци едоуц(и)* ‘получая прокорм’, № 227, 1160-90 гг. (здесь и далее перевод А.А. Зализняка)), некнижные средства связи (*[а]же то [н]амъ възяле еси павълъвъ (а) [н]а прокопѣ възяти а възяле ли еси а в[ъзь]ми*, ‘Если ты взял Павловы проценты, то [нужно] взять у Прокопьи. Если же ты [уже] взял, то возьми ...’, № 736, 1110-1130 гг.) и др.; 2. уровень организации текста – явления разговорной и деловой речи: инверсия – вынесение темы в начало сообщения (*а цто рубль дати игнату и ты даи*, к. XIV в.), эллипсис (*и ты до углеца и ту пакъ дружина*, ‘Так что ты [посылай] до Углича, и как раз туда [едет] дружина’, к. XIII в.), бессоюзные высказыва-

В современной публицистике создатель медиа-текста предстает перед читателем как личность, которая самостоятельно осмысливает и оценивает реальную ситуацию, демонстрирует мировоззренческую позицию и индивидуальность языковой раскованностью, стремлением отойти от клише газетно-публицистического стиля и разнообразием подходов к подаче и интерпретации информации.

Наблюдения за практикой современной газетной публицистики позволяют выделить определенные типы языковых игр: графические, фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические, лексические. Все эти типы игр внутренне и внешне пересекаются, часто образуя диффузные и дискретные структуры.

Обратим свое внимание на наиболее распространенные типы ЯИ – графический и лексический. В графической ЯИ манипуляции с матрицами мышления вступают в продуктивное взаимодействие с внешними языковыми невербальными средствами и направлены прежде всего на активизацию внимания реципиента. Многие лингвисты в связи с этим даже приравнивают газетные заголовки к своеобразным «публицистическим слоганам». Напр.: *Все хОКкей* ‘о чествовании победителей турнира «Золотая шайба»’ [«Знамя юности» (ЗН), 2006, № 52]. Графическое решение сразу вводит оценку события (*ОК* – все хорошо). *Студент Обучает Студента* [ЗН, 2007, № 22] ‘о помощи студентам во время сессии’. Заглавные буквы образуют *SOS* – сигнал опасности, что сразу вводит параллельно возникающий смысл и оценку. *ПаWWWуцінне* [З, 2007, №185] ‘о новостях в Интернете’. Обигрываются и контаминируются символ Интернета *www* и его образное наименование.

Носитель языка, обогащенный социальным опытом и знаниями, находится в сфере воздействия текстов, которые его окружают. Органичной способностью текста является включение в себя других текстов (т.н. прецедентных единиц). Буквальное воспроизведение культурного текста вызывает у читателя ассоциации, связанные с цитируемым источником, а также опосредованно вводит его в содержание предлагаемой информации. Напр.: *Команда молодости нашей* [СБ, 2006, № 232] ‘о 50-летию победы футбольной команды СССР на Олимпиаде в Мельбурне’. *Первый бал Наташи Ростовой* [СБ, 2007, № 104] ‘о выпускных вечерах в школах’. (Ср.: Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Обычно интертекстуальные единицы подвергаются трансформации. Однако сохранение синтаксической структуры и звукового сходства обеспечивают узнаваемость цитируемого источника, что является тонким психологическим ходом, и придают частично измененной цитате элемент новизны и дополнительную экспрессию (нередко с оттенком ироничности). Напр.: *Торт замедленного действия* [СБ, 2007, 125] ‘о массовом отравлении в Брестской области’ Ср.: бомба замедленного действия. *Киловатт кромешный* [СБ, 2006, № 225] ‘о сбоях в работе энергосистемы’ Ср.: *ад кромешный. До последней пяди крова* [СБ, 2007, №108] ‘о жилищных очередях’. Наблюдаем контаминацию двух фразеологизмов: *до последней капли крови* и *до последней пяди земли*.

ребления ономастических тропов: в англоязычных (прежде всего американских) СМИ имена собственные как средство образности используются значительно реже, чем в русско- и польскоязычных.

С. В. Кунец (Минск)

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКИХ ГАЗЕТ

Политическая ситуация, экономические преобразования, которые произошли на рубеже XX и XXI вв., новейшие информационные технологии радикальным образом изменили язык СМИ. Сегодня можно с уверенностью сказать, что сформировался новый тип публицистического стиля, в основу которого положен элемент действительности в полном единстве с теми событиями, которые его порождают и культивируются в восприятии реципиента информации.

Вместе с демократизацией общества мы наблюдаем раскрепощение языка СМИ, материалы подаются броско, неординарно, с известной долей эпатажа. Придание высказыванию эмоционально-экспрессивной окраски и ведет к языковой игре как форме лингвокреативной деятельности.

Средство создания оригинального, способного заинтересовать читателя необычным способом изложения речевого произведения называется языковой игрой (ЯИ). ЯИ – это намеренное нарушение норм речевого поведения, вызывающее эффект обманутого ожидания: читатель ожидает, что в соответствии с нормами языка будет написано одно, а читает совсем другое. Исследователи подчеркивают связь игры с искусством – овладение миром не в практической, а в знаковой форме.

ЯИ – это сгущение языковых инноваций. С общенаучной точки зрения игра – это вид свободно-условной деятельности (М.М. Бахтин, Ю.М. Лотман, С.Л. Рубинштейн). Игра – это особая форма познания и исследования окружающего мира (А.Н. Леонтьев, С. Миллер). Игра рассматривается многими исследователями как один из коммуникативных, социальных, психологических феноменов культуры (Й. Хейзинга, Л.С. Выготский). В широком понимании ЯИ – сам язык в процессе его усвоения и употребления индивидом (Л. Витгенштейн). В более узком понимании ЯИ – осознанное отступление говорящего от языковой нормы, нетрадиционное использование языкового знака (Е.А. Земская, Т.А. Гридина, Б.Ю. Норман, В.З. Санников).

Механизм языковой игры строится на моделировании языкового парадокса, на нарушении стереотипных форм выражения мысли, на осознанном отступлении от узального употребления языкового знака с целью создания игрового дискурса. В печатных СМИ организация игры – дело более тонкое и требует не только креативности, виртуальности мышления, но и владения приемами создания игровой ситуации. Игровые приемы обращаются к эмоциям и логическому осмыслению одновременно, что развлекает адресата, располагает его к произвольному восприятию, приглашает к диалогу, приводит в движение его творческие способности, формирует новый способ освоения мира.

ния с подчинительными смысловыми отношениями между частями (*емли за свои отрокъ колико ти годьно правъ ти есть*, ‘доверяй своему отроку собирать сколько угодно [денег]: он прав’, № 819, 1170-80 гг.), повтор присоединительных союзов и предлогов (*а ныне мя въ томъ яла кънягыни а ныне ся дружина по мя поруцила а ныне ка посьли...*, № 109, к. XI – нач. XII вв.; *оу максима оу ключника*, № 354, 1340-70 гг.) и др.

Бытовые письма лиц духовного сана наряду с разговорными элементами содержат варьируемые количественно книжные языковые средства. Например, текст послания монаха Ефрема духовному брату Исухии, в котором абсолютно преобладают не книжные черты, содержит слова с церковнославянским и древнерусским префиксами *рас-* и *роз-*, формы аориста и имперфекта наряду с *л-*причастиями: *не распрашавъ розгневался мене игоумене не поустиле а я прашалъся <...> а соромъ ми оже ми лихо мьвляше* (№ 605, до 1120-х гг.). Язык частных писем митр. Киприана, поздний древнерусский период, 1378 г. [Прохоров, 1978, с.195-202], относится к книжному регистру сниженной нормы. В нем представлены: сложная система времен (*приехал есмь в Любутеск, господь... учаше их, писася си грамота*), книжные формы прилагательных и причастий (*лживаго, святыа Богородица; [слово господне] глаголющее, ходяй в заповедех господних* – отметим влияние контекста на стиль речи), книжные средства синтаксической связи (*Аще ли кто не послушаеть...; Иду же, якоже...; Веси бо...*) и др. К народно-разговорным разноразным языковым явлениям относятся употребление *л-*причастия (*мне не хотелося...*), местоимения *яз*, целевого союза *дати* в этикетной формуле призыва писать; в тексте присутствуют фрагменты с повтором предлогов и начинательным союзом *а*.

Аналогичная обусловленность выбора языковых средств не типом письма, а «фактором адресанта» отражена в официальных служебных посланиях. Деловое содержание предопределяет использование пишущими средств делового языка, и примеры таких текстов представлены среди эпистолярных памятников XV-XVII вв. От посланий древнерусского периода сохранились только тексты, написанные от имен церковных лиц на книжном языке (регистр – церковнославянский строгой и сниженной нормы). Например, язык переводного информирующего послания патриарха Константинополя Луки князю Андрею Боголюбскому, посвященного поставлению епископа, 1160 г., представляет книжный регистр строгой нормы. В тексте последовательно используются славянские формы на всех уровнях языка вне зависимости от контекста: и в устойчивых эпистолярных формулах, отражающих духовный сан адресанта, и в рекомендательных высказываниях, регулирующих сферу христианского быта, например: *Благодать Господа нашего... да будетъ съ благородіемъ твоимъ, аминь; ...но аще и снѣдь сыра, и масла кравіаго и мяса отмаема, стыденіемъ апостольскаго правила, но масло древяное и другая, къ симъ и рыбы приемлемъ* [РИБ 1908, стб. 74]. Единственная не книжная языковая единица – союз *ожели* (при 21 употреб-

лении союза *аще (ли)*), возможно, отсутствовавший в протографе: ...*да не забываеть, ожели то твое благородіе будеть въ томъ грѣсѣ*. Данное послание характеризуется стилистическим единством с памятниками церковного права (ср., например, Вопросание Кириково, 1130-56 гг.), в то время как тематически принадлежит к служебной деловой переписке.

Таким образом, в эпистолярном тексте XI-XIV вв. отражается частая (и прозрачная для исследователя) интерференция авторских «речевых навыков» – естественного и книжного [Живов, 1996, с.30]. Этот признак характеризует только переписку образованных людей, так как лишь их коммуникативные навыки дифференцированы. Данное явление также представлено в старорусских посланиях. Вместе с тем зависимость стилистики письма от социокультурного статуса адресанта или адресата не является регулярной (см. служебные послания Иосифа Волоцкого, арх. Геннадия, патр. Филарета), и поэтому рассматривать параметр языковой личности как системообразующий при классификации типов эпистолярных памятников и их регистрах распределении нельзя. Влияние данного параметра, напротив, нарушает системность в жанрово-стилистической типологии писем и обуславливает отсутствие абсолютной корреляции между ней и распределением писем по языковым регистрам.

И.Г. Красковская (Гродно)

МНОЖЕСТВЕННОЕ «ГЕНЕРАЛИЗУЮЩЕЕ» ИМЁН СОБСТВЕННЫХ: СОЧЕТАЕМОСТЬ И СЕМАНТИКА ФОРМ

Известно, что имена собственные (ИС) служат для индивидуализации предмета; их грамматической особенностью является то, что они обычно употребляются в форме какого-то одного числа – единственного или множественного (*Кавказ, Афины*). В последнее время в публицистике и художественной литературе чрезвычайно популярны «переносные» употребления собственных наименований. Это может быть как метонимическое употребление (*Пётр Семенович никогда не владел такими средствами, чтобы приобрести сразу несколько Шагалов*), так и метафорическое. К показателям «метафоричности», например, относят определение, несовместимое с «прямым» пониманием имени (*белорусский Монмартр, теннисный Леонардо Ди Каприо*), множественное число ИС (*В каждой сфере деятельности есть свои Моцарты*) и др. Использование ИС в переносном значении создаёт необходимую в языке компрессию смысла – «увеличение или сохранение объёма передаваемой информации при экономии материальной формы выражения» [Чекалина, 1991, с.117]. ИС здесь проникаются «вторичным, дополнительным понятием содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных» [Отин, 2004, с.5].

Следовательно, образование формы множественного числа ИС от формы единственного не может быть отражением оппозиции «один-много», а

moderation (NY Times, September 22, 2008). Во втором на основе ассоциации: *Ненецкий автономный округ – это Кувейт и Арабские Эмираты в одном флаконе. Там валовой продукт – 90 тыс. долл. на душу населения, что на уровне самых развитых стран мира. А доля бедного населения в округе, несмотря на это, высокая. Ресурсы просто вывозятся из региона, а уровень жизни населения остаётся по-прежнему очень низким.* (АиФ, 26 декабря, 2007).

Обращение СМИ к поэтонимам (поэтическим именам собственным) как средству создания экспрессивного эффекта во многом объясняется стремлением к установлению контакта с собеседником в рамках данного лингвокультурного сообщества. Это достигается благодаря апелляции к единому фонду знаний, при этом в межкультурном дискурсе представители других лингвокультурных сообществ испытывают сложности в восприятии и идентификации реалий, которые адекватно декодируются только представителями локальных культурных сообществ. Ср.: *Ta kreacja przyniosła mi (Janu Machulskemu) ogromną popularność. Na ulicach ludzie – nie tylko w Polsce – wołali za nim: "Kwinto"* [Henryk Kwinto – персонаж комедии "Vabank" – Т. Л.] (RP, 21 listopada, 2008); *Mrs. Clinton has spent her whole life climbing the ladders of education, wealth and power. Now, as part of her effort to hold off Senator Barack Obama, she is climbing back down them, sounding less like a Wellesley alumna than Roseanne Barr's old sitcom character, the den mother of her factory floor* [Roseanne Barr телекомик и писательница, персонаж телесериала «Roseanne», типичная американская домохозяйка – Т. Л.] (NY Times, April 28, 2008); *«Настоящие полковники» и даже лейтенанты довольно долго будоражили умы российского женского населения. Будоражили так, что даже построенная гарнизонная жить потенциальных невест не пугала. Форма считалась признаком сексуально-привлекательного мужчины. Похоже, познакомиться с поручиком Ржевским в наши дни рискнет далеко не каждая Наташа Ростова* (КП, 9 января, 2004).

Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что употребление разных классов онимов в составе ономастических тропов является в равной степени характерным для русско-, англо- и польскоязычной публицистики, что обусловлено как универсальными особенностями языка прессы, так и сущностью самих ономастических тропов. Вместе с тем наблюдаются определенные национальные различия в употреблении прецедентных имен. Во-первых, отчетливо проявляется специфика в выборе сфер-источников прецедентных имен. В англоязычной печати наиболее частотным является тропическое употребление имен персонажей поп-культуры и политических лидеров. В русской публицистике наряду с политическими персонажами отмечается широкое обращение к произведениям классической культуры и истории (как национальной, так и мировой). Польская публицистика занимает в этом отношении своеобразное промежуточное положение: в ней имеет место обращение к поэтонимам классической литературы в той же мере, что и к именам из сферы политики и к именам национальных героев. Во-вторых, различия распространяются также на количественные характеристики упот-

дийных дискурсов способствует углублённому изучению той или иной культуры и особенностей национального мировосприятия, так как позволяет выявить – наравне с общими, надэтническими – национально специфические модели оценки действительности.

Материалом исследования послужили ономастические тропы, извлеченные методом сплошной выборки из газетно-публицистических текстов различной жанровой специфики на русском, английском и польском языках («Завтра», «Аргументы и факты» (АиФ), «Звезда», «Независимая газета», «Комсомольская правда» (КП), «The New York Times» (NY Times), «The Times», «The BBC News», «Gazeta Wyborcza» (GW), «Rzeczpospolita» (RP), «Polska Gazeta» (PG) и др.). В работе были использованы следующие методы лингвистических исследований: описательно-аналитический в таких его разновидностях, как наблюдение, обобщение, интерпретация и типологизация; описательно-сопоставительный; а также методы компонентного и контекстуального анализа.

Прецедентные имена собственные, являющиеся основой ономастических тропов, включают различные классы онимов, обладающие эмоциональной и когнитивной значимостью в рамках определенной лингвокультуры.

Антропонимы являются наиболее продуктивным классом онимов и обладают высоким тропеическим потенциалом в русской, английской и польской публицистике, что обусловлено антропоцентричным характером языковой картины мира носителей исследуемых языков. Продемонстрируем это на примере а) сравнения: *W takich czasach Obama, podobnie jak Lincoln, jest przekonany, że na pokład trzeba wezwać wszystkich. Nawet rywal* (GW, 16 listopada, 2008); б) метафоры: *И если ваш муж, покупая запчасти на последние гроши, лудит в гараже какие-то железяки, не спешите называть его нехорошими словами. Не для себя старается Генри Форд - для семьи* (КП, 28 марта 2008); в) аллюзии: *John McCain has declared that he counts himself as a Republican "in the Theodore Roosevelt mold." But it's hard to square Senator McCain's candidacy with his hero worship of the 26th President <...> Taxwise, it is Mr. McCain's support for sharp cuts in the estate tax that puts him most at odds with Teddy Roosevelt – and in the camp of the "have mores," as Mr. Bush once dubbed staunch Republican contributors* (NY Times, August 15, 2008).

В социально ориентированной коммуникации особенно ярко проявляется связь топонимов с историей, культурой, социальной организацией и политической жизнью общества. «Замысел как актант топонимической метафоры предполагает намерение лексикализовать информацию двух типов: мысль, формирующуюся в связи с оценкой какого-либо топоса, т. е. географического объекта, либо мысль по поводу некоей ситуации – социальной, культурной, бытовой» [Ратникова 2003, с. 114]. В первом случае в основе топонимического тропа лежит уподобление на основе более или менее очевидного признака. Ср: *Rosja to Chiny Europy – olbzymi kraj ze 145 milionami konsumentow* (GW, 11 lipca, 2004); *Some speculate that Dubai is like Vienna during the cold war, a playground for all sides. There is a robust state security system. But there is also a feeling that diversity, tolerance and opportunity help breed*

связано со сдвигом лексического значения. Так ИС могут принимать форму множественного числа а) для экспрессивного преувеличенного представления единичного предмета (множественное «гиперболическое»): *Что без мамы все мы, все Мадриды, Римы, Шанхай, Европы, России... что мир без мамы?* (рецензия на фильм); б) для обобщённого обозначения однородных предметов (множественное «генерализующее» (предметы или лица некоторого типа) [Санников, 1999]): *Где сопротивление? Где пугачевы и стеньки разины? Где народный отпор?* («Советская Россия», 2003.03.15); в) для различных оттенков осуждения, общего неприятия (множественное «пейоративного отчуждения» [Пеньковский, 1989]): *Березовские, Гусинские и разные прочие Абрамовичи провоцируют антиеврейские синдромы и погромы во всем мире* («Лебедь» (Бостон), 2003.07.14). Отметим, что между различными непрямыми значениями множественного числа нет резких границ: в конкретных случаях соответствующие словоформы могут быть отнесены к более чем одной группе.

В нашей статье мы обращаем внимание только на одно значение формы множественного числа ИС – множественное «генерализующее» (предметы или лица некоторого типа). И.Э. Ратникова отмечает, что эта семантическая модель, имеющая широкое распространение со времён Ломоносова, в современной публицистике заметно активизировалась в связи с потребностью оценки личности (группы) как общего явления [Ратникова, 2003, с.55].

В данном значении «референт словоформы во множественном числе – это совокупность объектов в количестве большем одного. Нестандартным здесь является соотношение референтов ед. и мн. числа: множественное число означает не 'X-ы в количестве более одного', а 'объекты типа X в количестве более одного'» [Перцов, 2001, с.180]. Отдельное имя начинает ассоциироваться с определенным денотатом и становится типичным для многих других людей, которые в чем-то похожи.

Цель настоящей статьи – выявить и представить, в каком сочетании наиболее часто выступают ИС в форме множественного числа в генерализующем значении.

Будучи предельно определённым в речи, ИС мало нуждается в атрибутивных распространителях, так как его референт предполагается известным адресату речи. Однако часто ИС в форме множественного числа сопровождается различными атрибутами, что расширяет и одновременно конкретизирует значение имени, при этом устраняются все неактуальные в контексте данного суждения признаки основного компонента и подчёркиваются актуальные.

Анализ материала показывает, что все эти адъективные слова условно можно разделить по их значению и той функции, которую они выполняют при ИС, на несколько групп.

1. Адъективы, соотносящие группу 'объекты типа X в количестве более одного' с иным временным планом (*современные Базаровы, будущие Остапы Бендеры, новоявленные Колумбы, новые Афганистаны и Чехословакии* и

др.): *Самое трудное то, что у большинства наших студентов интересы в большей степени естественно-научные, нежели гуманитарные. Химия им понятна, анатомия тоже, гистология, физиология. ...А этика – для чего она? – Такие вот современные Базаровы* («Вечерняя Москва», 2002.10.10).

2. Адьективы, соотносящие группу 'объекты типа X в количестве более одного' с иным пространственным, этническим, политическим планом. Данные адьективы могут быть выражены как относительными прилагательными (русские Свифты, российские Левши, отечественные Плюшкины, японские Мичурины, китайские Хрущёвы, советские Чеховы и др.), так и притяжательными местоимениями (наши Остапы Бендеры, свои Чаплины, Кины и др.): *В банковском бизнесе тоже есть свои Феллини и Моцарты, просто их никто не знает* (АиФ, 2001.04.04); *Над чем сейчас трудятся российские Левши и какая участь постигнет их «безумные» изобретения?* (КП, 27.02.2001).

3. Адьективы, соотносящие группу 'объекты типа X в количестве более одного' с иным возрастом (молодые Эразмы Роттердамские, Менделеевы, Кулибины; маленькие Чеховы, четырнадцатилетние Шумахеры и др.): *Пусть наши молодые Кулибины и Менделеевы отправляются на процветающий Запад не как крысы с тонущего корабля, а с гордо поднятой головой* (МК, 22.02.2001).

4. Адьективы, приписывающие группе 'объекты типа X в количестве более одного' те или иные характеристики (ловкие Мавроди, шустрые алладины, светлолицие Изольды, хитроумные Эдисоны, спецэффектные дюймовочки, ширпотребовские Глории Свенсон, усталые Сизифы и др.). Характеризующая дескрипция при ИС часто используется, если автор хочет актуализировать какое-либо качество носителя имени: *Не перевелись «быстрые разумом Невтоны» и хитроумные Эдисоны тут и сегодня* («Наш современник», 2004) или приписать группе 'объекты типа X в количестве более одного' иное качество, не свойственное реальному референту: *Это были ширпотребовские Мэри Мэй и Глории Свенсон... Их было много всяких разновидностей и рангов – от почти всамделишных голливудских звёзд с утомлёнными ртами, от светлых длиннолицых высоких блондинок до просто хорошеньких кудрявых девушек, для которых всё ещё оставалось впереди* (Ю. Домбровский).

5. Отдельную группу составляют ИС в сочетании со словами, выражающими количество (сотни, тысячи, дюжины, десятки, стаи, полк, много и др.). Данные слова служат для сужения или расширения группы 'объекты типа X в количестве более одного' (десяток Абрамовичей, 25 Моцартов, сто Наполеонов в год, стаи Марлен Дитрих и Грет Гарбо, сотни и тысячи Горбачевых, многочисленные Ностардамусы): *Мы – за то, чтобы недра использовались на благо всего народа, а не для десятка абрамовичей и ходорковских* («Советская Россия», 2003.01.15); *Как следствие, по улицам русских городов расхаживали стаи Марлен Дитрих и Грет Гарбо* (Э. Лимонов).

(10.07.2008). Главным «украшением» фестиваля стал российский квадрат. Но не Малевича (03.07.2008). *Пешеход? Под землю!* (03.07.2008) *Инвалид? В «Кузьминки»* (05.06.2008) Знаки препинания могут менять значение известных выражений: *Караул, устал!* (20.11.2008) – о синдроме хронической усталости.

9. Использование цифр и других математических знаков: *23 плюс 2* (04.09.2008) – о медалях в Пекине; *Квартира +* (31.07.2008).

10. Комбинирование указанных приемов: *«Це мент» из Москвы*. Украинская милиция обиделась на российский аттракцион «Инспектор ГАИ» (06.03.2008). *На Вы: Рост* (14.02.2008) – о новой книге Юрия Роста, писателя, журналиста, фотографа, путешественника. *60 – для теннисиста – 6:0 в первом сете* (06.03.2008) – к 60-летию юбилею Шамиля Тарпищева. *Без «Труда»...* Бывшее здание газеты «Труд» сохранится (05.06.2008). *БАК-НОТЫ. Ценам на бензин приказано стоять* (23.10.2008)

В подавляющем большинстве случаев использование графических средств экспрессивности является уместным и оправданным и способствует реализации двух основных функций газетного заголовка – информационной и рекламной.

Т.И. Ларина (Гродно)

О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ТРОПОВ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, РУССКО- И ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ)

Специфика коммуникации того или иного этноса во многом определяется тем национально-культурным содержанием, которое входит в коммуникативную компетенцию его представителей.

Тропы принадлежат к числу ведущих средств создания языковой картины мира – индивидуально-авторской, национально-поэтической, наконец, могут заключать в себе нечто, что может быть охарактеризовано как «общее», «универсальное» [Жордания 1981].

Как известно, прецедентные имена собственные употребляясь в качестве средств вторичной номинации, предикации, а также аллюзии обладают высоким тропеическим потенциалом в газетном дискурсе. Специфику национального дискурса определяют прецедентные феномены, входящие в состав тропов, которые способны «1) выполнять роль эталона культуры, 2) функционировать как свернутая метафора, 3) выступать как символ какого-либо феномена или ситуации (взятых как совокупность некоторого набора дифференциальных признаков)» [Красных 2003, с. 171].

Средства массовой информации, находящиеся в фокусе исследования данной работы, демонстрируют высокую степень проявления социальных взаимосвязей между различными единицами социума. Целью нашего исследования является выявление национально-культурной специфики функционирования ономастических тропов в англо-, русско- и польскоязычной публицистике. Сопоставительное исследование разных национальных масме-

3.4. Прописными буквами выделяются названия букв: *Жи и Ши*. В Сибири организовали «скорую помощь» для желающих говорить правильно (20.03.2008); *Зеленая, мокрая, на Ё начинается. Китайцы написали новую азбуку для наших детей* (08.05.2008).

4. Использование латиницы: *Self made дирижер* (17.08.2008) – к 90-летию великого американского композитора, пианиста и дирижера Леонарда Бернштейна (*self made man* – человек, который сделал сам себя). *Back in USSR?* (04.09.2008) – о чемпионате Континентальной хоккейной лиги, в котором смогут играть команды из бывшего СССР. *Welcome, граждане!* (18.09.2008) – о коммерческих подземных паркингах. *Сколько стоят VIP-путевки?* (10.04.2008); *Что такое trade-in?* (07.08.2008) – система зачета старого автомобиля при покупке нового; *Что такое buy-back?* (07.08.2008) – кредит с отсрочкой погашения или обратным выкупом. *Самый меткий Love* (27.11.2008) – лучший бомбардир чемпионата России по футболу 2008 – Вагнер Лав. *Поколение NEXT: без цензуры* (09.10.2008) – о новом проекте на ТВ для подростков.

5. Использование букв, вышедших из употребления: *Театр «Модернь»* (27.11.2008). *Дмитрий Медведев расставил точки над i в отношениях власти и малых предпринимателей* (07.08.2008) – обыгрывается значение фразеологизма *расставить точки над и*.

6. Дефисация: *Косо-вары. Кто и зачем заварил кашу на Балканах* (21.02.2008). Экспрессивный эффект основан на семантическом сближении вычленяемого фрагмента и глагола *заварить*. *Супер-стар. Возрастная дискриминация становится серьезной социальной проблемой* (22.05.2008). *Фото-графы. Мастера светописы на московской «Фотобиеналле-2008»*.

7. Использование кавычек: *«Густав» ужаснул Америку* (04.09.2008) – об урагане, нанесшем огромный материальный ущерб США. *«Бригада» – на выход! Началось массовое освобождение бандитов 90-х* (27.11.2008); *Следы на «Тяжелом песке»* (09.10.2008) – об экранизации романа А. Рыбакова; *Кто получит «Наследство»* (27.11.2008) – о новом телесериале. Особенно часто кавычки используются в номинациях различных видов вооружений: *Затихший «Буря»* (20.11.2008) – о космическом корабле многоцелевого использования; *«Синева» над экватором* (16.10.2008) – название ракеты; *Куда исчез «Зоопарк»?* (02.10.2008) – об уникальном радиолокационном комплексе. В имена собственные чаще других переходят названия животных, птиц: *Черная судьба «Акулы»* (04.09.2008) – о судьбе новейших боевых вертолетов «Черная акула»; *В чреве «Пантеры»* (20.11.2008) – о подводной лодке; *«Белый лебедь» летит* (08.05.2008) – о стратегическом ракетноносце.

8. Активизация знаков препинания в заголовках, что связано с их синтаксической структурой, возросшей частотой использования экспрессивных конструкций (цепочек номинативов, парцелированных структур, эллиптических, вопросно-ответных единств, побудительных высказываний и под.): *Надо брать?! Игорь Масленников снимает комедию «Русские взятки»* (17.07.2008). *«Ленфильму» – 90 лет!* (24.04.2008) *Жара. Гамак. Шелест страниц...* (31.07.2008) *Военным добавят «крупно». Но с 2010 года*

Таким образом, ИС в форме множественного числа часто употребляются с атрибутивными актуализаторами, усиливающими создание генерализующего значения. Как правило, они указывают на временную, локальную, национальную, возрастную отнесенность, те или иные характеристики, определенное количество. Средствами конкретизации служат качественные и относительные прилагательные, притяжательные местоимения, нумеративы и определенно-количественные слова.

М.М. Михалевич (Минск)

О ПОСЕССИВНОСТИ И ЕЕ МЕСТЕ В ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ КОМПОЗИТОВ

Принадлежность, или посессивность, является одной из универсальных категорий языка, занимающей ключевую роль в грамматической системе и важное место в системе номинации. Вместе с тем посессивность существенно отличается от базовых ономаσιологических категорий (ОК), для которых характерно наличие последовательного соотношения между семантически маркированной категорией, эксплицированной в анализируемом слове, и ее вербализацией в номинативном суждении (НС) при помощи соответствующей части речи, поэтому базовые ОК, положенные в основу номинации, можно определить уже на этапе выявления семантических маркеров. При этом наличие посессивности в ономаσιологической структуре (ОС) производного слова обнаруживается на глубинном уровне ономаσιологического анализа, когда мы переходим от выявления составляющих ОС производного слова (ономаσιологического базиса (ОБ), ономаσιологического признака (ОП и его компонентов) к анализу смысловых отношений между ними.

В данной работе мы стремились определить место посессивного ОП в системе русской и английской композитной предметной номинации. Материалом исследования послужили композиты с простым или составным посессивным ОП, извлеченные из лексикографических источников русского и английского языка путем сплошной выборки [Collins English Dictionary, 2006; Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. / Ефремова, 2001]. При оценке материала английского языка дополнительно использовался электронный словарь фитонимов [The Dictionary of Common Names] и отдельные примеры антропосемических композитов, приводимых в работе Е.Г. Васильевой [Васильева, 2006]. В качестве основного метода использовался ономаσιологический анализ с опорой на номинативное суждение.

Количество композитов, в ОС которых фиксируется посессивный ОП, варьируется в зависимости от определения термина «посессивность». Узкое понимание посессивности предполагает ситуацию «собственно владения», принадлежности неодушевленного предмета одушевленному субъекту. В более широком понимании посессивность характеризуется разнообразием семантических вариантов, включая отношения неотторжимой принадлежности, а в качестве объекта владения может выступать «не только конкретный

предмет, но и действие, качество, представленное языком как своего рода субстанция» [Цейтлин, 2007, с.203].

Посессивность может быть как организующим свойством ОС композита, так и характеристикой одного из элементов составного ОП, т.е. может реализоваться в ОС предметных композитов при помощи как простого, так и составного ОП. Для обоих типов посессивного ОП как компонента ОС композитов характерна синкретичность: в большинстве случаев посессивный ОП может вербализоваться в составе НС в виде существительного, и поэтому характеризуется одновременно объектной отнесенностью. Посессивный ОП может также присутствовать в ОС производных слов, мотивированных притяжательными местоимениями (*своенравие, своеволие*), однако среди русских предметных композитов такие примеры являются редкостью, а в исследованном лексикографическом материале английского языка отсутствуют вообще (исключение – *milady*). Наиболее близко к ним по семантике стоят отдельные английские композиты, содержащие основы личных местоимений в объектном падеже или основу *self* (*me-time, self-cheque*).

Простой посессивный ОП чаще всего реализуется как первый компонент составного ОП, реже – в сочетании с ОБ, эксплицированным в виде основы или слова. Вторая модель ОС для русских композитов нетипична, хотя неоднословные наименования с простым посессивным ОП широко распространены в русском языке. Т.Г. Трофимович отмечает, что в русском языке «в процессе номинативной деривации признак по принадлежности чаще реализуется аналитически, в неоднословной единице, и значительно реже в однословной» [Трофимович, 2003, с.114]. Это подтверждают и результаты нашего анализа: в русском языке примеры простого посессивного ОП представлены менее широко, чем в английском, а если руководствоваться узким пониманием термина «посессивность», то следует признать, что они единичны. Даже при совпадении семантических маркеров обоих компонентов наименования в русском и английском языках часто английским предметным композитам с посессивным ОП в русском языке будут соответствовать бибры: *goosefoot* – *гусиные лапки*, *witch-hat* – *ведьмин колпак* (*ист.*) и т. п.

Для простого посессивного ОП в обоих языках характерны следующие семантические варианты посессивных ситуаций: 1) неотторжимая принадлежность, партитивность (*лисохвост, змееголовник, mouse-tail, foxtail, wolf's-claws, dragonhead, beavertail*); 2) тождественность объекта (*witch-mark* – *'родимое пятно, избочливающее ведьму'*, букв. «ведьмин знак»); 3) постоянное обладание (*своеземец, foxglove, bachelor's-button*); 4) агентивность (*своедельщина, Job's-tears* «кукушкины слёзки») и др. Семантический вариант посессивной ситуации, подразумевающий тождественность объекта, положен в основу именования в русских композитах *единомышленник, единоплеменник, одноклассник, однокурсник, однагруппница* и т. п. В данном случае для ОП также характерна синкретичность (наложение качественно-атрибутивного и посессивного ОП). Допущение такого семантического варианта посессивно-

Экспрессивный потенциал графических средств языка исследован в меньшей степени. Изобразительно-выразительные ресурсы графики включают две группы явлений: 1) совокупность художественных приемов оформления печатного текста (т.е. все, что связано с искусством набора, верстки, макетирования, дизайна номера, использования цвета, варьирование шрифтов – типографика); 2) совокупность графических средств языка (буквенных и небуквенных, прежде всего знаков препинания).

В проанализированных текстах наиболее часто используются следующие экспрессивные графические средства.

1. Поскольку газета выходит в черно-белом исполнении, основной прием, используемый дизайнерами, – прием контраста, который реализуется несколькими способами: а) некоторые заголовки и анонсы печатаются светлым шрифтом на темном фоне; б) заголовок может располагаться по вертикали, перпендикулярно к основному тексту; в) на первой странице еженедельника анонс материалов дается по косой (имитируется загнутый уголок страницы).

2. Шрифтовое разнообразие связано, с одной стороны, с размером шрифта, с другой – с видом шрифта (курсив, полужирный, жирный).

3. Контраст строчных и прописных букв.

3.1. Сегмент, выделенный прописными буквами, совпадает с реально существующим словом. Такая омонимия вызывает определенные ассоциации у читателя: *ПЕРИСмешники* (22.05.2008) – о новом проекте на Первом канале «Прожекторперисхилтон»; заголовок образован способом междусловного наложения, контаминации слов (телескопический способ словообразования), выделенная прописными буквами часть слова отсылает к источнику – известному читателям имени собственному. Сравните также: *ОСКАРбленные?* (28.02.2008) – о 80-й, юбилейной церемонии вручения наград американской киноакадемии «Оскар», на которой ни один из российских претендентов не получил премию (в данном случае экспрессивный эффект усиливается за счет преднамеренной орфографической ошибки); *ГАЛЛПредставление. Теле-сериал о Галине Брежневой вызвал неоднозначную реакцию* (02.10.2008).

3.2. Одновременная реализация значений нарицательных существительных и имен собственных: *Круче Кручи* (10.07.2008) – о новом сериале «Мент в законе» с главным героем – майором Степаном Кручей; *Путь к Славе* (17.04.2008) – о жене легендарного хоккеиста Вячеслава Фетисова Ладе Фетисовой; *Вспоминаю Любовь* (20.11.2008) – об актрисе Любове Полищук.

3.3. Включение аббревиатур в языковую игру: *ФАС на монополистов* (17.07.2008) – экспрессивный эффект основан на омонимии междометия *фас* и аббревиатуры *ФАС* (Федеральная антимонопольная служба). Сравните также: *Не в то ВТО* (04.09.2008) – о перспективах присоединения России к Всемирной торговой организации; *ДТПутешествие. Российские туристы гибнут на отдыхе* (18.09.2008); *БУГи-вуги ВВС* (04.09.2008) – БУГ – боевая ударная группа вертолетов; *Народ – ПРОтив. Большинству населения Чехии американский радар не нужен* (10.07.2008) – о планах США по реализации противоракетной обороны; *МММало не покажется. В Санкт-Петербурге рухнула новая финансовая пирамида* (13.03.2008).

**ЭКСПРЕССИВНЫЕ РЕСУРСЫ ГРАФИКИ
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ «РОССИЙСКОЙ ГАЗЕТЫ»)**

«Российская газета» – одно из авторитетных массовых изданий (общенациональная общественно-политическая газета, тираж – около трех с половиной миллионов экземпляров), освещающее различные стороны жизни общества и государства: внешнюю политику, события в мире, экономические и социальные вопросы, проблемы культуры и спорта и, что особенно отрадно, уделяющее особое внимание культуре русской речи, состоянию и функционированию русского языка: постоянные рубрики в газете ведут профессор А. Суперанская (происхождение имен и фамилий) и М. Королева (рубрика «Говорим по-русски» в популярной форме освещает вопросы происхождения слов и выражений, нормы ударения, употребления отдельных форм и под.).

Материалом для исследования послужили заголовки, подзаголовки, названия рубрик, анонсы материалов «Российской газеты», которые методом сплошной выборки были извлечены из еженедельных выпусков газеты за 2008 год.

Экспрессивность – неотъемлемый признак художественных и публицистических текстов, который реализуется средствами всех языковых уровней. Традиционно в лингвистических работах подробно исследуются лексические, словообразовательные и синтаксические средства создания экспрессивности. Наиболее частотными приемами языковой игры, используемыми в газетных текстах, являются аллюзии: *Шашлык на обочине* (05.06.2008); *Что грипп грядущий нам готовит?* (16.10.2008); контраст (антитеза): *«Сладкая жизнь и «горькая» смерть* (22.05.2008) – о документальном фильме «Писатель и вождь. Максим Горький» (экспрессивный эффект усиливается от сочетания приемов антонимии прилагательных *сладкий – горький* и омонимии качественного прилагательного *горький* и фамилии *Горький*); *Горячий взгляд Веры Холодной* (31.07.2008) – о 115-летнем юбилее со дня рождения великой актрисы немого кино; оксюморон: *Второстепенные главные роли* (03.07.2008) – о 70-летнем юбилее народной артистки России Лии Ахеджаковой; трансформация фразеологизмов: *Счастье луковое* (07.08.2008) – о хранении лука; *Белым по красному* (26.06.2008) – о смородине на дачных участках; окказионализмы: *Мыловато будет* (31.01.2008) – о новых сериалах на телевидении (маловато + «мыльный» сериал); *Как он угайдал!* (31.01.2008) – о 85-летнем юбилее режиссера Леонида Гайдая (угадать + Гайдай); *Америкосово. Объявление независимости края раскололо Европу* (21.02.2008); *Евгенийальный поэт* (10.07.2008) – о документальных фильмах, посвященных Евгению Евтушенку; *Евробилан* (23.10.2008) – о победе Димы Билана на Евровидении; *Ландфрау* (20.11.2008) – о кинофильме «Мой муж – гений» (академик Лев Ландау).

сти как принадлежность объекта группе лиц, учреждению либо месту позволяет усмотреть наличие некоторых посессивных значений в ОС слов *градоначальник, домоправитель, домочадеу, country girl, class-mate* и т. п.

Составной посессивный ОП является обязательной (в английском языке – единственной эксплицированной) частью ОС композитов-бахуврихи – метонимических сложных слов со значением принадлежности или обладания. К ним относятся экзоцентрические композиты, содержащие составной ОП (вербализующий доминантную черту называемого объекта) и лишённые эксплицированного ОБ: *tightwad, loudmouth, deep pocket, blackhead, peg-leg, толстосум, толстопуз, мокрехвост* и т. п. Основой именованного становится посессивная ситуация партитивности (например, в случае, когда вторым семантическим маркером является основа соматизма: *greenhorn, softhead*) или постоянного владения, обладания (*big gun, green-apron*). Посессивные антропометонимические композиты в большом количестве присутствуют и в русском языке, однако они далеко не всегда соответствуют классическому определению бахуврихи, подразумевающему экзоцентричность. В большинстве проанализированных нами русских посессивных композитов поверхностная ОС содержит ОБ, эксплицированный в виде суффикса: *коротконожка, синеглазка, белопогонник* и т. п. Посессивностью со значением неотторжимой принадлежности характеризуется составной ОП в словах *двоемужица, двоеженец* (родственные отношения); *восьмиэтажка, four-eyes, five-finger* (партитивность) и т. п.

При более подробном рассмотрении ОС английских бахуврихи и русских посессивных композитов становится очевидным, что данный тип весьма неоднороден, чему способствуют ономазиологические характеристики первых компонентов сложных слов. Простые ОП, входящие в состав составного посессивного ОП, могут выражать объектные, темпоральные, нумеральные, компаративные, посессивные и другие отношения, которые часто осложняются метафоризацией и дополнительными (не связанными с отношениями посессивности) метонимическими сдвигами.

Перечень возможных сочетаний простых ОП в рамках составного посессивного ОП не является исчерпывающим. Исключительная неоднородность композитов, которые принято называть посессивными, определяется, на наш взгляд, тем, что отношения посессивности в данном случае существуют за рамками словесной единицы. В отличие от композитов, содержащих простой посессивный ОП как часть составного ОП, английские бахуврихи и русские посессивные композиты не содержат семантического маркера посессора, а называют самого посессора. Посессивность выступает как характеристика процесса метонимической номинации, но для сравнительно-типологического описания русских и английских композитов с ономазиологических позиций, на наш взгляд, более продуктивным является сравнение результатов этого процесса – моделей, в которых она реализуется. Если в основу именованного положен расчлененный ОП, то особенности ОС композита

определяются сочетанием и смысловым взаимодействием двух и более простых ОП в рамках составного ОП, и именно простой ОП должен выступать главным критерием типологизации.

Для английской композитной предметной номинации посессивность как основа именованного характера в большей степени, чем для русской. Английские предметные композиты отличаются также большим разнообразием семантических вариантов посессивности и возможностей сочетаемости простых ОП в рамках составного посессивного ОП. Количество композитов с простым посессивным ОП незначительно, особенно в русском языке при узком понимании посессивности. При более широком понимании посессивности следует отметить характерную для обоих языков синкретичность простых ОП, которые могут сочетать в себе посессивные и локативные, посессивные и качественно-атрибутивные, посессивные и объектные значения и т.п. Все это следует учитывать в процессе ономастического анализа.

М.В. Свиридович (Минск)

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ И ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ ЗООНИМОВ

Семантическая структура слов формируется в процессе совместной деятельности людей, закрепляется языковой практикой общества. В семантике русских и немецких зоонимов выделяются как общие компоненты, так и отдельные различия, обусловленные национальным своеобразием. «Лексическое значение слова – продукт мыслительной деятельности человека, оно связано с редукцией информации человеческим сознанием, с такими видами мыслительных процессов, как сравнение, классификация, обобщение» [Гак, 1998, с.261]. Особенности национального мышления, социально-психологического опыта освоения «поля обозначения», культурно-языковые традиции определяют различия семантической структуры зоонимов.

Ярким выражением национальной специфики языка является внутренняя форма (ВФ) зоонимов. Языковая мотивированность отчетливо проявляется в словах *Kuckuck* и *кукушка*, *пелух* (*пелух*), *бабочка* (*баба*), *Krähе* ‘ворона’ (*krähен* ‘пелух’), *Fliege* муха (*fliegen* ‘летать’). Приведенные в качестве примеров признаки послужили основой для наименований представителей фауны только в одном из языков. Наоборот, сходную ВФ имеют русское и немецкое названия различных животных: *Meerkatze* ‘мартышка’ и *морской котик* ‘морское животное семейства тюленей’. Общность/специфика ВФ (если ВФ не утрачена) определяется генетической характеристикой зоонимов: общность присуща русским и немецким лексемам индоевропейского происхождения, заимствованиям, специфика свойственна исконной лексике.

Специфика русских и немецких зоонимов проявляется в различном расширении семантической структуры за счёт вторичной номинации. Перечни подобных русских и немецких зоонимов имеют некоторые различия на

но сияет, великолепно питает (*Bourjois*) [Mini, сентябрь 2007, с. 61], *Все в восторге от тебя, а ты – от Maybelline* [Mini, апрель 2007, с.15]; простые распространённые предложения, имеющие составное именное сказуемое с нулевой связкой: *Ручки как у белоручки («Белоручка»)* [Mini, февраль 2008, с. 89].

Экспрессивность, выразительность нередко создается за счет использования различных стилистических (риторических) фигур: антитеза: *Ангельская улыбка, дьявольские мысли (Bruno Banani – духи)* [Mini, апрель 2008, с. 19]; анафора + синтаксический параллелизм: *Здоровье для жизни. Здоровье для кожи. (Vichy)* [Glamour, январь 2006, с. 71], *Новая весна. Новый стиль. Новая коллекция. («Снежная Королева»)* [Mini, май 2007, с. 63]; градация: *«Мне нужен Цвет, только Цвет и ещё больше Цвета» (Naf-Naf – одежда)* [Mini, апрель 2008, с. 13] (перед нами сочетание восходящей градации с лексическим повтором); инверсия: *Так выглядит совершенство (MF)* [Mini, ноябрь 2007, с. 48].

Конечная цель любого рекламного текста – вызвать желание купить предлагаемый товар или воспользоваться услугой. Наступательный, активный, побудительный характер рекламе придают: побудительные предложения: *Нарядись и веселись! (Clare's)* [Mini, май 2007, с. 163]; восклицательные повествовательные предложения: *Какой взгляд! Невозможно оторваться! (Bourjois)* [Mini, ноябрь 2006, с. 15]; вопросно-ответные единства: *«Кто сказал, что зимой не бывает летнего загара?» - «Красивый загар – круглый год!» (Dave)* [Mini, март 2007, с. 151].

Актуализация важной информации в рекламных текстах связана, с одной стороны, с акцентированием внимания на названии фирмы, а также с выделением уникальных продуктов или материалов, которые использует та или иная компания, с другой – с подчёркиванием слов, отражающих род занятия фирмы (т.е. ключевых слов в рекламном тексте).

Выделение наиболее ценной информации достигается при помощи следующих приёмов: вопросительных предложений: *А Вы где одеваетесь? («Снежная королева»)* [Mini, апрель 2007, с. 79]; парцелляции: *Источник здоровья кожи – вода. И содержащиеся в ней минералы (Vichi)* [Mini, октябрь 2007, с. 4]; сегментации: *Max Factor. Советуют профессионалы. Garnier. Заботься о себе. Wella. Вы великолепны. Nivea. Всё, что нужно Вашей коже.*

В рекламных текстах сегментация чаще всего встречается в слоганах, причём сегментируется, как правило, название фирмы.

Анализ синтаксических особенностей текстов рекламы женских товаров позволяет грамотно подойти к созданию текстов такого типа и дать практические рекомендации копирайтерам.

Для достижения обозначенной цели необходимо решить следующие задачи: описать специфические признаки синтаксиса рекламных текстов женских товаров и систематизировать синтаксические единицы в соответствии с признаками. Для решения поставленных задач был использован описательный метод, включающий приёмы наблюдения, сопоставления, обобщения, классификации и лингвистической интерпретации синтаксических явлений, а также количественный метод при выявлении частотности употребления того или иного синтаксического средства.

Объектом данного исследования стали тексты рекламы женских товаров, помещённые в наиболее популярных женских глянцевого журналов Glamour (за сентябрь 2005 – сентябрь 2006 гг.) и Mini (за август 2006 – май 2008 гг.). Было рассмотрено около 300 рекламных текстов. Предмет исследования – синтаксические особенности рекламных текстов.

Существует большое количество работ, посвящённых рекламным текстам, но основное внимание в них уделяется экономической стороне вопроса, а анализ языковых особенностей остаётся на втором плане. В своей работе мы подробнее рассмотрели язык рекламных текстов и более полно исследовали синтаксическую систему текстов рекламы женских товаров.

Согласно классификации В. В. Тулупова [2006, с. 418], для синтаксиса рекламных текстов (прежде всего рекламных объявлений в печатных изданиях) характерны следующие особенности: 1) лаконичность, спрессованность информации, компрессия смысла; 2) живость, динамизм, стремительность; 3) экспрессивность; 4) наступательность, императивность, побудительность; 5) актуализация, выделение в тексте наиболее важной, ценной информации.

Одно из основных требований, предъявляемых к рекламе, – это лаконичность высказывания, что связано и с психологическими причинами, и с такой внеязыковой причиной, как дороговизна печатной площади. Все это находит отражение в языке рекламы. Лаконичность рекламных текстов создаётся с помощью разнообразных средств языковой компрессии (компрессии смысла): односоставных предложений (назывных, определённо-личных, инфинитивных): *Стиль. Притяжение. Игра* (Wella desing) [Mini, сентябрь 2006, с. 47], *Словами не расскажешь...* (Ваон – одежда) [Mini, апрель 2008, с. 39], *Блестать, словно царица!* (Pantene pro-v) [Mini, октябрь 2007, с. 92]; простых нераспространённых предложений: *Ты выбираешь!* (Venus) [Mini, август 2006, с. 103]; простых распространённых и нераспространённых предложений, подлежащее и сказуемое которых выражено формой И.п. ед.ч. существительного: *Красота – это сияние* [Mini, май 2008, с. 31], *Вода – источник здоровья* (Marine spa) [Mini, март 2007, с.153].

Не менее важным признаком синтаксической структуры рекламного текста является динамизм. Это качество особенно существенно для рекламы женских товаров, так как известно, что темп женской речи в среднем быстрее, чем темп мужской. Более живым, динамичным рекламный текст делают эллиптические предложения: *На 10 лет назад лёгким движением* [Glamour, сентябрь 2006, с. 143]; неполные предложения: *La creme des levres. Прекрас-*

фоне преобладающего сходства. Некоторым моносемичным зоонимам соответствует в другом языке полисемичная лексема (*Elefant* и *слон*).

Большинство русских и немецких многозначных зоонимов имеют, кроме исходного значения, один или несколько совпадающих ЛСВ, но полная идентичность семантической структуры подобных лексем не отмечается.

Схожее развитие семантики свидетельствует об универсальном использовании лексических средств для вторичной номинации (*Hai* и *акула*, *Kuh* и *корова*, *Pferd* и *конь*). Примеры различного набора ЛСВ многочисленны: *Maus* разг. ‘милочка, детка’, разг. ‘мякоть ладони у основания большого пальца’ (ср. с русск. *мышка* ‘мышца под плечевым сгибом’), *pl* фам. ‘деньжата’ (*er hat dicke Mäuse* ‘у него большие деньги’); *Katze* тех. ‘крановая тележка; монорельсовая тележка’, *уст.* ‘денежный мешок, кошель на поясе’; *кошка* ‘якорь с несколькими лапами’, ‘особые крюки в различных производствах’, ‘песчаная или каменистая отмель, коса’, *мн.* ‘приспособления для лазания на столбы, мачты и т.п.’, ‘приспособления, прикрепляемые к горной обуви для восхождения на ледники и т.п.’, *устар.* ‘многохвостая плеть для наказания’; *Hund* горн. ‘вагонетка’; *собака* ‘обозначение символа @’; *Fliege* разг. ‘бабочка (галстук)’, разг. ‘усики, борода’, *текст.* ‘бегунок’; *Wolf* разг. ‘мясорубка’, разг. ‘садины на теле, потертости от долгой ходьбы, езды’; *Affe* воен. жарг. ‘ранец’; *козел* ‘машина’). Хотя некоторые вторичные номинации совпадают (*Maus* и *мышь* ‘манипулятор для управления движением курсора на экране дисплея’), предметные значения, обусловленные метафорическим переносом зооназвания, различают русские и немецкие лексемы. Терминологические наименования неэквивалентны.

Схожесть вторичных образных значений русских и немецких зоонимов, проецируемых на человека, характеризует универсальность национально-культурных представлений двух этносов. Наряду с зооморфизмами (семантическими дериватами зоонимов, являющимися оценочными метафорами) в языке функционируют компаративные фразеологизмы. При полной эквивалентности большинства лексических метафор (*geschmeidig/flink wie eine Katze* – *гибкий/ловкий как кошка*; *zäh wie eine Katze* – *живуч как кошка*, *dumm wie ein Esel* – *глупый как осел*, *störrisch/stur wie ein Bock/Esel* – *упрямый как козел*, *baran/osel*, *böse wie ein Hund* – *злой как собака*, *besoffen wie ein Schwein* – *пьяный как свинья*, *ворона* и *Krähе* ‘ротозей’) отмечается ряд отличий, связанных с восприятием зоообразов двумя этносами: *sie ist falsch wie eine Katze* ‘она насквозь фальшива’; *обезьяна* ‘тот, кто подражает, передразнивает’, ‘очень некрасивый человек’ – *Affe* *бранн.* ‘дурак’; *alt wie ein Rabe* ‘очень старый’, *gefräßig wie ein Rabe* ‘очень прожорливый’, *gierig wie ein Rabe* ‘очень жадный’; *schwitzen wie ein Schwein/Affe* (*нометь* как *свинья/обезьяна*) ‘обливаться потом’. В количественном отношении преобладают зоонимы, переносные значения которых эквивалентны. Отдельные значения не имеют соответствия в другом языке. Немецкие компаративные фразеологизмы и зооморфизмы более многочисленны.

Метафорические фразеологизмы, а также пословицы и поговорки с зоонимами антропоцентричны: чаще всего они служат для образного наименования и эмоциональной оценки черт человека или ситуаций, в которые человек попадает. Система зоонимов-символов в русском и немецком имеет некоторые отличия. Например, различаются оценочным компонентом фразеологизмы *белая ворона* и *ein weißer Rabe* 'редкостный, удивительный человек'; в немецких фразеологизмах *свинья* обозначает не только неблагоприятного или нечистоплотного человека, но и горемыку (*eine arme Sau/Schwein*), а также символизирует удачу (*er hat Schwein* (у него есть свинья) *фам.* 'ему везет, ему улыбается счастье'); ср. *alter Hase* и *стреляный воробей* 'старый, опытный, бывалый человек, мастер своего дела'.

Национальным своеобразием обладают не имеющие соответствия в другом языке метафорические наименования (*weiße Maus* *шутл.* 'полицейский-регулировщик'; *Kalter Hund* *кул. разг.* 'торт из сухого печенья с какао'; *Hundstage pl* 'самые жаркие дни года (24 июля – 23 августа)'), паремии. Не имеют эквивалента (во всяком случае, с зоонимом) фразеологизмы: *Надулся как мышь на крупу; Беден как церковная мышь; Чёрная кошка пробежала; Кошки скребут на душе; Тянуть kota за хвост; Da beißt die Maus keinen Faden ab* 'тут уж ничего не поделаешь'; *Mäuse merken* 'чувять неладное'; *der Katze die Schelle umhängen* 'брать на себя опасное, неприятное дело'; *er fällt immer auf die Füße wie die Katze – Выходить сухим из воды; mit allen Hunden gehetzt sein – Пройти огонь и воду; Gebriühte Katze scheut auch kaltes Wasser – Обжегшись на молоке, будешь дуть и на воду; Wie die Katze um den heißen Brei herumschleichen – Ходить вокруг да около; Die Kuh vom Eis bringen* 'разрешить трудную проблему' – *Сдвинуть дело с мертвой точки; Einen Affen an jmdm. gefressen haben* 'быть без ума от кого-либо'; *Wir werden sehen, wie der Hase läuft – Поживем – увидим; Auf den Sack schlägt man, den Esel meint man – На языке одно, на уме другое; Getroffener Hund bellt – На воре шанка горит.*

Более многочисленна группа фразеологизмов, являющихся эквивалентными. Полные эквиваленты: *Ein Wolf im Schafspelz – Волк в овечьей шкуре; Da liegt der Hund begraben – Вот где собака зарыта; Den Letzten beißen die Hunde – Последнего собаки рвут; Mit j-m Katze und Maus spielen – Играть в кошки-мышки; Die Katze im Sack kaufen – Купить kota в мешке; Mit den Wölfen muß man heulen – С волками жить – по-волчьи выть; Ein alter Rabe krächzt nicht ohne Grund – Старый ворон не каркнет даром; Жить как кошка с собакой – Wie Hund und Katze leben.* Эквивалентные фразеологизмы, различающиеся составляющими: *Знает кошка, чье мясо села – Die Katze weiß, wo sie genascht hat; Das ist für die Katz – Все кому под хвост; Er ist bekannt wie ein bunter (scheckiger) Hund – Его каждая собака знает; Lehre den Wolf das Paternoster, er sagt doch «Lamm» – Как волка ни корми, он все в лес смотрит.* Неполные эквиваленты (альтернативными могут быть не только зоонимичные соответствия, но и понятийные конструкции): *Weiße Mäuse sehen – Видеть белых копей; Er schüttelt's ab wie der Hund den Regen – С него как с гуся вода; Делать*

лабляется) благодаря тому, что на первый план выдвигается не конфликтное, а постконфликтное состояние вопроса, иными словами, читателю представляют конфликт в стадии разрешения. Описание ситуации от противного иногда встречается при характеристике конфликтных ситуаций и обозначении противостояния в плоскости «власть – народ», «Беларусь – Россия». Так, например, «сахарно-кондитерский» конфликт между Россией и Беларусью освещался в белорусской прессе в основном через информацию о подписании соглашений, устраняющих препятствия на пути товаропроизводителей и обеспечивающих взаимовыгодный обмен продукцией кондитерских фабрик и заводов: ... ради оживления экономической динамики Минск вынужден снять административные барьеры на пути движения товаров (БелГазета, 26 марта 2007). Часто подобные конструкции встречаются и при описании внутрисоциальных отношений: ... создан список должностей, в отношении которых можно начинать уголовное преследование только с разрешения главы государства (Свободные новости-плюс, 4 – 11 октября 2007 г.); ... основополагающее право каждого человека – это прежде всего быть свободным, оставленным в покое от любых притязаний. Он должен иметь возможность пользоваться плодами своего труда и жить такой жизнью, какая представляется ему правильной (Свободные новости-плюс, 9 – 16 мая 2007 г.).

Итак, выбор типа текста и его языковое оформление определяются речевой стратегией и отношением автора газетного текста к ситуации конфликта. Как правило, журналисты стремятся к смягчению противостояния сторон в конфликтной зоне «власть – оппозиция». При выходе конфликта за пределы республики, при перерастании конфликта из внутреннего во внешний, т.е. в конфликтных зонах «Россия – Беларусь»; «Запад и его общественные организации – Беларусь», уровень толерантности авторов газетных статей заметно снижается, что проявляется в использовании позиционирующей стратегии: усилении «театрализованной агрессивности» текста и расширении спектра авторских оценок с целью формирования целенаправленно продуцируемого восприятия ситуации.

Е. Е. Долбик, А. В. Бегун (Минск)

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ ЖЕНСКИХ ТОВАРОВ)

Реклама как особый социокультурный феномен неотъемлемым компонентом вошла в повседневную жизнь современного человека. Мы видим ее всюду: в метро, по телевизору, на рекламных щитах, в подъездах, в газетах и журналах, слышим по радио и т.п. Далеко не всегда мы задумываемся о том, что рекламные тексты строятся по определённым законам и имеют свои особенности.

Цель данного доклада – провести синтаксический анализ текстов рекламы женских товаров.

зованной агрессивности» является статья В. Карбалевича «Кто выиграл «Сочинскую олимпиаду», напечатанная в «Свободных новостях-плюс» за 27 августа – 3 сентября 2008 г. Анализируя итоги встречи президентов России и Беларуси в Сочи, автор сразу чётко формулирует суть конфликта: *Официальный Минск не поддержал своего союзника в кавказской войне, поэтому Д. Медведев вызвал А. Лукашенко на разбор полётов.* Далее идет авторский, весьма оценочный, с интертекстуальными аллюзиями комментарий действий белорусского президента (...упорно молчавший полторы недели, как партизан на допросе, белорусский лидер вдруг заговорил..., получилось неуклюже..., слова ... выглядят едва ли не издевательски). Затем вопросительная конструкция *Чем объясняется такой дипломатический кульбит нашего президента?* вводит интерпретационную часть текста, в которой автор предлагает свою аргументацию действий белорусского президента и свои версии, объясняющие достаточно неожиданные действия российской и белорусской сторон (*информация о создании единой системы ПВО была обнародована российской стороной, но белорусские официальные лица её никак не прокомментировали*). Интерпретационная часть текста сменяется прогнозирующей: рассматриваются возможные ситуации – что будет, если решение о создании единой системы ПВО реализуется, при этом события намеренно драматизируются, краски сгущаются, читателю внушается: *...создание такой системы будет означать утрату Беларусь значительной части государственного суверенитета.* Заканчивается статья опять-таки чётко сформулированной и весьма экспрессивной авторской оценкой ситуации: *Создаётся впечатление, что никакой ясной стратегии у официального Минска просто нет. Он ведёт азартную игру с нулевой суммой, давая безответственные обещания и Западу, и России, рассчитывая выловить рыбку в замутнённой от дипломатических кульбитов воде. Но продать один и тот же товар двум разным покупателям не получится. Одного из них придётся обмануть и «кинуть».*

Манипулятивность – вид скрытого коммуникативного воздействия с целью внедрения в сознание адресата определённых информационных установок [Байков В.Г., 1988, с.5]. К типичным приемам манипулятивности относятся эвфемистический перифраз, или гипер-гипонимическая замена (*интервенция – военное присутствие, безработица – неполная занятость, не кризис, а затруднения, связанные с ним*); приём навешивания ярлыков, (оценочная атрибуция или предикация), намеренная и необоснованная драматизация событий. – *У России брать большие не с руки: она потребует введения в Беларуси российского рубля. А зависимость от восточного соседа и без того угрожающая. МВФ же в контексте мирового финансового кризиса склонен быстро и позитивно рассматривать заявки на кредитные ресурсы* (БелГазета, 27 октября 2008); *Беларусь в который раз в своей многострадальной истории может стать заложницей чужих военных игр* (Свободные новости-плюс, 27 августа – 3 сентября 2008).

4. К отражению конфликтной ситуации табуированным способом авторы газетных текстов обращаются при реализации речевой стратегии дипломатичности и осторожности: противостояние сторон затушёвывается (или ос-

из мухи слона – Aus einem Igel ein Stachelschwein machen; Работа не волк/медведь, в лес не убежум – Die Arbeit ist kein Frosch/Hase, sie hüpfst uns nicht davon (sie läuft nicht in den Wald); Die Katze läßt das Mäusen nicht – Как волка ни корми, он все в лес глядит; Wer keine Kuh hat, muß die Katze melken, In der Not frißt der Teufel Fliegen – На безрыбье и рак рыба; Jedem Vogel gefält sein Nest – Каждый кулик свое болото хвалит; Ihm ist eine Laus über die Leber gelaufen/gekrochen – Какая-то муха его укусила; Da liegt der Hase im Pfeffer – Вот где собака зарыта; Von etw. so viel verstehen wie der Hahn vom Eierlegen/wie die Kuh vom Radfahren / wie die Kuh vom Sonntag / wie die Kuh vom Schachspielen – Разбираться в чем-либо как свинья в апельсинах; Nicht die Fische schwimmen und die Tauben fliegen – Не учи рыбу плавать, а собаку лаять.

Универсальность национально-культурных представлений русского и немецкого этносов отражается в эквивалентной зоолексике (зооморфизмах) и фразеологии. Внутренняя форма названий животных, особенности восприятия образов животных, предметные номинации, образованные на основе зоонимов, демонстрируют национальное своеобразие зоонимичной лексики.

Н.В. Соловьева (Минск)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ ПИЩИ И НАПИТКОВ С ОПОРНЫМ КОМПОНЕНТОМ МЕДЬ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XI – XVII вв.

Объектом рассмотрения в рамках доклада являются двусловные устойчивые словосочетания с опорным словом *медь*, которых в древне- и старорусском языке, по данным Словаря русского языка XI – XVII вв. (СРЯ), насчитывалось около 40: *дивьи медь, пушиной медь, медь сырець* и др.

При исследовании древних устойчивых неоднословных номинаций, в частности, наименований меда и других продуктов питания и напитков, неизбежно возникает вопрос о лингвистическом статусе данных словесных комплексов, о возможности их включения в круг объектов исторической фразеологии. Истоки данной проблемы были указаны Т.Г. Трофимович, заметившей, что при анализе древне- и старорусских неоднословных номинаций современному исследователю сложно «адекватно воспринять как сам факт семантической транспозиции лексико-фразеологического состава словосочетания, так и степень этой транспозиции». Особенности лексикографического описания неоднословных наименований продуктов и напитков в Словаре русского языка XI – XVII вв. не только в полной мере подтверждают данную точку зрения, но и позволяют выявить факторы, затрудняющие определение лексико-фразеологического статуса интересующих нас номинаций.

Одним из таких факторов является возможность неединственной интерпретации. Иллюстрацией в данном случае может послужить номинация *красный медь*, отмеченная в Словаре русского языка XI – XVII вв. дважды – соответственно, в статьях к словам *красный* [СРЯ, т.8, с.19 – 21] и *медь* [СРЯ, т.9, с.54]. При этом в первом случае подчеркивается фразеологический ха-

рактёр словосочетания, что свидетельствует о фразеологически связанном употреблении прилагательного; в другом же случае словосочетание *красный медь* рассматривается как «типичное, характерное» для слова *медь*, наряду с *бЪлыи, черныи* и под., называющими сорт мёдового напитка по цвету.

Безусловно, возможность неединственной интерпретации непосредственно связана с недостаточностью сведений внелингвистического характера, которую можно рассматривать и в качестве самостоятельного фактора, препятствующего однозначному определению языкового статуса устойчивых наименований пищи и напитков.

Данные обстоятельства затрудняют изучение древне- и старорусских наименований продуктов на основе критерия семантической слитности, положенного в основу разграничения современных фразеологических единиц. Кроме того, рассматриваемые номинации в той или иной степени демонстрируют способность к семантическому членению и, следовательно, неидиоматичны, что, конечно же, сближает их со свободными словосочетаниями. Между тем исследователи все же видят основания для включения подобных наименований в число объектов исторической фразеологии ввиду их устойчивости и воспроизводимости (Т.Г. Трофимович), стабильности в строении, компонентном составе и употреблении (Г.А. Селиванов).

Кроме того, несмотря на прозрачность внутренней формы и возможность семантической и грамматической разложимости, в составе данных номинаций компоненты обнаруживают все же большую семантическую близость, чем элементы свободных словосочетаний. Ср.: *Межа князю Семену со княземъ Иваномъ... от Оксенова Ъзу ратною дорогою х красному болотцу* (А. гражд. распр. I, 1539 г.). – и *подавалъ государь посланнику меду красные въ золотыхъ ковѣхъ и въ чаркахъ* (Рим. имп. д. I, 1587 г.). Различие между отмеченными словосочетаниями видится в том, что в первом из них (*красное болотце*) возможность приложения признака *красныи* к определяемому объекту носит ситуативный характер. В то же время в основе номинации *красныи медь* лежит стремление выделить признак характерный, свойственный не только непосредственно упомянутому продукту (напитку), а данному виду мёда, выделяемому из числа других видов по цветовому признаку.

Именно характерность, типичность признака препятствует трансформации рассматриваемых атрибутивных конструкций в предикативные, в отличие от свободных словосочетаний. Ср.: *Васька Семенов сын, ростом невелик... очи красны* (Новг. каб. кн. I, 1603 г.) – но: **меды красны? *медь красень?*

Номинативная целостность неоднословных наименований продуктов, понимаемая как соотносительность лексически расчлененной формы с единым понятием, несомненно, может выступать как дополнительный аргумент в пользу их фразеологичности. Впрочем, в качестве такого аргумента можно рассматривать и гносеологическую природу анализируемых номинаций.

«слил» скандальную информацию в газету «Коммерсант»... (Свободные новости-плюс, 3 – 10 декабря 2008).

Метафоричность и метонимичность (*...кое-кто из ястребов советует Минску подумать о выходе из Лиссабонского протокола...; ...насколько Александр Лукашенко выдержит этот довольно опасный шаг между Западом и Россией; информационная атака на Беларусь; Можно ли ждать немедленного улучшения отношений между Минском и Брюсселем?* Метафорические и метонимические номинации позволяют варьировать наименования участников конфликтной ситуации, актуализируя и расширяя спектр их характеристик (ср.: *Россия – Москва – Кремль – кремлёвские правители*). Кроме того, метафоры обычно манифестируют социально значимые события, находящиеся в центре конфликтогенной зоны, и помогают объяснить достаточно сложные процессы и явления общественной жизни.

Интертекстуальность. В качестве знака интертекстуальности чаще всего выступает цитата, апеллирующая либо к классическим, либо к фольклорным текстам. Так, в газете «Аргументы недели» за 4 сентября 2008 г. в одной из статей речь идет о достаточно напряжённых отношениях между Россией и НАТО. Введение в конфликтную ситуацию осуществляется с помощью двух цитат, одна из них вынесена в заголовок: *Была без радости любовь, разлука будет без печали?* Другая развивает тему: *Россия не рвёт свои связи с альянсом. НАТО всё равно будет существовать как «объективная реальность, данная нам в ощущениях».*

Или.: *Английский лорд, похоже, больше, чем здешние чиновники, боится за наше вступление в СЕ [Совет Европы]. А ведь, казалось бы, столько ждали, пока эта избушка повернется к нам передом!* (Свободные новости-плюс, 3-10 декабря 2008). Обращение авторов к прецедентным текстам в сознании читателей усиливает суггестивный эффект, поскольку актуализируются давно знакомые образы и ситуации.

Константные антитезы, представляющие собой двоичные или троичные структуры. Так, в конфликтогенной зоне «Россия – Беларусь» постоянно присутствует намеренное противопоставление Россия – Беларусь – Запад: *...окончательный градус дружбы Беларуси и Европы станет понятен лишь тогда, когда наша страна определится, с кем она: с Россией или всё-таки с Европой* (БелГазета, 25 августа 2008). А в конфликтогенной зоне «Власть – оппозиция» в состав основных участников конфликта довольно часто включается и Европа. -- *Появись на нём [саммите Евросоюза] Лукашенко, это можно будет считать первым эпизодом диалога в формате «Европа – власти – оппозиция»* (Свободные новости-плюс, 3-10 декабря 2008).

Своеобразная «театрализованная агрессивность», которая проявляется в сознательном формировании у читателя фиксированной психологической установки – отрицательного отношения к одному из участников конфликта, в навязывании своих ценностей и оценок, в трактовке проблемы и предписании действий, направленных на её решение [Schrotta S., 1982]. Иначе говоря, цель «театрализованной агрессивности» – не описать (т.е. не референция), а убедить адресата в том, кто прав и кто виноват. Ярким примером «театрали-

основанные на приёме речевого умолчания, когда читатель не получает прямой информации о конфликтной ситуации: содержание сообщения нацелено на описание не конфликта, а путей (или способов) его разрешения.

3. Тексты интерпретационного характера представляют конфликтогенные зоны с разной степенью объективности и сдержанности. В них функция сообщения реализуется в той же мере, что и функция воздействия, поэтому данные тексты обладают достаточно широким спектром устойчивых семантико-прагматических признаков, в центре которых находятся следующие.

Оценочность, как открытая, так и скрытая, выражается в наличии экспрессивной лексики и фразеологии и зависит от шкалы ценностей автора. Благодаря оценочности, в тексте создаётся особая информационная атмосфера. Материал, лишённый оценочности, – это фикция, «своеобразный теоретический конструкт», информационная эффективность которого весьма сомнительна [Вауер Z., 2004, s.152]. – Процесс (освобождения политических узников) *заело именно на Козулине. В итоге – глаз за глаз, зуб за зуб! – разгорелась настоящая дипломатическая война с Америкой и весь план нормализации отношений с Западом полетел под откос* (Свободные новости-плюс, 27 августа – 3 сентября 2008). Или: *...надо подписать Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (какой набор раздражающих слов!)* (Свободные новости-плюс, 3-10 декабря 2008).

Ироничность. Это «действенное средство персуазивности, позволяющее косвенным образом передать свои взгляды, представить в невыгодном осмеянном виде противника» [Grzelakowa E., 2001, T.1, s.246]. Так, например, 20-летний юбилей Белорусского Народного Фронта (БНФ) в БелГазете от 27 октября 2008 г. представлен следующим образом: *Праздничные мероприятия, о которых сообщали СМИ, вызвали слезу умиления. Например, художник Алесь Марочкин провёл экскурсию по памятным местам БНФ: пл. Якуба Коласа, костёл св. Симона и Елены, памятник Язэпу Дроздовичу в Троицком предместье... В офисе партии состоялся «праздничный концерт для ветеранов организации» – словосочетание, заставляющее вспомнить об аналогичных мероприятиях под эгидой КПСС. Ну и, конечно, юбилейные публикации, выдержанные в ностальгической тональности. Данный текст написан с изрядной долей иронии по отношению к организации БНФ и ее членам, в нём сознательно используются речевые штампы (*праздничные мероприятия, памятные места, праздничный концерт для ветеранов организации...*), актуализирующие исторические параллели и эксплицирующие критическое отношение автора к деятельности БНФ.*

Расширение сферы стилистически и эмоционально окрашенной лексики, что приближает авторов к языковому пространству читателей. *Враги стали подталкивать нас к обострению напряжённости с нашими братьями. И мы даже повелись и действительно стали смотреть на них косо. Но президенты встретились и напряжёнку сняли* (БелГазета, 25 августа 2008); *У белорусского руководства нет сильных стимулов, чтобы встать в Совет Европы* (Свободные новости-плюс, 3 – 10 декабря 2008); *По традиции Кремль*

Происхождение такого рода словесных комплексов связано с активизацией процесса терминообразования в русском языке эпохи средневековья, что, в свою очередь, явилось отражением когнитивной установки на аналитизм, на дискретизацию «континуума действительности».

«Любое что-то возникает как осознанное только благодаря различию» [Бардина, 1997, с.211], а различие есть не что иное, как результат сравнения сущностей – нахождения и вычленения свойств и качеств. Как кажется, при таком способе дискретизации денотата сочетание атрибутивного характера – раздельнооформленное, но обладающее номинативной целостностью – наиболее простой и последовательный способ первичного языкового закрепления полученного знания (нового понятия), компенсирующий отсутствие особой цельнооформленной лексической номинации. Таким образом, гносеологическая природа неоднословных номинаций может стать дополнительным свидетельством в пользу их фразеологического статуса.

Между тем нельзя не согласиться с Т.Г. Трофимович в том, что подобные устойчивые единицы следует все же отнести к периферийному уровню фразеологии, используя для их идентификации термин «фразеологизированные», отражающий их промежуточное положение по отношению как к свободным словосочетаниям, так и к собственно фразеологическим единицам.

Гносеологическая природа фразеологизированных наименований меда предопределяет возможность их диахронического изучения с точки зрения специфики в познании свойств соотносимого с номинацией объекта. В этой связи представляет интерес сделанное Г.А. Селивановым замечание о недолговечности отмеченных в древне- и старорусском языке устойчивых словосочетаний: «Они почти все фразеологические историзмы, принадлежащие конкретной эпохе и конкретной ситуации». Отмеченная особенность легко объяснима, если предположить, что при возникновении устойчивых номинаций определяющим является не объективное знание свойств именуемой реалии (продукта питания), а специфическое отражение этих свойств познающим субъектом, определяемое их значимостью. В свою очередь, значимость свойств объекта может быть обусловлена как степенью освоения денотативной области, так и внешними социально-экономическими факторами, а также ценностными установками эпохи.

Анализ наименований меда ‘вещества, вырабатываемого пчелами’, отмеченных в русском языке XI – XVII вв., наглядно демонстрирует, что знание о соответствующем объекте внеязыковой действительности существует в рамках заданных конкретной исторической эпохой гносеологических координат, отражающих специфику диалектического познания объекта:

XI – XII вв.: *дивии медь* (мед диких пчел) – различие в рамках основополагающей концептуально значимой оппозиции ‘природа – культура’;

XIV – XV вв.: *оброчьныи медь, половои медь* (наименования налогов) – различие в рамках исторически формирующегося противопоставления ‘личное – общественное’;

XVI – XVII вв.: *пушиной медь* (‘неочищенный’), *крупчатый медь*, *медь патока* и под. – дифференциация физических свойств объекта, отражающая практические потребности средневекового общества.

Данная «шкала релевантности» ограничена хронологическими рамками XI – XVII вв., однако, может быть продолжена, если принять во внимание историческую изменчивость «значимости» как величины, важной для гносеологической характеристики свойств объекта. Так, для современного носителя русского языка знание о «меде – веществе» существует в рамках принципиально иных измерений: источник получения вещества (липовый, гречишный, цветочный, вересковый и т.п.), исконность происхождения (натуральный, искусственный), что, в свою очередь, находит отражение в соотносимых с рассмотренными наименованиями терминологических номинациях современного русского языка: *мед липовый натуральный*.

Е.В. Тихоненко (Минск)

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВЛИ г. МИНСКА: ОСНОВНЫЕ ТЕМАТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ И МОТИВЫ НОМИНАЦИИ

На фоне многочисленных исследований ономастического пространства урбанонимия долгое время оставалась в тени. Интерес к урбанонимии возник в связи с политическими, идеологическими и экономическими изменениями в жизни общества.

Система городских объектов, структурирующих и заполняющих городское пространство, не исчерпывается собственно географическими объектами, основными характеристиками которых является пространственная соотносительность и локализация, т.е. улицами, площадями. Пространство города заполняется объектами, имеющими социальную природу: организациями и учреждениями, промышленными и торговыми предприятиями, предприятиями сферы обслуживания. Основную специфику этих объектов определяет их социальная значимость.

В качестве одного из обособленных классов городских объектов мы рассмотрим предприятия торговли. Основным признаком, по которому предприятие можно отнести к интересующей нас группе, является его основная функция – предоставление товаров на коммерческой основе (с целью извлечения выгоды) частным лицам. Для обозначения названий данных коммерческих предприятий мы используем термин эргоурбоним, фиксирующий комплексный характер объекта номинации, который представляет, с одной стороны, деловое предприятие (для названия которого используется эргоним), а с другой – объект городского пространства (номинаруемый урбанонимом).

Проанализировав семантику современных наименований предприятий торговли, мы выделили самые продуктивные тематические группы со следующими мотивами номинаций.

1. Пространственная адресность. Эргоурбоним связан с частью городского пространства (универсамы «Серебрянка», «Центральный», «Запад-

Т.Н. Волюнец (Минск)

КОНФЛИКТОГЕННЫЕ ЗОНЫ И СПЕЦИФИКА ИХ ЯЗЫКОВОГО ОФОРМЛЕНИЯ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ

(исследование выполнено в рамках совместного гранта – БРФФИ – РГНФ № Г07Р-006)

Конфликтогенные зоны – это особая область газетного текста, в которой наблюдается активное взаимодействие автора и читателя: авторские оценка и интерпретация конфликта не просто воспринимаются читателем на веру, а пропускаются через собственные представления о ситуации и сопоставляются с ними. Образ события в газетном пространстве, по наблюдениям А.А. Леонтьева, формируется дважды: сначала непосредственно в сообщении журналиста, а затем под воздействием сообщения – в сознании реципиента (читателя) [Леонтьев А.А., 2003, с.76]. В результате степень воздействия газетного текста на сознание читателя находится в прямой зависимости от умения журналиста на коммуникативном уровне правильно расставить акценты и объективно представить противостояние сторон.

Способы и формы языкового представления конфликтной ситуации могут варьироваться в зависимости от толерантности/интолерантности, агрессивности/неагрессивности автора газетного текста, уровня его коммуникативной культуры и умения излагать факты как бы с позиции стороннего наблюдателя.

Цель данной статьи – охарактеризовать конфликтогенные зоны, представленные в русскоязычных газетах Беларуси, и выявить специфику их языкового оформления.

Собранный и проанализированный нами языковой материал позволяет утверждать следующее.

1. В газетном тексте в период с марта 2007 г. по ноябрь 2008 г. актуализировались такие конфликтные зоны, как: власть – оппозиция; Россия – Беларусь; Запад и его общественные организации – Беларусь.

В основе противостояния субъектов – конфликт отношений и интересов либо конфликт деятельности, создающий определённую зону напряжённости, характер которой может быть представлен с разной шкалой оценки в зависимости от позиции и речевой стратегии автора газетного текста.

2. Среди газетных текстов, представляющих конфликтные ситуации, можно выделить три типа: а) информационные (в них, как правило, излагаются факты, но не содержатся авторские оценки); б) интерпретационные (автор не только сообщает о конфликтной ситуации, но и оценивает её, выражает своё личное отношение и свою личную позицию по отношению к участникам конфликта, прогнозирует развитие событий и т.д.); в) табуированные,

тежного содержания с позиций его социальной составляющей. Вот почему построение теории форматов видится нами как задача, безусловно, интердисциплинарная, нежели собственно филологическая.

Жанр. Позиция данного термина в современной лингвистике (в отличие от формата) весьма прочна. Так, если формат становится все в большей степени в фокусе внимания наук, изучающих социальное знание в целом и коммуникативистику в частности, то жанр всегда был и остается в центре внимания филологии, а в последнее время (в связи с тем, что текст и даже макротекст считаются объектом языковедческих исследований) и лингвистики. Теория жанров (в любом из ее прочтений) есть доказательство того, что жанры – это и характеристика самой языковой системы и ее проявлений в речи. Иначе говоря, системность есть ключевое свойство жанра. Наличие теорий языковых и речевых жанров, жанров с фокусом внимания как на формальные, так и содержательные признаки текста, указывает также на такое свойство системы, как открытость, которая обеспечивает «потребителя» такой системы определенной долей свободы. Жанр есть способ и знак речевого поведения, открытый разным трактовкам. Он также открыт разного рода внутренним (содержательным) и внешним (формальным) трансформациям, а вместе – национальной колористике. Все это говорит о том, что жанр осмысливается социально, но используется индивидуально языковыми пользователями. Именно поэтому он отражает лицо своего пользователя.

Вхождение коммуниканта в жанр отлично от вхождения в формат общения. Включившись в жанр, приняв его, коммуникант остается в достаточной степени свободным в выборе глубины общения, развертывании (линии) общения, и даже в сохранении и реализации своей собственной иерархии целей, задач и мотивов общения, что однозначно не так в контексте формат-заданного речевого поведения. Попадая в формат, общающийся не волен реализовывать свои цели – он неизбежно соподчинен только тем целям, которые однозначно приемлет заданный формат общения (глубина общения зависит от времени, которое отведено на общение, а линию общения все равно скорректирует ведущий, равно как и подытожит высказанное, расставив свои акцент, заданные рамками формата).

Таким образом, жанр и формат – принципиально разные направления реализации дискурса, обуславливающие его содержательные характеристики. Понимание того, какие именно содержательные характеристики создают каждого из них, помогает общающимся осознать возможности и «заслоны» одного и другого и использовать их или соподчиняться им в зависимости от обстоятельств. В свою очередь, исследователю это знание помогает больше узнать и об общающихся и о предмете общения, но также и о контексте общения, а значит, переосмыслить содержание с позиции контекста, с позиции возможного и невозможного, планируемого и реализованного. Это знание помогает исследователю также проникнуть в прототипическое содержание и дать оценку не столько данному конкретному коммуникативному продукту, сколько самому факту его функционирования.

ный», «Чкаловский»). Номинативная схема в этой группе эргоурбонимов выглядит следующим образом: в качестве ориентира выбирается известный объект городского пространства, наиболее близкий к торговому предприятию, наименование этого объекта используется как указатель, и эта конструкция становится названием предприятия (например, *торговый дом «На Немиге»*); или наименование этого объекта метонимически переносится на предприятие торговли (магазин «Веснянка»).

2. Имена. В основе номинации урбанонимов данной группы лежит имя собственное. В зависимости от того, какое имя выбрано в качестве наименования торгового объекта, эргоурбонимы данной группы можно разделить на два подтипа:

– имена сказочных, литературных и мифологических героев / персонажей (магазин детских товаров «Мамонтенок», магазин «Богатырь»);

– имена владельцев торговых объектов или членов их семей (*минимагазин «У Ларисы»*, магазин «Кали ласка, да Язэпа»).

3. Ассортимент. Это самая обширная группа. У эргоурбонимов прослеживается наличие четкой связи с предлагаемым ассортиментом. По названию с достаточно большой долей вероятности (а часто однозначно) можно понять, какой ассортимент представлен, что именно предлагает данное предприятие торговли. Схема номинации достаточно проста:

– предмет (продукт) торговли становится наименованием торгового объекта (магазины «Кветкі», «Хлеб», «Продукты», «Сувениры», «Шпалеры», «Охотничьи товары», «Медицинская техника»);

– наименование торгового объекта возникает путем метонимического переноса либо является звеном ассоциативного ряда (магазины «Сделай сам», «Сад и огород», «Мир спорта», магазин кулинарии «Царское угощение», магазин детских товаров «Пирамидка»).

4. Обращение к адресату (магазин канцелярских товаров «Школьник», магазины «Дачник», «Хозяюшка», «Рыболов-спортсмен»). Наименования данной группы торговых объектов, как и предыдущая группа, связаны с предлагаемым ассортиментом. Но превалирующим для номинации здесь является не сам ассортимент, а покупатель, что позволило нам выделить эти эргоурбонимы в отдельную группу.

В номинации данных двух групп эргоурбонимов находит выражение склонность к пояснению, простоте в донесении информации до потенциального потребителя. Внешние свойства при этом не слишком значимы, важно не «как», а «что».

5. Рекламация. В данную группу вошли наименования, в структуре которых имеется лексика с семантикой престижности и положительной оценочности. Если предыдущие группы ориентировались на суть, то для этой группы существенным становится форма. Эргоурбонимы тяготеют к яркости, выразительности, несут установку на привлечение внимания клиента посредством необычности. Наиболее частотными являются лексемы «престиж»,

«элита», «экслюзив» («Престиж-маркет», «Элитные кухни»). Широко используется элемент «евро» («Евроопт», «Евромебель»). Во многом это связано с тем, что для русского человека Европа является неким ценностным ориентиром.

6. Иноязычность. В данную группу вошли все иноязычные названия, а также наименования, содержащие иностранные лексемы, переданные на кириллице («Стар»). Эту группу мы условно разделили на два подтипа:

– торговый объект использует в качестве названия мировой бренд, торговую марку (*Джинсовая одежда «Levi's», «Ives Rocher»* и др.);

– торговый объект культивирует иноязычное слово. Появление номинаций данного подтипа связано с ситуацией преодоления запрета советского общества на все иностранное, а также модой на иноязычные слова и выражения. Особую роль в этом процессе играет психологический фактор суггетивных возможностей неизвестного, обеспечивающий иноязычному знаку очень высокий «эпатирующий» ресурс и наделяющий его «исключительной интерпретативной силой» [Подберезкина, 1998, с.26].

Следует отметить, что наиболее часто данная группа урбанонимов наблюдается в центре города. Действительно, в центре, как ни в каком другом районе, должно наблюдаться соответствие мировым стандартам, в том числе и с точки зрения языка и вывесок, поэтому международный английский язык активно задействован в образовании эргоурбанонимов именно в данном районе. Вместе с тем нам представляется излишним насаждение иноязычной лексики и очарованность английскими словами.

Выделенные нами тематические группы эргоурбанонимов характеризуются различной степенью продуктивности. Важнейшим посылом для выбора наименования торгового объекта является ориентация на потенциального потребителя. Для всех предприятий торговли характерна модель «продавец – покупатель». Анализ номинаций предприятий торговли позволил выделить несколько тенденций: антропоцентризм, определяющий семантику подавляющей части номинаций; отражение универсальных и специфических образов в семантике эргоурбанонимов; языковая мода на заимствования; снижение общей речевой культуры, которое проявляется в осознанном нарушении словообразовательных и орфографических норм.

Т.Г. Трофимович (Минск)

ФРАЗЕОЛОГИЯ В СТАРОРУССКОМ И СТАРОБЕЛОРУССКОМ ДЕЛОВОМ ДИСКУРСЕ (К ПРОБЛЕМЕ НОМИНАТИВНЫХ ФУНКЦИЙ)

1. Современная фразеология как «раздел языкознания, изучающий фразеологический состав языка в его современном состоянии и историческом развитии» [ЛЭС, с.560], достигла значительных успехов. Однако в основном эти успехи касаются изучения современного состояния фразеологии как совокупности устойчивых словосочетаний. Работы по исторической фразеоло-

И.Ф. Ухванова-Шмыгова (Минск)

ДИХОТОМИЯ «ЖАНР-ФОРМАТ» В КОНТЕКСТЕ КАУЗАЛЬНО- ГЕНЕТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУРСА

Жанрово-форматная характеристика дискурса – это набор латентных проявлений его содержания, обеспечивающих содержанию объем и привносящих в него кортежную осмысленность [Супрун, Ухванова]. Мы воспринимаем эту характеристику не только в контексте комплементарности, но и в контексте их контрастного сосуществования. Идея контраста призвана отразить факт того, что одна позиция оттеняет другую, без одной не видно другой (может быть, именно поэтому наблюдается общая тенденция к их слиянию в исследованиях коммуникативных продуктов). Что же именно оттеняет каждая из позиций, мы и постараемся отразить в нашем докладе.

В рисунках каузально-генетической модели содержания дискурса позиции жанр и формат представляются как проявления кортежного содержания, характеризующего особенности взаимодействия «адресант-адресат» в их системной (жанр) и структурной (формат) данности. В уточняющей версии модели формат несет в себе социальную, а жанр – индивидуальную характеристики кортежа, что и наблюдается в реальной практике общения. Посмотрим это на примере телевизионных передач.

Формат. Что мы имеем на сегодняшнем телевидении в разных (в частности, европейских) странах? Набор стандартных передач, типовое содержание которых легко понять, не зная языка, но видя символику, картинки, людей в одних и тех же позах, за одной и той же типовой мебелью, пользующихся одним и тем же набором технических средств... Это и новостные передачи и развлекательные («Кто хочет стать миллионером», «Танцы со звездами...»), постановки типа «Моя прекрасная няня» и др. Одно и то же время отведено на передачу, в них одна и та же последовательность действий, одни и те же типажи... Данные стандарты – предмет купли-продажи мирового сообщества, ибо они не имеют национальной или языковой специфики. Это своего рода матрицы общения в период глобализации, и они служат средством общения и самовыражения уже не национальных, а межэтнических, межнациональных сообществ, неся в себе картину этого нового мира, задавая новые стандарты общения. Перемещаясь из страны в страну, люди уже ожидают увидеть не национальные, а эти глобальные стандарты общения – знакомые форматы общения, которые программируют ожидаемое содержание. Формат – это и набор заданных участников в определенных отношениях, и отведенное им время для реализации своих ролей, и пространственная организация общения. И все это соподчиняет и диапазон предмета общения и его глубину. Набор форматов социально задан: страны закупают те форматы, которые осмысливаются как необходимые обществу. Включение реальных коммуникантов в те или иные форматы с позиции участника есть индивидуальный выбор. Но в этих форматах участники, чтобы они ни сказали, неизбежно соподчинены социальному заказу и являются трансляторами этого заказа. Таким образом, изучение содержания коммуникативного продукта с позиции формата есть изучение кор-

субъектов, благодаря особому выбору лексических и грамматических средств языковой *системы*. Можно добавить, что иерархическая организация лексико-семантических полей дает информацию о субординации субъектов реального мира. Выбранный вид взаимодействия «адресант-адресат» раскрывает реальную значимость субъектов действительности.

Основной операциональной категорией формата дискурса является динамика общения как процесс реализации жанровых категорий. Представляя динамику как линию развития содержательных категорий жанра, описываем каждую из категорий формата знаково-содержательными категориями.

Таблица 3. Формат дискурса

Категории	Содержательные субкатегории	Структурно-содержательные субкатегории
<i>условия общения</i>	хронотоп и коммуникативная среда	развертывание общения, происходящее во времени и пространстве, выраженное в степени амплификации/компрессии
<i>участники общения</i>	ситуативно-коммуникативные характеристики, роли	динамика (само)идентификации коммуникантов - роли адресата и адресанта, динамика адресации
<i>организация общения</i>	развертывание и членение текста/дискурса, вариативность языковых/коммуникативных средств, стратегии коммуникантов	композиция, этапность дискурса, динамика коммуникативных целей – коммуникативная стратегия
<i>способы общения</i>	канал общения, режим общения	динамика тональности общения – тип общения, деонтическая модальность (квалифицирует характер события или действия), алетическая модальность (устанавливает характер причинности)

Некоторые из указанных знаково-содержательных категорий (тип общения, тип аргументации, интересубъектность) заимствованы из методик дискурс-анализа, возникших в рамках каузально-генетической теории [Ухванова и др., 2003].

Итак, форматные характеристики дискурса дают информацию о его функциональном актуальном значении. Здесь определяется собственно взаимодействие субъектов дискурса. Это субъектный срез речевого содержания текста, он задает функцию дискурса, благодаря особой композиции риторических средств.

гии появляются нечасто, хотя потребность в них очевидна: полноценно понять сущность любого современного языкового явления невозможно без обращения к его истории.

Одним из наиболее актуальных направлений историко-фразеологических исследований в настоящее время нам представляется сравнительно-сопоставительное изучение фразеологии старорусской и старобелорусской деловой письменности. Старобелорусская и старорусская правовая письменность представлена большим количеством памятников, отразивших народно-разговорный тип языка восточных славян в XV-XVII вв. Этот период в истории русского и белорусского языков является важным этапом формирования их национальной формы. Древнерусское наследие сочеталось в них с существенным пластом новообразований, являющихся отражением произошедших дивергентных процессов и сформировавшейся к этому времени самобытности, которая продолжала укрепляться в эпоху Московской Руси и Великого княжества Литовского.

2. Проблема номинативных функций фразеологических единиц тесно связана с некогда бурно обсуждавшейся проблемой системности фразеологии (А.А. Кунин, Н.М. Шанский, М.Ф. Палевская, В.В. Виноградов и др.). После этой дискуссии в сухом остатке в качестве общепринятого положения оказалось утверждение о том, что существует единая лексико-фразеологическая система, изучать которую можно и следует только в целом (Н.М. Шанский). Действительно, лексическая система обеспечивает номинацию практически всех явлений материального мира, чего не скажешь о фразеологии. Однако есть основания полагать, что номинативные функции фразеологических единиц будут расширяться вместе с расширением объема фразеологии. Если считать, что фразеологию составляют только идиомы и максимально приближенные к ним единицы (в традиционной терминологии фразеологические единства и сочетания), можно с полным правом говорить о существовании эмоционально-экспрессивных единиц, имеющих ослабленные понятийно-номинативные функции. Расширительное толкование фразеологии, о котором мы неоднократно писали и которое особенно необходимо применять к историко-лингвистическим исследованиям, позволяет расширить и границы номинативных функций устойчивых словосочетаний.

3. Языки старорусской и старобелорусской письменности красноречиво свидетельствуют о том, что к этому времени сложились и активно функционировали богатые фразеологические составы, унаследовавшие часть древнерусского фонда таких единиц и пополнившиеся большим количеством новообразований. Так, например, о коварном и неблагодарном человеке говорили и в X, и в XVII в. *змея запазушная*, молитву против бесов называли *запрещальная молитва*, об устройстве оборонительных сооружений из приваленных деревьев говорили *засечи осеки, засеки* и т. д. О количестве фразеологических новообразований можно судить хотя бы по статьям исторических словарей русского и белорусского языков. К примеру, слово *законный* (< за-

конь), известное еще древнерусскому языку, в старорусский период входит в состав таких устойчивых словосочетаний, как *законный бракъ, законная жена, законный мужъ, законные дети* [СлРЯ, т.5, с.219], которые остаются в русском языке до настоящего времени.

Безусловным оказывается и существенное своеобразие старорусской и старобелорусской правовой фразеологии. Приведем лишь один пример. Слово *злой* в древнерусском языке входило в состав фразеологизмов *память злую имети 'быть злопамятным'* и *злая вера, злое учение 'ложное вероучение, ересь'* [СлРЯ, т.6, с.24]. Старорусских фразеологизмов словарь не фиксирует, в то время как исторический словарь белорусского языка отмечает такие «правовые» фразеологизмы, как *злый переводъ права 'незаконный выигрыш дела в суде'*, *злые грошы 'фальшивые деньги'*, *злое ложе 'внебрачные отношения'* [ГСБМ, т.13, с.16-17].

4. Изучение характера номинативных функций фразеологических единиц языков старорусской и старобелорусской деловой письменности позволяет сделать вывод о том, что устойчивые словосочетания использовались преимущественно для называния действий и предметов. Современной когнитологией установлено, что в различных языках понятие *деятельности* исключительно значимо и располагается на третьем месте в списке после *предмета* и *процесса*, а соответствующий концепт относится к главным в универсальных концептуальных системах [Кубрякова, 2000, с.85]. В триаде упомянутых концептов два непосредственным образом связаны с представлениями о действии – деятельность и процесс. Допустив уместное в данном случае обобщение, приходим к тому, что наибольшую когнитивную значимость для человека как носителя языка имеют предмет и действие. В свете сказанного наш вывод только подтверждает уже известное. Применительно же к деловой письменности важным оказывается то, какие действия и какие предметы называют фразеологизмы.

5. Специфика сферы правовых отношений, которые обслуживала старорусская и старобелорусская деловая письменность, нашла свое отражение во фразеологии. Фразеологические и фразеологизированные способы номинации используются чаще всего для наименования преступлений, наказаний, имущественных, семейных отношений, трудовых процессов, актов купли-продажи и др. Что касается предметной сферы, то практически все ее многообразие находит фразеологическое воплощение, активно используются фразеологические и фразеологизированные способы наименования документов, учреждений, лиц, денежных единиц, продуктов питания и блюд, посуды, механизмов и приспособлений и т.д.

6. Характерной оказывается структура фразеологических единиц. Для способов наименования действия чаще всего используются единицы с глаголом, который является опорным компонентом словосочетания. Приведем некоторые старорусские примеры: *промышляти полупоездомъ 'ловить рыбу поездом из половинной доли в добыче'*, *въ полону сидети 'быть в заключе-*

Таблица 1. Дискурсообразующие субкатегории

тип ситуации / категория	сфера общения (жанровые субкатегории)	риторическая ситуация (форматные субкатегории)
<i>условия общения</i>	пресуппозиции, сфера общения	хронотоп и коммуникативная среда
<i>участники общения</i>	статусно-ролевые характеристики	ситуативно-коммуникативные характеристики
<i>организация общения</i>	мотивы вступления в общение, цели и тактики коммуникантов	развертывание и членение текста/дискурса, вариативность языковых/коммуникативных средств, стратегии коммуникантов
<i>способы общения</i>	режим общения (тональность взаимодействия)	канал общения, тональность

Определим далее те знаково- и структурно-содержательные категории, которые могут операционализировать жанр и формат дискурса соответственно. Основной операциональной категорией жанра дискурса является *регистр* как совокупность семантических ресурсов, которые носитель культуры традиционно ассоциирует с типом ситуации (по Халлидэю). Представляя регистр как иерархию лексико-семантических полей и групп, описываем каждую из категорий жанра.

Таблица 2. Жанр дискурса

Категории	Содержательные субкатегории	Знаково-содержательные субкатегории
<i>условия общения</i>	пресуппозиции, сфера общения, жанровый контекст	лексико-семантические поля, совокупность грамматических и синтаксических явлений, определяющие основные концепты времени, пространства и социального устройства; модальность реальности/ виртуальности и аксиологическая модальность
<i>участники общения</i>	статусные характеристики	лексико-семантические поля, описывающие кортеж дискурса: категории intersубъектность и роли кортежа
<i>организация общения</i>	мотивы вступления в общение, цели и тактики коммуникантов	лексико-семантические группы, описывающие коммуникативные тактики
<i>способы общения</i>	тональность взаимодействия	лексико-семантические группы, описывающие эмоционально-рациональную форму общения в дискурсе: категории тип аргументации и тип идеологии (по Ван Дейку)

Итак, жанровые характеристики дискурса дают информацию о его функциональной потенциальной значимости и о типе коммуникативного взаимодействия адресанта с адресатом. Благодаря им мы соотносим текст с определенным типом дискурса. Здесь определяются субъекты дискурса и их роли. Это субъектный срез языкового содержания текста, он задает поле

Эмми Девитт [Devitt, 2004], со ссылкой на Рассела и Миллер, говорит о значимости культуры как интерпретативного контекста жанра. Она отделяет культурный контекст (идеологический и материальный контекст, окружающий каждое действие) от контекста непосредственной ситуации общения («люди, языки и цели, включенные в каждое действие»). Предлагает рассматривать жанр не как реакцию на повторяющуюся ситуацию, а как связь индивидуальных действий и социально-обусловленного контекста.

Как категория дискурса жанр рассматривается в классификации Карасика [Карасик, 2004]. В группу жанрово-стилистических категорий дискурса Карасик включает: стилевую принадлежность, жанровый канон, клишированность и степень амплификации/компрессии. В ходе рассуждения о «неудачности» термина «функциональный стиль» эти категории трансформируются в две: жанр («жанровый канон») и формат дискурса. Центральным моментом для их обсуждения признается тип коммуникативной ситуации, которая задается отношениями между участниками ситуации, системой общественных институтов социума и проективностью дискурса. По определению В.И. Карасика, формат дискурса – это разновидность дискурса, выделяемая на основе жанрового канона: коммуникативной дистанции, степени самовыражения говорящего, сложившихся социальных институтов, регистра общения и клишированных языковых средств. Формат конкретизирует тип дискурса, в свою же очередь, конкретизируется жанрами речи. Жанровый канон, таким образом, противопоставляется жанрам речи, объем же этих понятий не раскрывается полностью, и содержание понятия «формат» остается нераскрытым.

Итак, несмотря на разницу в терминологии, для всех рассмотренных концепций жанра характерно разделение жанрообразующих контекстов на внешний (по отношению к ситуации общения) и внутренний. Это разделение продуктивно для дальнейшего выделения парной по отношению к жанру категории, названной Карасиком форматом. Жанровый канон можно соотнести со сферой общения, фреймом, внешним контекстом. А формат – с риторической ситуацией, внутренним контекстом общения. Заметим, что в рассмотренных теориях жанра категория «формат» имплицитно присутствовала, но не была названа. У Карасика она названа, но не операционализована.

Дальнейшая операционализация жанра и формата отсылает нас к классификации категорий дискурса, предложенной прагма- и социолингвистикой. Карасик выделяет в ней 4 категории: условия общения, участники общения, организация общения, способы общения. Каждая из них может быть соотнесена с коммуникативной ситуацией, понимаемой и как сфера общения, и как риторическая ситуация общения. Субкатегории, относящиеся к сфере общения, описывают жанровый канон. А субкатегории риторической ситуации уточняют тип дискурса, выделенного на основе жанрового канона, т. е. являются форматными категориями дискурса. Таблица 1 показывает, каким образом могут быть распределены субкатегории прагма- и социо-лингвистических категорий дискурса между типами коммуникативной ситуации.

ниш', ноги поломати 'избить, нанести тяжкие повреждения', положитися на третьяго 'пригласить в качестве третьейского судьи', положитися на слове 'дать слово', положити на чьей-либо воли 'предоставить право распоряжаться чем-либо, решать что-либо', житии въ полове 'обрабатывать взятую в аренду землю за половину урожая, быть половником', порядитися въ полове 'подрядиться обрабатывать землю на условиях исполу' и т.д. [СлРЯ, т.16]. Аналогичными по структуре оказываются и старобелорусские фразеологизмы: *знаемость взяти, знаемость чинити 'познакомиться, знакомиться', дати знати 'сообщить', жену знати 'иметь в качестве жены', зостати при моцы 'не утратить силу'* и т. д. [ГСБМ, т.13].

7. Лидирующее положение в сфере предметных фразеологических наименований и в старорусском, и в старобелорусском языках занимают субстантивно-атрибутивные бивербы, чрезвычайно продуктивные, образующие целые «серии» единиц. Им свойственна различная степень фразеологизации, но их активность в сфере предметной номинации в обоих языках крайне высока. Для сравнения возьмем русские и белорусские названия указанного типа со словом *золотой*: *русск. золотыхъ дель мастеръ, золотая палата, золотое дело, золотая болезнь, золотая орда, золотые ворота* [СлРЯ, т.6] – *белор. золотая орда, золотое руно, золотая волна, золотый листъ, золотые ворота, золотые лета* [ГСБМ, т.13].

8. Таким образом, исследование номинативных функций старорусской и старобелорусской правовой фразеологии представляет несомненный интерес, поскольку позволяет устанавливать не только факты концептуального толка, но и, что самое главное, отслеживать закономерности фразеологической номинации в деталях применительно к определенному периоду и определенной сфере человеческой деятельности.

Т.Г. Трофимович, Н.В. Полещук (Минск)

НАЗВАНИЯ МОСКОВСКИХ ПРИКАЗОВ И СТАРОРУССКАЯ ПРАВОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ

1. Исследования по исторической фразеологии для современного языкознания продолжают оставаться актуальными. Это связано с малой изученностью всего корпуса фразеологических единиц русского языка прошлых эпох, а также его отдельных фрагментов (подсистем), выделенных на хронологической, тематической основе или на основе жанровой принадлежности памятников письменности, такие единицы содержащих. Современная славистика не имеет пока ответов на вопросы о том, какова доля древнерусской основы и новообразований в старорусской фразеологии, каковы пути возникновения и развития ее специфических черт, как во фразеологии отразились особенности менталитета русского народа, каким образом фразеологизмы выполняли свои функции в системах номинативных средств, в чем состоят особенности древнего фразеобразования. На примере названий московских

приказов попытаемся наметить пути решения некоторых проблем исторической фразеологии.

2. Приказы – это органы центрального управления в России, возникшие в XVI веке и просуществовавшие до начала XVIII века. Складывание приказной системы управления явилось одной из сторон процесса складывания Русского централизованного государства (А.А. Зимин, А.К. Леонтьев). Историки отмечают, что пестрота, разнохарактерность приказов, нечеткость в распределении между ними областей управления на всем протяжении их существования привели к тому, что в исторической литературе сложилось несколько классификаций для разделения приказов по характеру их деятельности [СИЭ, т.11, с.563]. Точное количество приказов не установлено, поэтому точно невозможно установить и количество бытовавших названий. Обращение к различным источникам (словарям, энциклопедиям, историческим исследованиям) позволяет говорить о существовании более 60 названий приказов. Это довольно большая группа номинативных единиц, которые могут и должны быть рассмотрены как фразеологические (фразеологизированные) наименования.

3. Есть основания считать, что система номинативных средств старорусского делового языка активно пополнялась за счет результатов семантической деривации. Так произошло и с наименованием *приказъ*, которое в XVI в. называет *‘приказ, распоряжение’, ‘действие по глаголу приказати’, ‘управление какой-л. частью дворцового или монастырского хозяйства, территорию в пределах этого управления’* и, наконец, *‘учреждение, имевшее в своем ведении какой-л. круг государственных дел’* [СлРЯ, т.19, с.168-169]. Применительно к учреждениям слово *приказъ* употребляется с 60-х гг. XVI в. [СИЭ, т.11, с.563]. Поскольку круг государственных дел был очень обширным, наименование *приказъ* подвергается развертыванию, входит в состав словосочетаний, другой компонент/компоненты которого призваны указывать, какими именно делами этот приказ занимался. Так возникли неоднословные наименования этих государственных учреждений, которые следует считать фразеологическими единицами, правда, с разной степенью фразеологизации. Им в разной степени присущи такие свойства устойчивых единиц, как воспроизводимость, повторяемость, транспозиция лексико-грамматического состава.

4. В пределах неоднословных наименований приказов, соотносимых со словосочетаниями, отчетливо вырисовываются три регулярные модели, по которым эти названия строились: *приказ чего (1), приказ каких/какого дел/дела (2), какой приказ (3)*. Так, по модели *приказ чего* построены, например, такие названия: *Приказъ Большого дворца, Приказъ Большой казны, Приказъ Великой России, Приказъ Верхней типографии, Приказъ новой аптеки* и др. По модели *приказ каких/какого дел/дела* построены наименования *Приказъ калмыцких дел, Приказъ астраханских дел, Приказъ ратных дел, Приказъ соборного дела, Приказъ городского дела, Приказъ полонянничных*

ДИСКУРС-КАТЕГОРИИ «ЖАНР» И «ФОРМАТ»: ОБОСНОВАНИЕ И ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ

Различные литературоведческие и лингвистические традиции, исследуя текст, осмысливают такую его категорию, как жанр. Объем этого понятия в зависимости от автора разный, но в любом случае жанр предстает, во-первых, комплексной категорией, которая, в свою очередь, операционализируется контекстными субкатегориями, а во-вторых, жанр подается через контексты разных уровней, что создает основу для выделения еще одной категории, отличной, но в то же время комплиментарной по отношению к жанру. В данной работе жанр противопоставляется формату. Обе категории здесь рассматриваются применительно к дискурсу и, таким образом, изначально получают статус содержательных категорий.

В работах разных ученых можно увидеть, что одним из основных критериев выделения жанров является некий контекст общения (у Бахтина – сфера общения). Разница в трактовке этого понятия определяет различные теории жанра. Так, А.Д. Степанов [Степанов, 2005] критикует бахтинское отнесение речевых жанров к определенной сфере общения (каждая сфера распадается на «тысячи совсем не похожих друг на друга “малых сфер”») и видит возможность модернизации этой мысли через соотнесение ее с теорией фреймов (теория искусственного интеллекта М. Минского). Фреймом он называет общую схему, наполняемую индивидуальным содержанием в зависимости от конкретной ситуации; широкую модель коммуникативной ситуации. В результате очевидно разделение на фреймовую и конкретную ситуацию общения.

В одном из наиболее детальных определений Битцера [Bitzer, 1968] риторическая ситуация предстает как комплекс субъектов (актантов), событий, объектов и отношений, которые представляют собой реальные или потенциальные крайности, которые полностью или частично преодолеваются, модифицируясь в процессе дискурса (имеющим место в рамках ситуации), который ограничивает (выстраивает) возможные мнения/решения и действия. И здесь мы видим некий абстрактный контекст крайностей, который сужается до ситуации непосредственного общения.

Халлидэй [Halliday, 1978] говорит о ситуации общения и о ее контексте, в котором выделяет такие составляющие, как: *field* (поле/сфера) – общая событийность, цели; *a tenor* (содержание ситуации) – кто вовлечен, их роли; *a mode* (форма) – роль языка. Эти компоненты контекста соотносятся с тем, что Халлидэй называет регистром. Регистр – совокупность семантических ресурсов, которые носитель культуры традиционно ассоциирует с типом ситуации, регистр несет потенциальное значение, которое возможно для конкретного социального контекста. Таким образом, и здесь мы видим как бы два контекста, типичный и реальный.

К нетипичным названиям целесообразно отнести онимы, выраженные преимущественно этикетными формулами, междометиями: вафли «*Браво*», «*Виват*», пряники «*Лепота!*», мороженое «*Ух, ты!*» и побудительными предложениями, содержащими глагол в повелительном наклонении: серия карамели «*Будь здоров!*».

Для реализации рекламной функции используются названия с различными словообразовательными компонентами «престижности», которые символизируют высокое качество предлагаемой продукции: булка «*Супер-солнышко*», хлебцы «*Изобилие плюс*», круасан «*Люкс*», вафли «*Классик-элит*», печенье «*Премиум*», «*Престиж*». С этой же целью привлекаются лексические средства других языков: торт «*Чиз-люкс*», молоко «*Ultra-clean*», йогурт «*Гранд-Фрут*», мороженое «*Супер Нат*», «*АЙС-КОЛА*», «*Мон Ами*» и др.

Необходимо отметить, что в иноязычных названиях представлены как заимствованные слова в графике языка-оригинала (конфеты «*CorneX*», шоколад «*Terravita*», сладости «*Milli Dilli*», молоко «*ACDE*», мороженое «*Dolce Vita*», крабовые палочки «*ESVA*»), так и иноязычные слова, передающиеся средствами русской графики (торт «*Шоколя де Труа*», «*Брависсимо*», конфеты «*УНО*», карамель «*Спартак-милк*», мороженое «*Тем-а-тем*»).

4. В системе тематических типов нетипичные онимы образуют тип «Искусство» (2,8%). В данный тип входят: 1) названия видов, жанров литературных и музыкальных произведений (пирожные «*Рансодия*», конфеты «*Романс*», торт «*Элегия*», «*Сказка*», пряники «*Сонет*», «*Ноктюрн*»); 2) названия танцев (карамель «*Кадриль*», конфеты «*Полонез*», «*Лявониха*», «*Апельсиновая румба*», «*Ванильный рок-н-ролл*», «*Мятный джайф*»); 3) онимы, называющие автора и его произведение (шоколад «*Сказки Пушкина*», «*Басни Крылова*»); 4) названия художественных произведений (шоколад «*Красная Шапочка*», «*Кот в сапогах*», «*Маугли*» и др.).

5. К нетипичным онимам в системе мотивационных типов относятся номинации, воспроизводящие средства речевого контакта и этикетные языковые формулы (пирог «*Желаем счастья молодым*», «*Каб вялося*», «*Поздравляем*»; торт «*С праздником*»; конфеты «*С любовью*», «*С днем рождения*», «*Поздравляю*»; карамель «*Будь здоров*»; зефир «*Благодарю*»; шоколад «*С юбилеем*», «*Я тебя люблю*»; мюсли «*Добрый день*»; сыр «*Доброй раніцы*», кукурузные палочки «*Хочу еще*».

Одним из распространенных приемов привлечения внимания является представление объекта именованного как входящего в личную сферу адресата (покупателя / потребителя). Например, булка «*Для школьников*», торт «*Для тебя*», конфеты «*Поздравление для Вас*», «*Тюльпаны/Ландыши для Вас*», «*Сладкий танец для Дам*», шоколад «*Только для Вас, Сударь*», каша «*Для Саши и Маши*», творог «*Для сладстен*».

Таким образом, в системе современных названий продуктов питания выделяются как продуктивные (типичные), так и нетипичные онимы, позволяющие внести разнообразие в систему современных онимических номинаций.

дел и др. Подавляющее большинство названий московских приказов строилось по третьей модели – *какой приказ: Приказ аптекарский, артиллерийский, димочный, иконный, иноземский, казенный, конюшенный, литовский, оружейный, печатный, поместный* и др.

5. Определенная часть анализируемых наименований максимально приближена к свободным словосочетаниям, поскольку никакого переосмысления семантики компонентов не наблюдается. Так, например, *Приказ Большой казны* был создан для руководства государственным хозяйством, *Большая казна* – центральное финансовое учреждение России; *Приказ золотого и серебряного дела* – учреждение, ведавшее ювелирными мастерскими [СлРЯ, т. 19, с. 169], *Казачий приказ* – государственное учреждение, ведавшее казачими войсками в Москве и в других городах [СлРЯ, т. 19, с. 169] и т.д. К такому типу наименований принадлежит большая группа единиц, называвшихся *приказы*, управлявшие той или иной территорией: *Костромской приказ*, *Володимерский приказ*, *Сибирский приказ* и т.п. Приведенные единицы характеризуются низким уровнем фразеологизации, хотя ими свойственна воспроизводимость и повторяемость.

6. В пределах рассматриваемых номинативных единиц особая роль в выражении смысла принадлежит атрибутивному компоненту, который, как показывают наблюдения, подвергается переосмыслению в той или иной степени. В процессе возникновения наименований смысл, имевший первоначально прямое словесное выражение, стремился вылиться в лаконичную единицу номинации. Это сопровождалось свертыванием более пространственных названий в более короткие, удобные для использования. Таким образом появлялись наименования, в которых атрибутивный компонент переосмысливался. Например, *приказ, ведавший постройкой каменных зданий* получил название *Каменный приказ*; *приказ, удостоверяющий частным лицам подлинность документов печатями* стали называть *Печатный приказ*; *приказ, ведавший доходами с кабаков* – *Кабацкий приказ* и т.д.

Есть основания считать, что в процессе фразеобразования в атрибутивном компоненте нередко эксплицировалась незначительная часть изначально, предназначенного для выражения смысла. Так, *приказ, дворцовое учреждение, ведавшее царским выездом и сбором пошлины с торговли лошадыми* назывался *Конюшенный приказ*; *приказ, ведавший царской постелью и лицами, обслуживавшими царскую семью* – *Постельный (Постельничий) приказ*; *приказ, занимавшийся пушкарями, оружейными и пороховыми заводами, снабжением огнестрельным оружием* – *Пушкарский приказ*; *приказ, государственное учреждение, ведавшее судебными делами духовенства по земельным и имущественным отношениям* – *Монастырский приказ* и т.д.

Указанное «несоответствие» названия приказа тому, чем он занимался, не следует относить на счет изменения, расширения функций этих государственных учреждений, хотя такое тоже имело место. Перед нами факты се-

мантической транспозиции атрибутивных слов, происходившей в процессе фразообразования.

7. В рамках ограниченной по объему публикации не представляется возможным проиллюстрировать все сдвиги в семантике, которые происходили при возникновении такой группы номинативных единиц, как названия московских приказов. Ограничимся констатацией того, что эти названия в разной степени подвергались фразеологизации, вплоть до идиоматизации. Высокой степенью фразеологизации характеризуются такие наименования, как *Житний приказъ (ведал приемом и хранением казенных припасов)*, *Иконный приказъ (ведал дворцовыми иконописцами)*, *Ловчий приказъ (ведал царской охотой)*, *Купецкий приказъ (ведал оценкой мехов и другими вопросами, связанными с пограничной торговлей)*, *Посольский приказъ (ведал сношениями с иностранными государствами)* и т.д.

Механизмы фразеологизации наименований в той или иной степени поддаются восстановлению. Например, *Житний приказъ* назывался сначала *Приказъ житнихъ дворовъ, житные дворы* были местом сбора и хранения съестных припасов; *Полоняничный приказъ* занимался делами выкупа пленных и сбором средств на их выкуп, *полоняничных денег* и т.д.

9. Названия московских приказов образуют довольно большую группу предметных фразеологических и фразеологизированных наименований, которая является характерной для старорусской правовой фразеологии.

Говоря о переосмыслении атрибутивного компонента в процессе фразеологизации, мы идем от готового слова и его значения, в то время как осознание детерминированности наименования движется от референта денотата к денотату и сигнификату. Если такое движение может быть установлено и осознано в причинно-следственном ключе, можно говорить о существовании номинативной единицы фразеологизированного толка при условии ее терминологичности, устойчивости и воспроизводимости.

астиионимы (хлеб «*Вильня*», торт «*Питер*», печенье «*Венеция*»); инсулонимы (мороженое «*Таити*», икра «*Чингай*»); комонимы и их производные (хлеб «*Вязьински*», печенье «*Раубичи*»); оронимы (печенье «*Афон*», торт «*Арарат*»); астронимы (вафли «*Меркурий*», печенье «*Альтаир*», торт «*Венера*», конфеты «*Андромеда*»); гидронимы и их производные (торт «*Неман*», карамель «*Немига*», минеральная вода «*Сож*», «*Вяча*», батон «*Байкальский*», сушки «*Днепровские*», сухари «*Браславские*», кекс «*Донской*», вафли «*Черноморские*»); урбанонимы и их производные (хлеб «*Комаровский*», булка «*Слепянка*», бифштекс «*Уручский*»); хоронимы (мороженое «*Африка*», «*Япония*», багет «*Чили*» и др.). В системе мотивационных типов онимических номинаций продуктивным является образно-ассоциативный тип (49%). Наиболее распространенную группу (45%), входящую в образно-ассоциативный тип составляют названия, образованные на основе ассоциаций географического и этногеографического характера (торт «*Антарктида*», хлеб «*Паланга*», молоко «*Атолино*», карамель «*Браславские озера*», вафли «*Черноморские*», сыр «*Альпийский*», пряники «*Уральские*» и др.)

3. Наряду с продуктивными и типичными онимическими номинациями выделяются нетипичные онимы. В системе структурных типов онимических номинаций выделяются онимы, представленные следующими сочетаниями: имя прилаг. в И.п. + имя сущ. в И.п. (батон «*Золотой колос*», булка «*Маковый цвет*», пирог «*Борисовский калейдоскоп*», бисквит «*Фруктовая фантазия*», рулет «*Лесная ягода*»); имя сущ. в И.п. + имя сущ. в косв.п. с предлогом (хлеб «*Деликатес с курагой*», пирог «*Корзинка с цветами*», сдоба «*Галстук в шоколаде*», «*Сюрприз с брусничкой*», печенье «*Капризка с кокосом*»); имя сущ. в И.п. + имя сущ. в Род. п. (мармелад «*Сад мечты*», карамель «*Аромат лимона*», конфеты «*Нектар Клеопатры*», «*Сказка леса*», вафли «*Цветок душицы*», шоколад «*Знаки Зодиака*» и др.); имя числит.+ имя сущ. в косв. п. (хлеб «*Восемь флагов*», халва «*360 W*», мороженое «*28 копеек*», «*20 копеек*», «*33 коровы*»); местоимение + имя сущ. в И.п. (хлеб «*Наша марка*», пирог «*Моя семья*», пряники «*Моя столица*», торт «*Мое настроение*», карамель «*Наш сад*»); предложно-падежные сочетания (печенье «*К чаю*», «*К завтраку*», «*К полднику*», грудинка «*К застолью*»; хлеб «*Для гурманов*», булка «*Для школьников*», ветчина «*Для завтрака*», рулет «*Для гостей*», салями «*Для банкета*», «*Для пикника*»; печенье «*На десерт*», творожная паста «*На хлебушек*», йогурт «*На ура*»; мороженое «*У камина*» и др.).

Группа однословных нетипичных онимов немногочисленна и представлена единицами, образованными аббревиацией (шоколад «*Шококос*», печенье «*Шоколадушки*»); словосложением (шоколад «*Евровита*», молоко «*Йоддар*», мороженое «*Лёдочай*», «*Фруктолет*», хлеб «*Долголет*», торт «*Амарена-йогурт*»); материальной индексацией, представленной названиями, образованными путем прибавления к производящей основе своеобразного морфа-индекса – цифры или буквы (торт «*Торнадо-1*», конфеты «*Каприз – К*», «*Флирт+*», шоколад «*Спартак 72%*»).

есть участника бизнес-коммуникации), так и для их эффективного декодирования текстов адресатом-участником бизнес-коммуникации, а если адресат-участник бизнес-коммуникации не понимает специфику различных форматов бизнес-коммуникации или специфику её жанров, не видит разницу между ними, то это незрелый, начинающий участник бизнес-коммуникации.

Понятие «формат» есть имплицитный набор правил и норм (стандарт), определяющих, каким образом содержание должно быть формально организовано и представлено для того, чтобы оптимально структурировать физическое пространство своего дискурса и при этом соответствовать порождающим потребностям адресанта и перцептивному ожиданию адресата. Опыт знакомства участников коммуникации с форматами помогает им выбирать и уже потом наполнять своими жанровыми формами, своим собственным содержанием «свои», т. е. знакомые и близкие по духу, значимости, глубине изложения, времени, участникам общения, ситуации общения. Таким образом, формат – это стандарт соотношения реальных людей, субъектов коммуникации, сорганизованных в текстовом пространстве, в определенных пространственных и временных рамках. Иными словами, формат – это сочетание устойчивых формальных признаков текстов (дискурса) с определенным содержанием (устойчивыми структурными компонентами стиля) [Т.Г. Добросклонская, 2000]. Под устной деловой речью, вслед за М.В. Колтуновой, мы понимаем стилевое образование, сочетающее черты разговорного и делового стилей – разговорно-деловую речь (принятую в речевой коммуникации данной страны) языковой общности.

Формат дискурса деловых переговоров будет зависеть от: (1) коммуникативной цели (интенции коммуникантов), (2) самих участвующих субъектов (их роли, статуса и отношения между ними), (3) места, времени и способа их общения.

О.Ю. Лазарева (Минск)

НЕТИПИЧНЫЕ ОНИМЫ В СИСТЕМЕ НАИМЕНОВАНИЙ БЕЛОРУССКИХ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ

1. Цель исследования состоит в типологической характеристике наименований продуктов питания, производимых на территории Беларуси в течение последнего пятилетия, в выявлении продуктивных и нерегулярных типов онимических номинаций. Корпус исследовательского материала составил 4312 названий продуктов питания и безалкогольных напитков.

2. В результате типологической характеристики онимических номинаций выявлены следующие продуктивные типы. В иерархии структурных типов наиболее продуктивным (25%) является однословный субстантивный тип: хлеб «Спадчына», «Витязь», «Дарий», «Хозяюшка», «Хуторянка», батон «Старт», «Гармония», рулет «Абрикос», вода «Марьюшка» и др. В системе тематических типов продуктивным является географический тип (19%). Данный тип представляют следующие разновидности онимических номинаций:

Н.А. Ждановская (Минск)

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СОЦИАЛЬНО-КРИТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Попытка исследования идеологии как политического дискурса и лингвистического явления в рамках социально-критической программы философствования предпринималась еще К. Марксом и Ф. Энгельсом. Изучая феномен сознания, мыслители обращали внимание на язык как важнейший феномен, связанный с ним. Подчеркивая неразрывное единство языка и мышления, они выдвигали важнейшее положение о том, что язык есть «непосредственная действительность мысли», что он представляет собой «практическое, (...) действительное знание» [Маркс К., Энгельс Ф., 1955]. При этом, подчеркивая первоначальное тождество сознания и социальной жизни, К. Маркс выдвигал идею, имевшую существенное значение для последующего развития теории идеологии в XX в. Речь идет о трактовке сознания как структурированного языком, обращенным к Другому: «Язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [Родченко К., 2002, с. 191].

Дальнейшее развитие идеи указанных мыслителей получили в «социологии знания» К. Мангейма. По его мнению, влияние социальной системы на сознание индивида осуществляется уже не только через механизм реализации классовых, экономических интересов, как полагал К. Маркс, но и посредством всей социально-культурной ситуации, в которую с самого рождения оказывается погруженным индивид. А она, в свою очередь, находит свое отражение прежде всего в символических структурах языка.

Перед исследователями второй половины XX – XXI в. особую актуальность приобрела проблема поиска конкретных механизмов воздействия идеологии на индивидуальное и массовое сознание. В качестве наиболее репрезентативных теоретических моделей такого рода следует назвать концепцию «интерпелляции», разработанную в рамках французской школы «анализа дискурса» М. Пешё и П. Серио, а также семиологический проект У. Эко.

Феномен интерпелляции основывается на многозначности французского слова *interpellation*, что означает как окликание, так и задержание с целью проверки документов. Согласно М. Пешё, подобная амбивалентность смысла характеризует различную степень воздействия идеологических конструкций

на бытие субъектов. М. Пешё и П. Серио исходят из того, что посредством механизма «интерпелляции» феномен идеологии раскрывается через лингвистические особенности составления идеологических текстов. Это направление, называемое «автоматическим анализом дискурса», находится на пересечении анализа идеологии в качестве социального явления и политического дискурса. Рассматривая идеологию как текстуальное отражение реальности, представители анализа дискурса обращаются к когнитивной и компаративной лингвистике, а также к методам постнеклассического психоанализа в целях дескрипции соотношения между интерпретацией идеологических текстов и существующими общественными отношениями.

Французские мыслители уделяют особое внимание социальной погруженности всякого дискурса, в том числе и политического. Они указывают на то, что само чтение текста представляет собой процедуру семантического переосмысления и переоценки написанного, оно выступает как акт созидания новых смысловых реалий и таким образом вплотную приближается к проблемам философской герменевтики. М. Пешё анализирует в связи с этим проблему субъекта идеологического дискурса, а также роль самоочевидных и самореферентных высказываний в формировании идеологии. Поскольку «ясно, что вы и я являемся субъектами (свободными, юридическими и т.д.)» [1999, с. 260], идеология представляется вездесущей, ибо она обращается к индивидам как к субъектам.

Семиология У. Эко связывает процессы интерпретации социальных кодов с особенностями массового сознания, с одной стороны, и конкретным социальным положением индивидов и групп – с другой. Особенно ярко это проявляется в процессе выбора алгоритма кодировки и декодировки информации: «нередко выбор кода предопределяется соответствующей идеологией, по крайней мере, в тех случаях, когда та или иная риторика срослась с определенной идеологией. В случае с фразой "Рабочий должен быть на своем месте" очевидно, что теоретически она может быть интерпретирована двояко, но на практике мне было бы непросто встретить ее в какой-нибудь газете или в журнале левой ориентации, и скорее ее удалось бы обнаружить в газете правого толка, и так это потому, что определенные способы языкового выражения отождествились с определенным мировоззрением» [Эко У., 2002, с.108-109].

У. Эко рассматривает проблему идеологии через соотношения данного явления с семиологическими кодами. Придерживаясь той точки зрения, что идеологические конструкты порождаются мифологическим сознанием, он раскрывает механизм их взаимной трансформации следующим образом: «... добиться этого (появления идеологии – Н.Ж.) можно, лишь превратив знаемое в систему знаков: мы опознаем идеологию как таковую тогда, когда социализуясь, она превращается в код. Так устанавливается тесная связь между миром кодов и миром предзнания. Это предзнание делается знанием яв-

са неотделимы друг от друга. Эффективная коммуникация очень важна для успеха в современном деловом мире, так как, во-первых, решение многих задач в бизнесе строится на непосредственном взаимодействии людей в рамках различных ситуаций. Во-вторых, деловая коммуникация является лучшим способом обсуждения и решения вопросов. В современном мире ключевую роль в бизнесе играет хорошо налаженная система коммуникаций между сотрудниками компании и ее партнерами [Ширяева 2008].

Деловое общение является целостной, иерархически выстроенной системой речевых жанров. Следуя духу концепции М.М. Бахтина, К.Ф. Седов определяет речевой жанр как вербально-знаковое оформление типических ситуаций социального взаимодействия людей. Современные теоретики приписывают жанру такие атрибуты, которые никак не могут быть свойственны застывшему, статичному конструкту. Ведь жанр ориентирован на взаимодействии адресанта и адресата, которое уже по определению динамично. Жанр – это специфичный набор формул, который предлагает «сертифицированный продукт» ожидающему потребителю (Эндрю, 1984). Т. е. это и форма (набор формул), и содержание (ожидание, что форма несет определенное содержание, закрепленное за ней). «Речевой жанр – это не просто минимальная единица речи, удобная для членения единого коммуникативного пространства. Это категория, которая выступает активным участником в процессе познания человеком окружающей действительности. Речевой жанр – это центральное звено в цепи гуманитарного знания, потянув за которое можно вытащить на свет тайны важнейших явлений человеческой культуры. И если на одном конце цепочки окажутся социальное бытие, сознание и мышление, то на другом – язык и иные средства общения» [К.Ф. Седов, 2007]. Мы в своем исследовании принимаем определение жанра в сочетании его: функции, формы, содержания. В рамках нашего исследования жанр становится значимым системным элементом коммуникативного содержания. Так, жанровый анализ помогает высветить содержание текста, увидеть мысль в ее структурно-системной данности.

Однако тот факт, что теория жанров соподчинена в первую очередь системному порядку, обнаруживает себя необходимость вычленив из нее ее структурный параметр. Так получает право на существование в современной теории деловой коммуникации теория форматов. Жанр не охватывает всего возможного набора композиционной проекции текстового (дискурсного) содержания. Жанр (системная организация текста) есть продолжение формата (структурная организация текста) и наоборот. Вычленение понятия «формат», без которого уже невозможно охватить содержательную специфику дискурса делового общения и его противопоставление понятию «жанр», позволяет уйти от статического видения композиционного «рисунка текста» и увидеть источник подвижности (от жанра к формату и от формата к жанру), и, соответственно, саморазвития содержательной организации текста. Это, безусловно, важно как для успешного порождения текстов (для адресанта, то

альную целостность Сербии и проголосовали за это по резолюции 1244 в ООН.

Такая же картина наблюдается в отношении адресата «Америка». Ведущий и Дуэлянт 2 отождествляют себя с адресатом «Россия», а Дуэлянт 1 с адресатом «Америка». Такое четкое противопоставление в адресации выражены через личное обращение к Дуэлянту 1 на «Вы» при помощи собирательных существительных «люди», «американцы», имён собственных: *Посоветуйте людям в Нью-Йорке беречь башни, оставшиеся; Замечательно. Осталось, чтобы Америка присоединилась к Вашей точке зрения. Поговорите в своем институте.*

Анализ дискурса-категории «адресат» показал, что в дискурсе дуэлянтов и ведущего есть два типа адресации, косвенная адресация (телевизионная аудитория) и прямая (участники ток-шоу). Важно и то, что адресанты отождествляют себя со своими адресатами, обозначают «своего» получателя, что делает порождаемый текст целенаправленным и персонифицированным. Это важно в общении в условиях телевизионного политического ток-шоу. Наличие общих групп адресата в речи трёх ключевых участников ток-шоу «К барьеру!» (Россия, Америка и др.) и постоянное к ним обращение является значимым для взаимодействия участников ток-шоу. Общая адресация становится, таким образом, необходимым условием взаимодействия в условиях многостороннего общения.

Л.В. Курчак (Минск)

ДЕЛОВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ КАК ОСОБЫЙ ЖАНР И ФОРМАТ ОБЩЕНИЯ

Переговоры – это одновременно и жанр и формат общения. Суть переговоров заключается в обмене коммуникантов мнениями для реализации самых разных целей. Переговоры – это арена состязания и сотрудничества. Достоинство переговоров в том, что они позволяют их участникам приходить к договоренности. Под переговорами, вслед за известным французским политологом Тьерри де Монбриалем, мы понимаем «совместный поиск соглашения между двумя или более чем двумя сторонами». В этом и состоит их основное предназначение. Их роль в международной, экономической и общественно-политической жизни неуклонно возрастает.

Сфера бизнеса, являющаяся одной из форм проявления существования человечества, относится сегодня к числу наиболее значимых областей общественной жизни. Деловые отношения – это одна из главных созидательных сил всякой цивилизации, так как для строительства последней необходима инициатива, организация усилий разных людей на совершенно новое дело [Глущенко, Капцов, Тихонравов, 1996]. Новые экономические и социальные условия выдвинули на первый план необходимость повышения уровня коммуникативной компетентности. Высокая речевая культура и развитие бизне-

ним, управляемым, передаваемым и обмениваемым, становясь кодом, коммуникативной конвенцией» [Эко У., 2002, с.108].

Эта стратегия находит свое отражение и в современном неомарксизме: «Артефакты идеологии включают не только теоретические доктрины, но и все символические средства (обыденные представления, образы, тексты и т.д.), с помощью которых индивид осмысливает свое место в социальной реальности, приобретает чувство идентичности, мотивацию к социальной деятельности, – короче говоря, формируется как социальный субъект». [Рисмухамедов И.А., 2003, с.14].

Процесс интерпретации социальных кодов обусловлен, с одной стороны, особенностями массового сознания, а с другой – порождается социальным положением индивида и таким образом связан с объективными законами общественного развития. Эту позицию разделяет и английский исследователь С. Холл: «идеологический знак можно дискурсивно переартикулировать, чтобы сконструировать новые значения, связать его с различными социальными практиками и позиционировать социальных субъектов различными способами...Идеология не подчиняется логике рационального дискурса и не является закрытой системой, хотя она и имеет собственную «логику». Как и другие символические и дискурсивные формации, идеология соединяет (...) явно несхожие, а иногда противоречивые идеи» [Hall, 1988, р. 9-10].

Таким образом, язык является механизмом, который обеспечивает связь между двумя компонентами комплексной структуры феномена идеологии: между ее социальной и психологической основами. Переводя индивидуально-чувственные образы, воспринимаемые человеком, в социально-значимые коды, а также отражаясь в виде лингвистически выстроенных политических текстов в сознании, он обеспечивает возможность существования и функционирования идеологии в социуме.

Я.Р. Зинченко (Минск)

ОСОБЕННОСТИ АДРЕСАЦИИ В ДИСКУРСИЯХ ВЕДУЩЕГО И ДУЭЛЯНТОВ ТОК-ШОУ «К БАРЬЕРУ» (НА МАТЕРИАЛЕ СКРИПТА 168-го ВЫПУСКА)

Политические ток-шоу стали популярными на телеканалах стран бывшего СССР с начала 90-х годов. Как особый формат политической коммуникации впервые они появились в 60-е г. XX в. в США и Западной Европе. Ведущей функцией политического ток-шоу является «создание атмосферы демократического дискурса» [Plake, 1998] или такого информационного пространства, в котором был бы максимально широко представлен спектр мнений по общественно-значимой проблеме. Политические и общественно-политические ток-шоу относят к формату «дебатов» [Plake, 1998], [ARS GRAMMATIKA, 2007].

В каждом отдельно взятом случае взаимодействие участников политического ток-шоу организовано различным образом, но всегда есть многостороннее общение. Формат политических ток-шоу имеет, во-первых, три базовых элемента ток-шоу (*ведущий, гости, публика*). Во-вторых, здесь созданы определенные коммуникативные условия взаимодействия участников (общения). Доминирующая коммуникативная установка ток-шоу – убедить третью сторону (*телезрителей*) в своей правоте. Две стороны (два дуэлянта) представляют противоположные точки зрения (дебатировать) на одну и ту же актуальную проблему общественно-политического значения.

Изучение особенностей многостороннего взаимодействия коммуникантов в ток-шоу мы будем проводить с опорой на методики дискурс-анализа. Соответственно, наша задача состоит в нахождении того, какие дискурс-категории являются содержательно актуальными в текстах, порожденных участниками ток-шоу, и изучением особенностей их вербальной репрезентации.

Наша гипотеза состоит в том, что взаимодействие участников ток-шоу «К барьеру!» наиболее ярко проявляется в таких дискурс-категориях, как *адресация (адресат), самоидентификация, время, пространство, роль*, а также *интерсубъектность, интерсобытийность, интертекстуальность*. В данном материале внимание сосредоточено только на дискурс-категории «адресат» путём проведения реконструкции этой дискурс-категории на примере одного из выпусков ток-шоу «К барьеру!», а именно, 168-й выпуске от 21 февраля 2008 г.

Итак, посмотрим, как актуализирована данная категория (адресат) в дискурсе ведущего (Владимира Соловьёва), двух дуэлянтов (Николая Злобина и Константина Затулина). Проведенный дискурс-анализ состоял из таких шагов, как сбор базы данных и сведение полученных данных в таблицах, описание таблиц и комментарии к ним, сопоставление результатов и комментариев.

Реконструкции дискурс-категории «адресат» из текста ведущего показала, что ведущий ток-шоу обращается ко всем (дуэлянтам, секундантам, судьям и телезрителям), но не ко всем одновременно. Каждый раз его целевая аудитория может претерпевать изменения. Меняется также и тональность, поведение, выбор стилистических средств. У ведущего ток-шоу «К барьеру!» мы выделили 7 групп адресатов: (1) два дуэлянта, (2) четверо секундантов, (3) четверо судей, (4) телезрители, (5) Россия, (6) Америка, (7) женщины. Рамки данного материала не позволяют подробно описать все эти группы адресатов, поэтому мы остановимся только на самых показательных примерах.

Ведущий обращается к дуэлянтам, судьям и секундантам по имени или имени-отчеству, использует вежливую форму местоимения третьего лица «Вы» или формальное «господин», «госпожа», вежливый императив глаголов (подчеркнутая уважительная формальность в обращении). Например, к ду-

элянтам: *Константин, Вам бросили вызов, Вам право первого вопроса; Николай, если провести голосование, то большинство стран присудят Америке немедленное хакари; Николай Васильевич! и др.*; к судьям: *Прошу, господин Казинец; Госпожа Виноградова; Госпожа Назарук; Господин Брусникин*; к секундантам: *Прошу; Будьте любезны*.

Группы адресата «Россия» и «Америка» одновременно сопряжены с адресатами «телезритель» и «дуэлянты». Адресаты «Россия» и «Америка» вербально репрезентированы как (1) имена собственные (политические реалии, географические названия), (2) местоимениями 2-го л. мн.ч. «вы» и 1-го л. мн.ч. «мы». Ведущий обращается к широкой аудитории, не дифференцируя ее по социальному статусу, но косвенно дифференцируя ее по политической позиции или симпатии к одному из дуэлянтов, используя при этом одновременно в речи двойную адресацию «Россия» ↔ «Америка». Всё можно увидеть в следующих примерах: *Мне, кстати, нравится эта идея: Америка заинтересована в стабильности на Балканах, поэтому вводит туда свои войска, а мы, заинтересованы в стабильности в Техасе, поэтому предлагаю туда ввести войска, так как граждане давно хотят отсоединиться от Соединенных Штатов! Мы заинтересованы!; Кстати, в Совете Безопасности Вы проиграла: большинство стран было против*.

У дуэлянтов количество адресатов в речи различается. У Дуэлянта 1 (Николай Злобин) мы выделили 4 группы адресата: (1) «оппонент» (дуэлянт второй, секунданты), (2) «ведущий», (3) «Россия», (4) «аудитория». В речи Дуэлянта 2 (Константин Затулин) проявились 6 групп: (1) «оппонент» (первый дуэлянт и его секунданты), (2) «ведущий», (3) «Россия», (4) «Америка», (5) «женщины», (6) «аудитория».

В качестве иллюстрации приведем пример с группой адресата «Россия», так как данный адресат присутствует как у обоих дуэлянтов, так и у ведущего ток-шоу. Дуэлянт 1 отождествляет своего оппонента, Дуэлянта 2, с адресатом «Россия», что значительно шире, так как подразумевает обращение, в том числе, к политической элите и гражданам страны: *Ну, раньше договаривались о многом, и, Россия, в том числе входила в договоры по многим вопросам. Я не очень понимаю избирательность, почему Россия поддерживает целостность территории Сербии, а притом, что Россия отказывается от права народов на самоопределение, на принцип борьбы за независимость, на право народов выбирать свою судьбу? Нет, Россия же не отказывается от этих принципов. Почему именно этот вопрос стал для России самым главным?*

Дуэлянт 2 в обращении к тому же адресату использует в речи местоимение 1-го лица мн. числа «мы», включая себя в политическую общность (элиты и граждан): *Я защищаю, безусловно, интересы России, которые в данном случае полностью совпадают с принципами международного права; Мы обязались, так же, как и наши западные коллеги, уважать территории*